

ДОНЕСЕНИЯ ЯКОВА ТОЛСТОГО ИЗ ПАРИЖА В III ОТДЕЛЕНИЕ

ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ, ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА, НАЧАЛО
ВТОРОЙ ИМПЕРИИ *

Статья Е. Тарле

Фигура Якова Толстого, в молодости приятеля Пушкина и участника движения, закончившегося восстанием 14 декабря, затем эмигранта, оставшегося за границей, где его застал декабрь 1825 г., наконец, агента и секретного сотрудника русской политической полиции, достаточно выяснена, чтобы стоило здесь на ней много останавливаться. К сожалению, правда, ни тот материал, исходящий от Якова Толстого, который уже был опубликован в русском переводе Централархивом, ни тот, еще не изданный, с обширными выдержками из которого читателю предстоит сейчас ознакомиться, ни, наконец, свидетельства других лиц, касающиеся самого Я. Толстого, не дают ключа к психологическому пониманию того момента, когда этот человек превратился в сотрудника III отделения. Но нас здесь интересует не личность Я. Толстого, а его секретные политические корреспонденции, которые он составлял и слал из Парижа в Петербург на протяжении целых 30 лет. Ряд моментов в его донесениях является безусловно ценным и свежим материалом для истории Франции, особенно для истории французской печати от середины 30-х годов XIX в. до начала крымской войны 1854—1856 гг. Конечно, Яков Толстой в этих донесениях усердно подделывается и к политическим воззрениям и к умственному уровню своих нанимателей и начальства: Бенкендорфа, Орлова, которым он непосредственно адресовал свои письма, Дубельта, Николая I. Но, при всем том, в корреспонденциях Я. Толстого разбросано немало тонких и проницательных замечаний, обличающих местами очень отчетливое и ясное понимание происходящих перед ним событий и заставляющих читателя неоднократно вспоминать, что перед ним не заурядный шпион из иностранного отдела петербургского III отделения, а человек, которому Пушкин посвящал в молодости стихи, который лично общался со многими выдающимися современниками как в России, так и за границей и которого они считали человеком подходящим к общению с ними по своему умственному уровню. Конечно, не часто Яков Толстой в своих донесениях пускается в историко-философские размышления и общие соображения: его нанимателям это вовсе не требовалось. Философия происходящей истории была ими усвоена в том виде, как она была сформулирована в 1850 г. в лыстовой «записке» министра иностранных дел Нессельроде, представленной

* Перевод документов с французского сделан А. Сиверсом.

Николаю I по поводу исполнившегося двадцатипятилетия его царствования. Все эти годы, по мнению царского министра, Европа была обуравема пламенем «мятежей», а русский царь не переставая «спасал» ее, стоя на страже тронов, алтарей, общественного «порядка» и «нравственности». Во главе «мятежей» всегда шла и продолжает идти Франция, очагом их был и остается Париж. Яков Толстой все время вполне применяется к этим махрово-реакционным воззрениям, обеспечившим самодержавию заслуженную репутацию «жандарма Европы», а на свою роль поэтому он не может не смотреть, как на роль лазутчика, пробравшегося во вражеский стан и сигнализирующего оттуда в свой лагерь о поднимающихся опасностях и возникающих тучах.

Тон, которым говорится в этих донесениях о людях и событиях,—неизменно презрительно-порицающий, укоризненный, свысока-поучительный; это тот самый тон, какого всегда держался, говоря о Франции, сам Николай I, начиная с июльской революции 1830 г. и вплоть до той грозной минуты весною 1854 г., когда Наполеон III объявил царю войну, которой суждено было нанести такой страшный, непоправимый удар всему николаевскому режиму и снести самого Николая I с лица земли.

Использованные нами документы именно и доводят нас почти до этой финальной катастрофы—до начала 1854 г. Начинаются же они как раз с того момента, когда русское правительство решило иметь в лице Якова Толстого политического соглядатая, и дают понятие о том, чего, собственно, хотело от него начальство¹.

Дело происходит осенью 1836 г. Яков Толстой уже успел зарекомендовать себя (сидя за границей) благонамеренными выступлениями в европейской прессе в пользу русского правительства². В III отделении возникает план возложить на него миссию бороться в Париже против враждебной России прессы. Николай I дает на это свое согласие, и Толстой, вызванный царским распоряжением на родину, поступает на службу в III отделение. Несколько позднее, по инициативе самого Толстого, круг его обязанностей расширяется: он получает разрешение, помимо основной своей обязанности—борьбы с французской прессой, осведомлять русское правительство о том, что делается в политических кругах Парижа, а также снабжать начальство книжными новинками.

Новая карьера Якова Толстого устроилась окончательно, повидимому, после письма посла Палена к Бенкендорфу. Письмо Палена помечено 20 ноября 1836 г., а уже 3 января 1837 г. варшавский наместник Паскевич сообщает Бенкендорфу о проезде через Варшаву направляющегося в Петербург Якова Толстого.

Эти характерные документы много разъясняют в миссии, возложенной на Толстого, хотя и не дают исчерпывающего представления о полном, так сказать, «объеме» этой миссии нового секретного сотрудника III отделения.

Париж, 20/8 ноября 1836 г.

Е. с. графу Бенкендорфу

Дорогой граф,

Я не хочу отпустить Якова Толстого, не сообщив вам нескольких соображений по поводу поручения, которое правительство намерено, повидимому, на него возложить. Насколько можно судить по смыслу вашего официального письма от 8/20 августа³, это поручение должно носить чисто поле-

мический характер, а потому оно связано с существенными затруднениями, на которые я считаю своим долгом обратить ваше внимание.

Агент, назначенный *ad hoc*, чтобы вести борьбу с прессой сильной, грозной, я сказал бы, даже всемогущей в этой стране, так как она охватывает все, проникает всюду, господствует над всем, сделался бы мишенью для самых ожесточенных нападок, и его поручение с самого начала было бы обречено на неудачу. Все органы прессы, каких бы убеждений они ни

Я. Н. ТОЛСТОЙ

Литография с портрета И. Гейделя, 1834 г.

Литературный музей, Москва

придерживались, претендуют на известную независимость, а поэтому человек, который предстал бы перед ними в качестве борца, бросающего перчатку всем, кто посмел бы хулить Россию, несомненно, погиб бы под ударами своих многочисленных противников. Все это относится к положению агента, имеющего открытое поручение бороться против нежелательных уклонений в прессе.

Совершенно иным было бы положение агента, на которого правительство возложило бы безобидную, но почетную миссию, например, корреспондента министерства народного просвещения по научным и литературным вопросам. Он мог бы тогда обрабатывать прессу, так сказать, под шумок,

а те связи, которые создадутся у него в силу самого служебного его положения, значительно облегчат ему возможность приобрести влияние в литературных кругах⁴.

Подобного рода поручение, дорогой граф, поскольку оно было бы явным и не связанным ни с какой иной обязанностью, представило бы массу затруднений и подвергало бы агента, выполняющего его, беспрестанным оскорблениям и скандальным обвинениям. Между тем, если сделать это поручение тайным и дополнительным, можно было бы, введя тем в заблуждение газетных писак, достигнуть намечаемой цели. Я могу сослаться на пример г. Дюрана⁵, проживающего во Франкфурте и принимающего участие в местной газете статьями по вопросам, в защиту которых и Толстому также придется, вероятно, выступать. Некоторые из этих статей достаточно хорошо написаны, но они не достигают обычно цели потому, что общественное мнение восстановлено против автора и на него везде смотрят, как на наемного агента правительства, который пишет не по убеждению, а за определенную плату.

Напротив, русский агент, миссия которого, не получив огласки, прикрывалась бы служебными обязанностями, представляющими известную с ней аналогию, смог бы действовать с большим успехом. В особенности, если выбор остановится на таком человеке, как Яков Толстой, который уже более двенадцати лет из личной склонности, по убеждению и из патриотизма занимается литературной и политической полемикой и которого парижские публицисты привыкли видеть выступающим в защиту интересов России с брошюрами и газетными статьями. Такое лицо не покажется подозрительным и сможет, если предоставить ему для этого средства, с успехом бороться с заблуждениями и клеветой, которые не перестают распространять о нас.

Таковы, дорогой граф, соображения, внушаемые мне интересами службы нашему государю, и мне остается только рекомендовать вашей доброте подателя этого письма. Все, что известно мне о Якове Толстом, свидетельствует только в пользу его поведения и его убеждений.

Примите, дорогой граф, вновь уверение в моей старинной и неизменной дружбе.

Пален⁶

Варшава, 3 января 1837 г.
22 декабря 1836 г.

Яков Толстой, остановившийся здесь на несколько дней, беседовал со мной относительно поручения, которое, по вашему предложению и по приказанию е. и. в., предположено возложить на него в Париже. Он подал мне даже небольшую докладную записку с изложением своих мыслей о том, как, по его мнению, возможно выполнить порученную ему задачу.

Так как г. Толстой выразил желание, чтобы я сообщил вам свое мнение по этому поводу, мне кажется самым лучшим переслать вам его собственные соображения. Я добавлю только, что основание газеты, которая была бы в его полном распоряжении, представляется мне делом полезным и что, по моему мнению, не встречается препятствий к сообщению лицу, которое пользуется вашим доверием, сведений о положении дел в Польше.

С готовностью пользуюсь этим случаем, дорогой граф, чтобы повторить вам уверение в высоком моем уважении, а также в сердечной моей привязанности.

Князь Варшавский Паскевич-Эриванский⁷

«Записка», о которой сообщает Паскевич, дает возможность узнать, как представлял себе свою будущую деятельность сам Яков Толстой. Он разворачивает перед начальством обширный план подкупа пяти, по крайней мере, газет и параллельно—план основания особой, специальной французской газеты в Париже, с подставным редактором, с ассигнованием на это дело пятидесяти тысяч франков, с организацией постоянной информации из России и, в первую очередь, из Польши, для «опровержения» «ложных» слухов о безобразиях царского правительства.

Вот текст этой докладной записки Якова Толстого Паскевичу:

... Имею честь представить вашей светлости нижеследующие соображения.

Агент, которого содержали бы в Париже для воздействия на прессу, был бы в состоянии использовать свои возможности и свои связи с главными органами печати лишь при условии, если в его распоряжении будут достаточно крупные денежные средства для подкрепления того интеллектуального влияния, которое он по своим способностям сможет оказать на прессу. В настоящее время более, чем когда-либо, парижские журналисты подкупны, общее направление идей влечет их лишь к одной цели—разбогатеть, короче говоря, все перья, за небольшими исключениями, продажны. Отсюда вытекает, что лицо, на которое было бы возложено поручение влиять на прессу, сможет, действительно, его выполнить, если ему предоставят средства для подкупа наиболее озлобленных хулителей России. Итак, совершенно очевидно, что для этого необходимы три вещи,—без которых, как говорил великий Фридрих, нельзя вести войну,—деньги, деньги и деньги.

Его величество почтил меня своим выбором, и я не смею предъявлять каких-либо требований. Я слишком ошастливлен тем, что наш августейший государь выделил меня среди других, и мне непристойно торговаться и заявлять притязания, но, между тем, мне хотелось бы достойным образом и с пользой выполнять возложенные на меня обязанности. Если бы мои личные средства были достаточны, я счел бы себя счастливым пожертвовать их на дело, которое всегда считал своим и которое всегда, даже в постигшем меня несчастье, я поддерживал со всей энергией, какую может внушить самая чистая любовь к своему государю и к родине. Но, к несчастью, я небогат, и я вижу себя вынужденным просить поддержки правительства.

Столбцы пяти газет будут в моем распоряжении, как только я получу средства для их поощрения: «La Gazette de France»⁸, «La Quotidienne»⁹, «La Presse»¹⁰, «La France»¹¹, «La Chronique de Paris»¹². Есть у меня также некоторые связи среди редакторов «Journal des Débats»¹³. Я смог бы до известной степени уже теперь использовать эти связи, но это привело бы к появлению в печати только слабых и несовершенных опровержений, которые редакторы принимали бы по своему желанию, сокращая и изменяя в них все то, что покажется им чересчур сильным, и воздействие, которое я мог бы, таким образом, оказать на прессу при теперешних моих отношениях с журналистами, не было бы достаточно действенным.

Я думаю поэтому, что для достижения хороших результатов необходимо было бы, помимо прочего, основать собственную газету и иметь ее всецело в своем распоряжении, поручив ведение ее подставному лицу. Это возможно осуществить, ассигновав сумму приблизительно в 50 000 франков.

Впрочем, сделав основанную мной газету достаточно интересной по своему общему содержанию и по сообщаемым в ней новостям, я мог бы без особого труда покрыть этот расход, и, таким образом, это явилось бы лишь временным помещением средств, которые не замедлят вернуться. Все, что я сказал, относится к денежному вопросу, что же касается материалов, равным образом необходимых для поддержания полемики, то необходимо сообщать мне как можно больше фактов, чтобы я мог с успехом бороться с ошибками и клеветой, которые распускают о России. В этом отношении на первом месте стоит польский вопрос, он является мишенью, и в нем политическое распутство газет черпает больше всего поводов для своего недовольства Россией. Поэтому мне необходимо иметь корреспондента в Варшаве, который поставлял бы мне оружие, нужное для борьбы с рассказами наших противников.

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. А, лл. 4—7].

По приезде в Петербург Толстой представляет Бенкендорфу в докладной записке еще более развернутый план своей будущей деятельности. Это один из самых интересных, самых содержательных документов всей переписки, а краткие характеристики, которые он дает руководящим органам французской печати, в большинстве случаев и верны и метки, хотя, конечно, постоянно нужно учитывать специфическую точку зрения, с которой подходит к ним автор. Для истории французской прессы времен Июльской монархии этот документ, бесспорно, существенен. Этот враждебный взгляд с о с т о р о н ы очень интересен для историка.

И снова Толстой настаивает на необходимости, не довольствуясь подкупом уже существующих в Париже газет, основать еще свою собственную. «Идея» этой будущей газеты такова. Нужно внушать французскому общественному мнению мысль, что Франции необходим союз не с Англией, но с Россией; что, помимо всяких внешнеполитических выгод для Франции, этот союз упрочит общественный «порядок» внутри страны, «остановит успехи демагогии» и «ярость цареубийц» (не забудем, что еще очень живы были в тот момент воспоминания о покушении Фиески). Попутно Толстой рассказывает о любопытнейшем разговоре, который он имел с Тьером. В 1836 г. Тьер уже перестал быть министром и еще не успел снова сделаться им, а поэтому язык у него развязался, и он, повидимому, разоткровенничался с царским агентом. Оказалось, что по самому важному вопросу оба собеседника солидарны: «Он согласился со мною, что для того, чтобы остановить революционный поток, следует опереться на Россию». Правда, Тьер выразил упование, что, когда революционный поток будет обуздан, тогда Франции будет выгоднее дружить с Англией, а не с Россией. Это место о разговоре с Тьером изложено Толстым несколько неясно.

Конечно, боевым вопросом в 1837 г. и в ближайшие годы в глазах Николая и Бенкендорфа был вопрос о борьбе против французского полонофильства, возбужденного слухами о том, что творили царь и Паскевич в эти первые годы после усмирения восстания 1830—1831 г. Поляков жалели и за них негодовали, с одной стороны, радикальные, а с другой стороны и из иных побуждений — клерикально-католические органы печати. Естественно, что этому вопросу в «записке» уделено большое внимание.

Докладная записка Якова Толстого Бенкендорфу заслуживает быть напечатанной без сокращений:

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ
С ПЕРЕПИСКОЙ Я. Н. ТОЛСТОГО,
1836—1838 гг.

Архив революции, Москва

[11 апреля 1837 г.]

Среди парижских газет имеются только две-три, проявляющие преданность России настолько, чтобы мы могли ими всецело располагать.

В первую очередь следует назвать «La Quotidienne», редактируемую талантливо и имеющую 7 000 подписчиков. Она придерживается мнений, враждебных нынешнему правительству Франции, но, тем не менее, ее читают все ее противники, как это принято во Франции по отношению к любой газете, лишь бы только она редактировалась с некоторым талантом. Другими причинами, обуславливающими интерес к той или иной газете, нужно считать резко выраженное оппозиционное направление и хорошо организованную связь с другими странами, в силу которой газета может давать самые свежие новости. Это последнее часто отсутствует у большинства газет по той причине, что они проявляют чрезмерную экономию в своих расходах. «La Quotidienne» всецело предана интересам России. Господа Мишо¹⁴ и Лоранти¹⁵ будут принимать в печать все, что мы захотим сообщить им о России, по крайней мере, они нам это обещали.

Газета «La France», менее распространенная, чем «La Quotidienne», обещает, однако, сделаться влиятельной, благодаря тому, что редактирует ее талантливый Делиль, и потому, что ее поддерживает партия, располагающая средствами. Она также предана России и будет принимать, за редкими исключениями, все статьи, доброжелательные нашей родине.

«La Gazette de France». Эта газета отличается злобной оппозиционностью, явной привязанностью к павшей династии и, в особенности, религиозной экзальтацией, которую ее главный редактор, г. Женуд¹⁶, довел до крайности, в особенности с тех пор, как сам сделался священником. Это обстоятельство создало целую массу затруднений, которые по сию пору мешали

нам найти доступ к этой газете. Ненависть, которую эта партия питает к России, совершенно иного характера, чем ненависть республиканских газет. Источник ее—в чувстве религиозной нетерпимости и чрезвычайном фанатизме, которым всегда отличалась католическая кружковщина.

Впрочем, поскольку газета постоянно черпала свои обвинения из мутных и лживых источников, не исключена возможность, что она вернется к более разумным мнениям, если представить ей в истинном свете те притеснения, которые католическая церковь в Польше, будто бы, терпит от русского правительства и которые наши противники изобразили ей в самых отвратительных красках. Автор этих строк недавно во время пребывания своего в Варшаве сам видел там архиепископа, назначенного папою, католическое духовенство, пользующееся, в общем, почетом у властей, и церковь и монастыри, процветающие под покровительством правительства. Если некоторые религиозные учреждения и были закрыты, то это было сделано в согласии с конкордатом и каноническим уставом, допускающими закрытие монастырей, число монахов в которых не превышает пяти. Масса других фактов, свидетельствующих о веротерпимости и справедливости русского правительства, мне лично неизвестна, но как только я получу нужные сведения, в моих руках окажутся неопровержимые доказательства, которые я предъявлю, и это поможет нам заполучить один из самых влиятельных органов прессы. Газета эта очень распространена потому, что она редактируется людьми, заслуживающими большого уважения, и насчитывает среди своих сотрудников лиц выдающихся, как, например, Берье, Шатобриана и др. Кроме того, газета выходит по вечерам и, следовательно, читается с большей охотой, как и все вечерние газеты, сообщающие новости из первых рук. И в настоящее время редакторы этой газеты выступают против России только вследствие того, что воображают, будто русское правительство преследует католицизм. Итак, очевидно, что их недовольство носит специфический характер и направлено только в определенную сторону, но, тем не менее, их ненависть *ipso facto* имеет своим последствием то, что они без разбора печатают всякие вздорные и клеветнические сведения, непрестанно распускаемые здесь о России.

Что же касается газет так называемой «золотой середины» (*juste milieu*) и газет правительственных или, вернее, министерских, то они будут принимать наши возражения, если в политических отношениях обоих правительств не будет никаких трений.

«*Le Journal des Débats*»—один из самых влиятельных органов прессы—совсем недавно дал пример этому, когда с бессмысленным неистовством набросился и злостным образом исказил речь, произнесенную в Варшаве²⁷. Французское правительство, дезавуировав выражения газеты, заявило, однако, что оно не может запретить органам, ему преданным, высказывать политические убеждения, которые расходятся со взглядами правительства. Это был выход, который они себе оставляли, допуская возможность охлаждения между обоими правительствами, чтобы затем безнаказанно напасть на нас, когда представится случай.

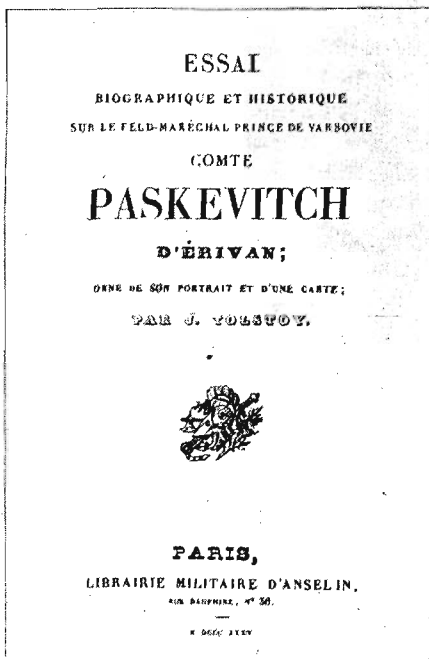
«*Le Journal des Débats*», располагающий многочисленной клиентурой и редактируемый с большим талантом, заслуживает внимания, и нужно приложить всяческое старание, дабы привлечь его на нашу сторону с тем, чтобы он помещал у себя хотя бы сообщения о действительных фактах, которые мы будем в состоянии противопоставлять злостной хуле наших противников. Среди редакторов «*Journal des Débats*» имеются лица, на

которых пишущий эти строки мог бы оказать влияние, в особенности, если его заявления могли бы быть подтверждены неопровержимыми документами. Находясь давно в дружеских отношениях с этими людьми, я имел возможность убедиться, что они далеко не являются нашими врагами и что их нападки на нас—лишь результат того покровительства, которое оказывает правительство этой газете. Автор настоящей записки знаком с г. де Сальванди¹⁸ и Жюлем Жаненом. Последний, хотя и ведет в газете лишь драматический и литературный фельетон, имеет, однако, достаточное влияние на главного редактора,—я добавлю к этому, что он человек очень продажный и потому его легко купить. Он сотрудничает, кроме того, в массе других газет, где пользуется также заметным влиянием¹⁹.

«La Presse», редактируемая Эмилем де Жирарденом²⁰, с которым автор также знаком,—газета, всецело преданная Луи-Филиппу. Задача, на него (Жирардена) возложенная, как он сам мне сказал, состоит в примирении умов; он желал бы, чтобы все правительства пришли к соглашению для общего блага. Это заявление показывает, что он непрочь был бы принимать от нас статьи. Он небогат и надеется, что, если будет к нам расположен, получит от этого какую-нибудь выгоду.

«La Chronique de Paris», которая не раз печатала мои возражения, благодаря тому, что я близко знаком с заведующим редакцией, г. Дюккетом, как и с одним из главных редакторов ее, Капефигом, заслуживает внимания. Эта газета поддерживается доктринами и редактируется

*A Monsieur de Spies
témoignage destiné de la
part de l'auteur*

под влиянием двора, ее страницы будут в нашем распоряжении, когда представится случай опровергнуть клевету фактами. Некоторые литературные журналы, как, например, «Revue des Deux Mondes»²¹, «La France Littéraire»²², смогут быть нам полезными (последний особенно нам предан), но политика, хотя она господствует над всем и всюду проникает, стоит у них на втором плане.

Эти журналы могли бы служить нам для ознакомления через их посредство с огромными достижениями нашего правительства как в деле развития промышленности страны, так и в области управления. В них могли бы быть помещаемы сообщения, свидетельствующие о мудрости и великодушии императора, о замечательных чертах и блестящих фактах его царствования.

Остальные журналы и газеты—наши противники и ведут с нами ожесточенную борьбу, но уже легче выдерживать их натиск, когда располагаешь несколькими пунктами для обороны. В полемике, ведущейся против нас, следует различать два враждебных лагеря: одни во имя определенного принципа хотят принизить нашу страну, оскорбить и оклеветать ее—э т о н е и с п р а в и м ы е; д л я н и х б о р ь б а—вопрос решенный, и их девиз: война не на жизнь, а на смерть, и таким отвечать незачем! Другие не знают России, они наивно принимают клевету за правду и огорчаются тем, что узнают,—это противники по неведению, их надо просветить, открыть им ряд фактов и, не вступая с ними в спор и воздерживаясь от возражений, просто противопоставить клевете совокупность данных, ее убивающую. При всем этом, мне кажется, должны быть пункты, которых следует как можно меньше касаться,—так, личность императора стоит настолько выше всяких посягательств, что надо избегать упоминаний о ней в полемике, сохраняя, однако, за собой возможность напоминать о благодеяниях его для своих народов, о мудрости его управления, делая это в больших статьях, независимо от полемики. В 1823 г., когда я приехал во Францию, общественное мнение не было враждебно к России и, в особенности, к отдельным русским. Эта ненависть возникла после турецкой войны²³, но не была тогда особенно сильно и ярко выраженной, хотя тогда уже величие России, управляемой властной и энергичной рукою, вселяло беспокойство. Зависть, при виде России столь великой, прекрасной, сильной, идущей от одного преуспевания к другому, породила это враждебное отношение, которое с той поры только росло вплоть до 1830 г., когда разразилось польское восстание. Его взрыв был ужасен в смысле воздействия на общественное мнение. С этого самого времени все партии соединились, чтобы обрушиться на нас под влиянием превратной идеи, что поляки имеют права на симпатии Франции потому, что сражались во французских рядах. Масса таких же легкомысленных, как и парадоксальных предрассудков была причиной того, что все органы общественного мнения набросились на Россию с безмерным и непрекращавшимся неистовством. Этой борьбой, продолжающейся уже шесть лет и с каждым днем все усиливающейся, добились того, что Россия лишилась доверия Европы. Подобно тому, как утес, на который капля за каплей падает вода, оказывается, наконец, подточенным, так и общественное мнение, непрестанно обрабатываемое прессою, оказалось для нас окончательно неблагоприятным. К несчастью для нас, это нерасположение не ограничивается одной Францией. М и р о в о е р а с п р о с т р а н е н и е ф р а н ц у з с к о г о я з ы к а и нелепое убеждение прочих наций, что все разумное исходит только из Франции и что там источник просвещения для Европы,

явились причиной того, что ответвления французской ненависти распространились по всей Европе. Я нашел эту ненависть сильной в Германии, так как всякая страсть приобретает большую силу по мере своего распространения. Однако, поляки, как и следовало того ожидать, перестали, при ближайшем знакомстве с ними французов, внушать последним к себе сочувствие. Их поведение в предоставленных им убежищах настолько мало соответствует их положению и так мало достойно эмигрантов, пользующихся покровительством, что жители провинций, где расположены эти убежища, начинают уже замечать, что поляки не достойны оказываемого им гостеприимства. Париж еще не переменял окончательно своего мнения на этот счет, потому что те, кто живут в столице, составляют избранную часть эмиграции—они ведут себя достаточно пристойно из опасения быть высланными. Однако, некоторые из эмигрантов своим поведением открыли глаза парижанам,—я оставляю в стороне вопрос о многочисленных кражах и процессах в судах исправительной полиции, как и участие поляков в разных беспорядках и заговорах. Они разделились на несколько партий, которые взаимно поносят друг друга в брошюрах и на страницах газет; нередко дело доходит даже до дуэлей. Партия наиболее комичная из всех та, что провозгласила князя Чарторыйского королем, под именем Адама I, что дало повод говорить, что этот Адам не первый из людей. Интерес, который он вызывал к себе, заметно ослабел с некоторого времени. Много было разговоров, когда однажды вечером, прибыв на бал к английскому послу, князь Чарторыйский послал спросить разрешения фиакру въехать во двор особняка, между тем, как всем известно, что в Париже не принято допускать фиакров подъезжать к особнякам, расположенным между двором и садом. Все общество, собравшееся у английского посла, пришло в смущение при мысли, что князь Чарторыйский настолько впал в бедность, что вынужден ездить на бал в фиакре, и жена посланника поспешила распорядиться, чтобы впредь делалось исключение и, во внимание к е г о в е л и к о м у н е с ч а с т и ю, допускали его подъезжать к подъезду особняка в любом экипаже. Через несколько дней Чарторыйского видели в маскараде, на котором бывают все парижские шелопаи, и по этому поводу справедливо говорили, что он мог бы деньги, истраченные на входную плату на этот маскарад и на другие развлечения, употребить на наем экипажа, а потерянное время—на размышления о с в о е м в е л и к о м н е с ч а с т и и.

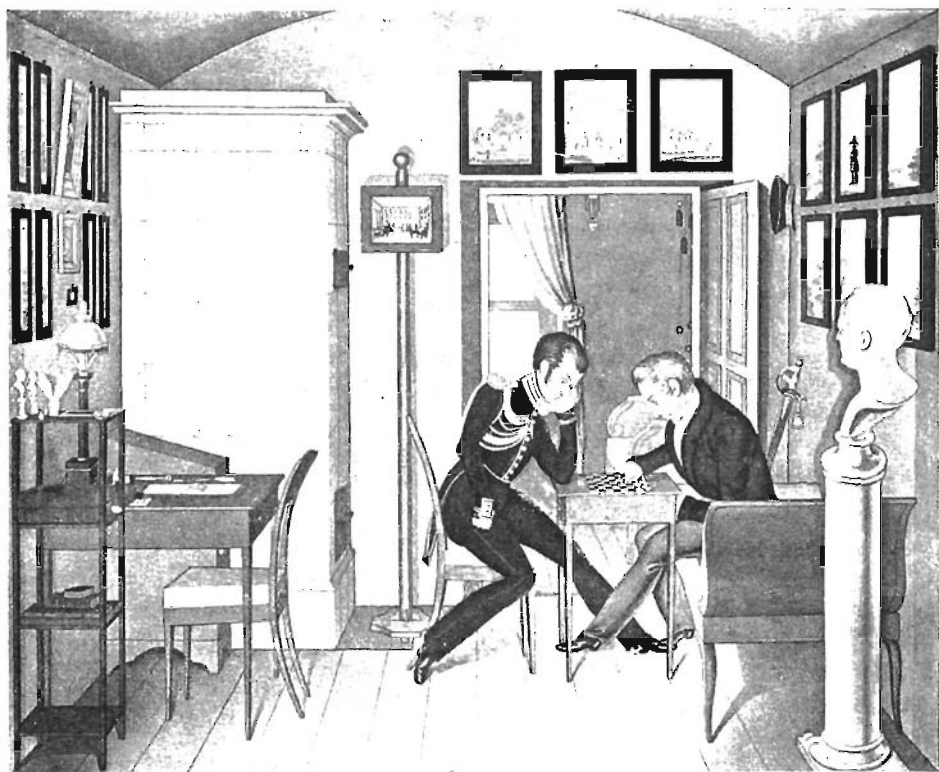
Как бы то ни было, для меня важно иметь под руками материалы, из коих я мог бы почерпнуть доказательства огромных благодеяний, оказываемых Польше Россией. Я имел возможность видеть Польшу по прошествии 24 лет: в 1813 г. я видел ее бедной, жалкой и несчастной, а в 1836 г. я нашел ее прекрасной, богатой и процветающей. Мне пришло на память, что в министерстве иностранных дел должен иметься документ, в котором сделана сводка всех улучшений и достижений в Польше за время русского управления. Я прошу ваше сиятельство, если, действительно, такой документ существует, предоставить мне его, так как он был бы в высшей степени полезен для выполнения моих служебных обязанностей. Общеизвестно, что Польша является кульминационным пунктом, привлекающим внимание и возбуждающим воинственное настроение наших противников, она доставляет наибольшее количество поводов для политического бесстыдства, она—наиболее обильный источник, откуда завидующие нам черпают свои гнусные оскорбления, она служит резервуаром для этих оскорблений.

Я попрежнему настаиваю на своем мнении, что необходимо, кроме всех тех шагов, которые мы предпримем для привлечения на свою сторону союзников среди публицистов, основать также орган, которым мы могли бы всецело располагать. Газеты меняют свой цвет и своих редакторов, и часто газета, превозносившая вас сегодня, завтра мешает вас с грязью—оттого, что она переменяла владельца. Необходимо было бы иметь постоянный орган в нашем распоряжении. Я обратился с предложением основать такой орган к Анатолию Демидову²⁴, который сначала одобрил эту мысль, но потом другие планы заставили его от нее отказаться. Эта газета редактировалась бы французом, всецело преданным нам, и никто бы не знал, кто является настоящим редактором и владельцем этого листка. За вознаграждение в размере от 10 до 12 тысяч франков такой номинальный редактор примет на себя упреки, которые посыплются на него за постоянное восхваление России. Его ответ на эти упреки мог бы быть аргументирован следующим образом: союз с Англией неизбежно приведет Францию к гибели, революция—бич рода человеческого, вместилище всех несчастий и бедствий, предвестник низвержения тронов и общественных смятений—не остановится в своем поступательном и разрушительном движении, пока Франция не будет поддержана союзом с могущественной нацией, олицетворяющей собой порядок и благоденствие. Влияние, которое Россия окажет на Францию, задержит дальнейшие успехи анархии. Наконец, не ушло еще время для того, чтобы остановить развитие демагогии и неистовство цареубийц. Эти мысли я, между прочим, высказал г. Тьеру вскоре после его отставки²⁵, и он их вполне себе уяснил. Он согласился со мной, что для того, чтобы остановить революционный поток, нужно опереться на Россию, но он полагает, будто ему удалось до некоторой степени сдержать этот поток, и выразил надежду, что сможет его окончательно укротить, если снова вернется к власти. Тогда союз с Россией стал бы для Франции предательским, так как Россия, без сомнения, пожелала бы пойти далее этой первоначальной цели, между тем, как союз с Англией является для Франции в материальном отношении более необходимым и более подходящим.

Принадлежность к русской партии считается в настоящее время во Франции настолько признаком дурного тона, признается так мало патриотичной, что нужно иметь известный запас мужества и не ставить ни в грош популярность, чтобы заявить себя защитником России, в особенности в ущерб интересам Польши. Однако, убедив легитимистских редакторов, что дело Польши не их дело, мне удалось привлечь некоторых из них на нашу сторону.

Возвращаясь к мысли о создании собственной газеты. Ей не пришлось бы пройти через ряд обычных для всех газет превратностей, так как успех газеты зависит, прежде всего, от оригинальности ее убеждений или, скорее даже, от их неожиданности. Поэтому газета, которая выступит с заявлениями, противоположными тому, что говорят все 200 французских газет, неизбежно привлечет к себе общественное внимание и приобретет больше шансов на успех по сравнению с газетой, придерживающейся общего со всеми другими газетами направления. Возможно, что этот успех будет непродолжительным, но, тем не менее, газета получит уже некоторую известность. Ослабление интереса и явное охлаждение к новой газете всегда следуют за успехами первых ее шагов. Эти перипетии обычно являются предвестником гибели тех газет, которые, основываясь на своем пер-

вом успехе, не останавливаются перед огромными затратами и падают под тяжестью своих несоразмерных расходов. С нашей газетой дело обстояло бы иначе. Поскольку мы не преследуем значительных барышей, мы смогли бы поддерживать газету в ее затруднениях, как это делал Жозеф Бонапарт, субсидируя газету «La Tribune», которую 118 раз присуждали к уплате денежных штрафов, причем не было ни одного штрафа ниже 3 000 франков, не считая судебных издержек²⁶. Но не по такому пути, конечно, должна пойти газета, которая будет выходить под нашим покровительством. Ее задачей будет непреклонно сохранять умеренность, при

КАНЦЕЛЯРИЯ III ОТДЕЛЕНИЯ

Аquarelle неизвестного художника, 1840-е гг.

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

сообщении фактов для решительного опровержения нелепых оскорблений, наносимых России, и придерживаться скромной и приличной полемики, в основание которой должен быть положен силлогизм, а не эпиграмма. С другой стороны, наша газета будет иметь спрос потому, что она, вероятно, будет единственной, где читатель найдет точные сведения о России, Пруссии и Австрии, и сами наши противники будут черпать из нее сведения, которые, благодаря нашим связям с Петербургом, Берлином и Веною, нам представится возможным опубликовать.

В Париже существует газета под заглавием «Le Polonais»²⁷, посвятившая себя борьбе с Россией не на жизнь, а на смерть. Эта газета—собрание всяких мерзостей и клеветнических сплетен—ведется очень плохо и дает только сведения вымышленные, апокрифические и необычайные. Она не

имеет спроса и, тем не менее, существует, потому что партия, ее поддерживающая, не помышляя о барышах, преследует лишь цель поношения России. Поэтому эта газета, не имеющая подписчиков, доставляется бесплатно в читальни, кафе, рестораны и вообще во все общественные места; ее посылают, равным образом, даром и без обмена во все редакции газет, и также всем французским политическим деятелям. Таким образом, несмотря на весьма небольшой интерес этой газетки, ее принудительно читают все. Так практикуется в отношении всех газет, которые субсидируются какой-либо партией и ею распространяются. Из всего этого вытекает, как я уже имел честь изложить выше, что важно иметь газету, неограниченно нам преданную, и что газета «Le Polonais» заслуживает того, чтобы появился антагонист для разоблачения ее гнусных измышлений²⁸.

Таков путь, которым я предполагал бы идти при выполнении возложенного на меня поручения, если только это не противоречит намерениям вашего сиятельства. Я смею думать, что отличающий вас возвышенный ум позволит вам, граф, достойным образом оценить побуждения, заставляющие меня так поступать. Эти побуждения вытекают из долголетнего опыта и основательного знакомства с попранием, на котором мне предстоит работать. Я не скрываю от себя предстоящих опасностей и принимаю на себя торжественное обязательство переносить их мужественно и с достоинством.

Резюмирую. Чтобы верно и безошибочно достигнуть намеченной цели, необходимо принять, как правило поведения, нижеследующее:

1) Следить с величайшей осторожностью за тем, чтобы ни у кого не могло возникнуть даже подозрения, что мое поручение является заданием правительства. 2) Проявлять большую сдержанность в полемике: статьи, имеющие целью отражать памфлеты наших противников, должны быть основаны на фактах и должны быть написаны без всяких колкостей и самовосхваления, с легкой и приличной шуткой, и подкреплены энергичной аргументацией и разумными и убедительными доказательствами. 3) Пользоваться всевозможными средствами для привлечения сторонников, стараясь внушить им, что наше дело является жизненным вопросом, как бы единственным якорем спасения, и что от успешного его разрешения зависит сохранение порядка и существования общества. 4) Действовать путем обещания наград и теперь же раздать их некоторым лицам, оказавшим услуги нашему делу. 5) Публиковать время от времени отдельные брошюры в ответ на сочинения, для достойного опровержения которых газета, по ограниченности места, является недостаточной. 6) Продолжать оказывать воздействие на умы влиятельных лиц через посредство автора настоящей записки, проявляя большую настойчивость, чем то делалось до сих пор; к этому представится возможность, так как круг отношений автора записки неизбежно должен расширяться.

Его долголетний опыт, его патриотизм, его углубленное знание людей и вещей—гарантия того, что он выполнит свое поручение с успехом. Влияние, которое он призван оказывать на умы, должно теперь, когда он занял выгодное положение в свете, распространиться гораздо шире. И ранее, когда он жил в Париже, его, человека нуждающегося, тем не менее, посещали писатели, публицисты, ученые, постоянно советовавшиеся с ним по поводу работ, которые они собирались опубликовать о России. Они заявляли, что предпочитают с ним советоваться, чем подвергаться его критике. Таким образом содействовал он появлению нескольких серьезных трудов,

„ОТШЕЛЬНИК ИЛИ БРАТ ЛЮС“

Картина маслом Франсуа Буше на сюжет Лафонтена, 1742 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

как-то: «Географии» Бальби²⁹, значительной части которой он является автором, его же «Синоптической таблицы России», «Живописной вселенной» Дидо³⁰, «Географии» Мальт-Брёна³¹, «Энциклопедического словаря»³² и т. д. Он принимает на себя обязательство служить с таким же усердием и с бо́льшей еще энергией. При выполнении своей трудной и опасной задачи он найдет поддержку в чувстве привязанности, удивления и безграничной благодарности, которое он питает к нашему великому государю.

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. А, лл. 9—20 об.].

Можно не сомневаться, что «записка» Толстого была одобрена его начальством. Скоро мы видим агента Николая I вновь в Париже³³. В первых же своих донесениях в Петербург Толстой берется за «высокую политику». Он знает, как раздражали и беспокоили царя всякие намеки на политическое сближение Франции и Англии. В том-то и было несчастье Николая, что тени грядущей в далеком еще пока будущем крымской войны, перспективы очутиться лицом к лицу с англо-французской военной коалицией беспокоили царя, когда еще они были далеки, при Луи-Филиппе, и—на его беду—совсем перестали его тревожить именно тогда, когда опасность была, что называется, совсем на носу, при Наполеоне III. Причина ясна: при Луи-Филиппе, хотя царь и убедил себя в слабости Франции, но все-таки с ней, по его мнению, кое-как считаться приходилось, и Англия легко могла вступить с ней в союз. А в 1852—1853 гг. что такое в глазах Николая была Франция? Калека с переломанными руками, страна, вконец разоренная революцией 1848 г., бессильная, живущая среди дымящихся развалин. Зачем Англия станет заключать союз с такой «развалиной»? Да и может ли Англия заключить союз с племянником своего смертельного врага—Наполеона I? Из всего этого и получилось в свое время роковое, погубившее царя недоразумение. Но в 1838 г. царь еще не был так спокоен, как после 1848 г., и поэтому письма Якова Толстого в Петербург о возможности или невозможности франко-английского соглашения должны были, конечно, очень интересовать Зимний дворец. Толстой много распространяется о полемике между английскими и французскими газетами, с удовольствием отмечая всякий раз обострение полемического тона и подчеркивая непрекращающуюся враждебность между правящими классами обеих стран. Источником периодических обострений антирусской агитации во французской журналистике Яков Толстой считает Лондон, причем, как и все в тогдашней Европе, запевалой антирусского хора он признавал само британское правительство во главе с лордом Пальмерстоном. В донесении Толстого от 19 ноября 1838 г. мы читаем:

Е. с. графу Бенкендорфу

№ 13

Париж, $\frac{19 \text{ ноября}}{2 \text{ декабря}}$ 1838 г.

Граф,

За время, прошедшее с тех пор, как я имел честь представить в. с. последнее свое донесение, обозначились довольно яркие симптомы перемены настроения англофильских газет.

Еще недавно казалось, что в области печати невозможен никакой поворот; какой-то поток уносил ее неизменно в одном направлении. Толчок исходил из Лондона, где скопляются сейчас все гнусности, порождаемые

ненавистью и завистью к России или страхом перед ней. Столбцы английских газет ежедневно наполнялись лживыми выдумками, одна невероятнее другой. А затем этими выдумками наводнялась и Франция. Сказывалось это преимущественно в республиканских газетах: здесь о степени преданности интересам Англии можно было судить по яркости демагогической окраски. Исключением, впрочем, являлась «Gazette de France», с ее политическими разглагольствованиями, выходящими за пределы здоровой логики, а часто доходящими и до окончательно разнузданного республиканизма.

При всем том, постоянно натравливая французскую печать на Россию, английская пресса не давала пощады и Франции, часто обвиняя ее в воинственности и завоевательных стремлениях, а с некоторых пор более чем неблагосклонно отзываясь и о французском правительстве. В английских политических органах то и дело появлялись и повторно печатались выпады то по поводу блокады Буэнос-Айреса и Мексики³⁴, то по поводу военных действий в Африке, или насчет французских владений в Германии, или швейцарских дел.

Эти постоянные, непрекращающиеся нападки лондонских газет вызвали со стороны французских язвительную полемику, и в вышедших за последнее время номерах парижских демократических газет слышится тон серьезной обиды на почти враждебное настроение всей английской печати без различия направлений. Столбцы французских органов крайнего левого лагеря, являющихся, так сказать, авангардом зажигательной прессы, заполняются отповедью их заморским противникам.

В особенности «Le Courrier»³⁵ во враждебной по тону статье предъявляет англичанам обвинение в меркантильности и эгоистичности. Газета считает, что с каждым днем все более остывает и ослабляется интимный союз Англии с Францией, естественно зародившийся под влиянием событий 1830 г. «Le Courrier» винит в этом английскую прессу, определяя при этом ее, как прессу не политическую, а торгашескую. Особенно удручена газета тем обстоятельством, что нападки на Францию представляют собою совсем не единичное явление. Враждебные Франции вопли раздаются в органах самых противоположных партий—тори, вигов и радикалов: «Times», «Morning Chronicle», «Courrier» с одинаковым ожесточением требуют от своей недавно обретенной союзницы то отчета по поводу завоевания Алжира, то обвиняют ее в агрессивных замыслах против Мексики и призывают Соединенные штаты к оружию на защиту последней. Из названных английских газет «Courrier» доходит даже до обвинений французской прессы в проповеди войны, в попытках посорить Англию с Россией.

С особенным негодованием ополчились парижские либеральные газеты на статью «Sun», в которой этот орган радикалов стремится убедить, что достаточно одного слова, совместно произнесенного Англией и Францией, чтобы восстановить польскую национальность в ее правах и уничтожить Россию. Франция, заявляла «Sun», проявит величайшее вероломство, если не присоединится к кампании, начатой в связи с этим английскими радикалами.

«Le Courrier Français» считает только что приведенные изречения «Sun» грубыми и смешными и добавляет, что такого рода выступления английской печати могут вызвать опасные отзвуки хотя бы тем одним, что поощряют национальные предрассудки.

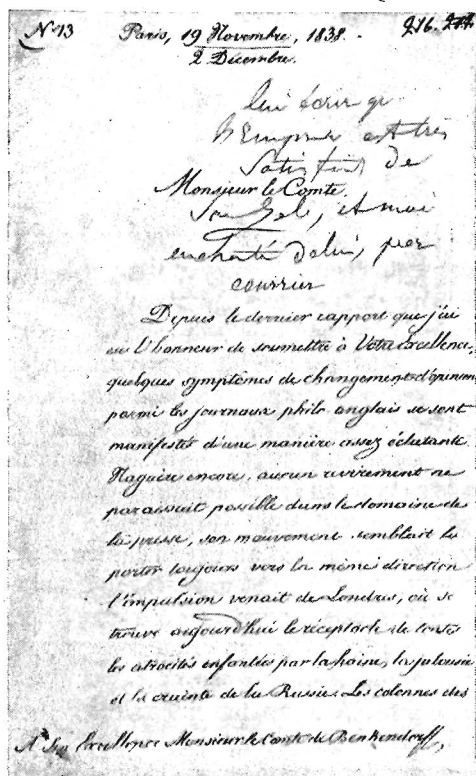
«Еще два-три года такой газетной полемики,—пишет «Le Courrier Français»,—и между двумя народами, пожалуй, снова разгорится соперниче-

ДОНЕСЕНИЕ Я. Н. ТОЛСТОГО
ОТ 19 НОЯБРЯ (2 ДЕКАБРЯ) 1838 г.

Первая страница

Сверху, рукою Бенкендорфа, проект извещения
Толстого о „высочайшем“ одобрении его
„деятельности“

Архив революции, Москва

ство, вызванное в свое время последней войной. Ход событий, приведший к союзу Франции с Англией, прежде всего, требует полного равенства сторон. Франция, вступив в союз с народом, в характере которого мало рыцарских черт, должна вполне определенно подсчитать, какие выгоды может она извлечь из такого союза». Газета заканчивает заявлением, что ее крайне интересует вопрос, что именно намерена сделать в пользу Франции Англия, если уже заходит речь о вовлечении Франции в войну с Россией—войну, которая неизбежно превратится в общеевропейскую и которую Англия предпримет, конечно, лишь для того, чтобы закрепить за собою или расширить свои территориальные владения. Народ, который всегда имеет в виду себя и только себя одного, не должен находить странным, если, вступая с ним в сделку, напоминают ему его собственное излюбленное правило: «Даром ничего не делается...».

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. А, лл. 216—219].

В этом же донесении Толстой рассказывает любопытнейшую историю о своих переговорах с тогдашним светилом парижской прессы—пресловутым Эмилем Жиарденом, талантливым и продажнейшим основателем и редактором газеты «La Presse». Тут интересен и деликатный разговор между продающим себя Жиарденом и покупающим его Толстым, и характерна предусмотрительность покупателя, который уже с первых шагов запасается против Жиардена документами, которыми можно будет контршантажировать его, если тот вздумал бы впоследствии шантажировать царское правительство. Этот Жиарден, убивший на дуэли в 1836 г. благородного республиканского публициста Армана Карреля, возбуждал

тогда к себе презрение и вражду мало-мальски чистоплотных людей своими финансовыми проделками в области журналистики. Его газета пользовалась колоссальным распространением.

Продолжение донесения № 13 от 19 ноября (2 декабря) 1838 г.:

... Что же касается газеты «La Presse», то она самым решительным образом объявляла себя против Англии и за Россию. Подтверждалось это в выступлении главного ее редактора, Эмиля де Жиардена, недавно вернувшегося к руководству газетой. Э. де Жиарден поместил в своем органе ряд статей дружественного по отношению к России содержания, и, между прочим, статью от 6 октября с ответом на враждебный выпад «Journal des Débats» на тему о пресловутом запрещении польского национального костюма³⁶. Такое открыто дружественное к России заявление на столбцах министерского органа, диаметрально противоположное, при этом, точке зрения другого, тоже министерского, органа, «Journal des Débats», на взгляд многих, могло казаться странным. Я начал тогда же искать сближения с Э. де Жиарденом и вслед за тем был вызван г. послом, ознакомившим меня с содержанием секретного письма к нему г. Жиардена, копию с которого я здесь сообщаю.

«Обращаю внимание его сиятельства, г. российского посла, на статьи в «La Presse» и особенно на статью в сегодняшнем номере, касающуюся деятельности русского правительства; не найдет ли он нужным ознакомить с ними свое правительство на предмет допущения и распространения этой газеты в России и Польше? Если в этих целях необходимо предпринять какие-либо шаги, граф Пален очень обязал бы г. Эмиля де Жиардена, сообщив ему об этом и уделив несколько минут на личную беседу с ним».

Граф Пален, удостоив меня чести узнать мое мнение по поводу этого письма, предложил мне посетить г. Эмиля де Жиардена и передать ему, что он снесется с русским правительством по вопросу о допущении в Россию его газеты³⁷. Я был у г. де Жиардена, рекомендовавшись, как лицо, специально уполномоченное по отправкам в Россию книг и журналов. Он много говорил мне о своей преданности России, о своем преклонении перед прекрасными свойствами характера его императорского величества и заявил, что отныне примет за правило помещать в своей газете, в противовес несправедливым выступлениям «Journal des Débats» против России, всевозможные опровержения, основанные на достоверных данных. Он сказал, что думает даже снискать себе этим признательность министерства или, вернее, графа Моле³⁸. Он просил снабжать его материалом, опираясь на который он смог бы придавать больше убедительности опровержениям клеветнических статей, печатаемых газетами противоположного лагеря. Я сделал вид, что несколько затруднен его просьбой, указав на чисто научный характер возложенной на меня миссии; однако, в интересах родины, я согласился снабжать его время от времени сведениями, которые могут облегчить ему выполнение его похвального намерения, но просил его при этом смотреть на наши отношения, как на совершенно частные, и держать их в строгой тайне.

Через несколько дней после нашего свидания г. де Жиарден доставил мне некоторые печатные свои работы, с приложением записки, которую я здесь воспроизвожу дословно:

«Г-н Эмиль де Жиарден просит г. Толстого принять в дар три следующих его труда: 1) «О народном образовании», 2) «О периодической печати XIX в.»,

3) «Политические этюды»³⁹. Г-н де Жиарден будет счастлив, получив разрешение поднести эти книги его императорскому величеству».

Имею честь приложить к настоящему докладу одну из этих брошюр, под заглавием: «О периодической печати», содержащую довольно правильную оценку современного положения прессы.

ЭМИЛЬ ДЕ ЖИАРДЕН

Литография из серии „Galerie de la Presse, de la Littérature et des Beaux Arts“ с портрета 1837 г.

Национальная библиотека, Париж

Идя навстречу предложению г. Жиардена, я доставил ему два небольших сообщения, которые он и поспешил поместить на столбцах своей газеты в номере от 14 октября. То были опровержения двух статей. Одна из них, все на ту же тему о польском костюме, была напечатана в «Le Constitutionnel»⁴⁰, несмотря на опровержения «Journal de Francfort»⁴¹. «Le Constitutionnel», помещая указанную статью, заявил, что, вопреки появившимся опровержениям, он настаивает на своих утверждениях, так как

имел возможность собственными глазами видеть приказ, налагающий запрет на ношение польского костюма, снабженный подписью: Szyrof; другая же статья касалась назначения прелата князя Гедройца, которое истолковывалось, как неблагоприятное для католического духовенства.

Первая из моих заметок имела целью положить конец нелепой полемике о польском костюме. Я решительно настаивал на подложности документа, который, будь он подлинным, не мог бы быть снабжен подписью: général-major Szyrof, с польским начертанием фамилии, а должен был быть подписан по-русски—Шипов (Chipoff). Еще более сильным доказательством подложности документа является чин генерал-майора, которым не мог назвать себя г. Шипов, будучи генерал-лейтенантом и к тому же генерал-адъютантом. Ваше сиятельство, впрочем, сможете судить обо всем самолично по прилагаемым газетным вырезкам.

Спустя несколько дней г. де Жирарден доставил мне корректурный оттиск статьи, которую я отметил черными чернилами и также здесь прилагаю. Я бережно сохраняю подлинники писем г. де Жирардена, адресованных как к г. послу, так и ко мне, чтобы иметь, на всякий случай, документы, которыми можно было бы припугнуть его, если бы ему вздумалось проявить недостаток скромности...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. А, лл. 221 об.—223 об.].

Дальнейшие донесения Толстого непрерывно указывают на быстро усиливающуюся вражду Англии к России и на влияние Англии на Францию. Вражда Англии объяснялась осложнениями на севере Индии и в Персии и твердой уверенностью британского кабинета в опасных для Англии происках царского правительства в Тегеране. Влияние же Англии на французскую прессу объяснялось, прежде всего, ненавистью французских либералов и радикалов к самодержавному деспоту, главе мировой реакции, Николаю I, и враждой католических кругов к притеснителю Польши. Отмечает Толстой и попытки англичан и французов втянуть в подготовляемый антирусский союз также Австрию, пугая ее могуществом и возможной агрессией со стороны восточного соседа. Характерно, что Меттерниха французские левые партии ненавидели гораздо меньше, чем русского царя. Эти сообщения перемежаются с отдельными заметками о политических скандалах, антиправительственных выступлениях и т. д. во Франции и в Англии. Особого интереса это не имеет, так же как сообщения о переговорах с руссофилами из французов, внезапно являющимися время от времени к Толстому с предложением за самое умеренное вознаграждение пропагандировать в печати необходимость франко-русского союза.

Скромно перечисляет Толстой собственные статьи во французских газетах, печатавшиеся им часто без подписи, так как он хотел, чтобы их принимали за статьи французов: 6 октября 1838 г. в газете «La France» он писал «О русском императоре и революционерах», всячески стараясь, разумеется, выявить «превосходство» русского императора перед революционерами; 10 октября там же он писал «О популярности его величества императора Николая в России»; 18 ноября в «La Presse» и 24 ноября в «Quotidienne» — об инспекционной поездке министра просвещения Уварова и т. д. За эти литературные выступления, как и за всю деятельность в совокупности Толстой сподобился следующей пометки Бенкендорфа на полях

сии, подарить перстень (рукою Бенкендорфа: «Ценой в тысячу двести рублей»). Награды были утверждены царем.

О самом Якове Толстом скромно указывалось, что Париж—город дорогой, а интересы службы заставляют делать расходы, получает же он всего три тысячи рублей в год.

Царь приказал дать ему полторы тысячи наградных. 19 декабря 1838 г. Бенкендорф лично уведомил об этом Толстого, присовокупляя уверение в двух благоволениях разом: императорском и в своем собственном. («С искренним удовольствием сообщая вам,—писал Бенкендорф,—что император остался весьма доволен вашим последним донесением») ⁴⁶.

Много хлопот в эти годы причиняли царскому правительству проникавшие в Европу и волновавшие общественное мнение не только Франции, но и Италии, и Австрии, и Южной Германии, и всех католических стран известия о насилиях, которые творили царская власть и православное духовенство в Литве и Польше. Ссылка ксендзов в Сибирь, засекание до полусмерти католических монахинь, насильственное разлучение детей с родителями, жестокое навязывание униатам православия—все это постоянно описывалось в прессе с соответствующими комментариями. Римский папа протестовал официально, знаменитый ирландский агитатор Даниэль О'Коннель гремел на митингах в присутствии прелатов ирландской церкви. Об одной из таких «клевет», вызвавшей вмешательство О'Коннеля, Толстой говорит в своем донесении от 18/30 января 1838 г. И тут же сообщает об антирусской демонстрации, которой открылась сессия французского парламента в этом месяце.

№ 4

Париж, 18/30 января 1838 г.

... Еще совсем недавно мы видели О'Коннеля, повторившего на одном из митингов эту нелепую и гнусную клевету и говорившего о ней, как о событии, истинность которого не подлежит сомнению...

... Открытие палат было отмечено враждебными России демонстрациями и возобновлением бесплодных симпатий к Польше, которые изливались в необоснованных речах и превращались в ребячество. Эти речи были сказаны в связи с обсуждением адреса королю в палате пэров. Вновь введенные туда за последние дни пэры сочли своим долгом занести в верхнюю палату плебейскую политику нижней. Гг. Биньон и д'Аркур⁴⁷ и профессор Кузен⁴⁸ внесли предложение включить в адрес королю устарелые сетования по поводу судьбы Польши и требовать сохранения польской национальности. Премьер ответил им, что это совершенно излишне и что факт обращения ежегодно с одной и той же просьбой, без надежды на ее удовлетворение, свидетельствует о ее бесполезности и становится, следовательно, предосудительным для достоинства французской нации. Однако, он добавил при этом, что сам он более, чем кто-либо, оплакивает судьбу польского народа, но что он не в состоянии помочь ему в беде. Нижняя палата также не упустила случая повторить те же фразы по тому же поводу. Маркиз де Морне⁴⁹ внес поправку, которая и была принята палатой депутатов. Я не вписываю здесь эту поправку, предполагая, что е. с. знает ее содержание...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. А, лл. 59—59 об.].

Полно интереса сообщение Якова Толстого о происходившем перед его глазами революционном восстании 12 мая 1839 г., связанном с именами

Бланки и Барбеса. Эта неудавшаяся революционная попытка, так напугавшая не только правительство и крупную буржуазию, но также буржуазию среднюю и значительную часть мелкой, была последним крупным революционным выступлением времен Луи-Филиппа вплоть до Февральской революции. Вот что пишет Яков Толстой спустя три недели после восстания, 29 мая 1839 г. Его показания дают некоторые любопытные черточки и детали для истории этого памятного дня.

№ 18

Париж, 17/29 мая 1839 г.

Е. с. графу Бенкендорфу

Граф,

Шесть недель прошло со времени отправки моего последнего донесения вашему сиятельству. За это время здесь произошли события большой важности, и я не мог, за отсутствием верной оказии, сообщить вам подробности о них. Только сегодня отправление курьера дает мне возможность представить вам свои наблюдения и сведения, которые мне удалось собрать о беспорядках, имевших место в Париже.

Министерский кризис, чрезмерно долго продолжавшийся, придавал стране мрачный вид, предвещавший какой-то неблагоприятный исход. На общественных собраниях слышался ропот, и мрачные предсказания вызывали повсюду волнение и беспокойство. Печать, не опасавшаяся преследования со стороны министерства, лишенного определенной программы и, по собственному признанию, посаженного лишь для разрешения текущих дел, стала держать себя вызывающе, и можно было опасаться в будущем катастрофы. Тем не менее, люди опытные и переживавшие времена смуты и скорби, которые так часто покрывали кровью Париж, были уверены, что полицией приняты надлежащие меры против повторения беспорядков, и никто не представлял себе, что в Париже возможно организовать восстание, когда правительство располагает всеми средствами для пресечения в корне всякой попытки такого рода.

Восстание, тем не менее, разразилось самым неожиданным образом, при отсутствии каких бы то ни было предвестников, которые могли бы внушить обществу хотя бы малейшее предположение о возможности подобного выступления. Что же касается полиции, то она, повидимому, плохо выполняла свои обязанности, так как доказано, что во Франции существовал обширный заговор, подготовленный в глубочайшей тайне и имевший разветвления даже за границей. Тайные организации, под наименованиями «Общества четырех времен года», «Общества семей», «Друзей народа», соединились, повидимому, в единый союз поджигателей; они предполагали поджечь Париж со всех четырех сторон и попытаться спалить Тюильри при помощи зажигательных бомб. Только поспешность помешала осуществлению этого адского плана⁵⁰. Префект полиции получил сведения о готовившемся выступлении, и оно произошло раньше первоначально назначенного срока. По другой версии, выступление должно было произойти в день открытия палат, но оно было отложено, так как король лично там не присутствовал.

12 мая около 4 часов восставшие в числе от 200 до 300 человек направились в полицейскую префектуру; муниципальная стража и постовые полицейские отбили их ружейным огнем. Они напали тогда на пост при Дворце юстиции, завладели этим постом и обезоружили стражу. Коман-

дующий постом лейтенант Друино, сержант и трое солдат были убиты залпом, сделанным в упор. При этом был совершен возмутительный и варварский поступок: когда восставшие заняли караульное помещение, они нашли в одной из задних комнат старого больного солдата, который не был в состоянии подняться с кровати. Не понимая, что означает весь этот шум, он спросил об этом у восставших, которые вместо ответа его безжалостно умертвили. Этот пост был вслед за сим немедленно отбит муниципальной гвардией, и восставшие захватили пост у ратуши, который, равным образом, был взят обратно и занят линейными войсками. Отбитые от ратуши, восставшие бросились в квартал Сен-Мартен. Разграбив несколько оружейных магазинов, они соорудили баррикады на нескольких улицах. На следующий день в 10 часов перестрелка возобновилась на *Marché des Innocents*, где укрепились часть бежавших накануне восставших, но их не замедлили разогнать.

Это восстание, по своей продолжительности, по числу принимавших в нем участие и по количеству жертв, было значительнее восстания 1830 г., так как, по подсчетам, до 200 человек пострадало за эти два дня. Потери линейных войск составляют одну треть этого числа. Один только батальон 7-го линейного полка в первый вечер потерял 15 человек убитыми, в том числе одного младшего лейтенанта. Полковник 53-го линейного полка Баллон (произведенный потом в генералы) был ранен в ногу; командир эскадрона Пеллион из Генерального штаба, брат редактора журнала «*Revue du Nord*», был тяжело ранен на улице Амбуаз, в центре города, у Итальянского бульвара. Последние полицейские списки дают нижеследующий подсчет убитых и раненых: убито военных 15, гражданского населения 59, итого 74; ранено: военных 36, гражданского населения 61, итого 97; всего убитых и раненых 171.

Теряются в догадках по поводу происхождения этого восстания. Общее мнение во время самих беспорядков склонялось к тому, что это было бонапартистское движение. Был даже пущен слух, что арестован полковник Водре⁶¹, принимавший участие в вылазке Луи-Наполеона в Страсбурге, но письмо его жены удостоверяет, что он не покидал департамента *Côte d'or*. Сам Луи-Наполеон написал в «*Times*» письмо, в котором, официально отрицая какую бы то ни было прикосновенность свою к парижскому восстанию, заявил, что если бы было предпринято какое-либо выступление в его пользу, его долг повелевал бы ему стать во главе восставших и он бы этот свой долг выполнил. По словам «*Times*», опубликовавшей это письмо, он не так давно предпринимал таинственное путешествие в Париж.

Бывший депутат Кабе⁶², известный своими демагогическими убеждениями, скрывавшийся за границей, чтобы уклониться от наказания за преступление против закона о печати, только что вернулся во Францию, воспользовавшись правом давности, предоставляемым приговоренным после пяти лет отсутствия. Одна консервативная газета сообщила, желая этим внушить мысль о прикосновенности Кабе к восстанию, что Кабе несколько раз предпринимал подозрительные поездки в Париж, незадолго до беспорядков, но Кабе ответил, что он не покидал Дижона (департамент *Côte d'or*).

Среди арестованных, контингент которых в главной своей части состоит из рабочих, ремесленников и мальчишек, двое обратили на себя внимание, как стоящие выше других по своей профессии и как принадлежащие к республиканской партии,—это некто Бланки, брат академика, пригово-

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЛДАТЫ

Из парижских зарисовок П. И. Челищева,
1839 г.

Литературный музей, Москва

ренный уже ранее за политическое преступление, и адвокат Барбес, равным образом приговоренный по такому же делу и впоследствии амнистированный. Говорят, что Бланки скрылся в Англию⁵³. Впрочем, произведенные аресты были, повидимому, недостаточны, так как 16 мая ночью произошли снова буйства и были выбиты окна в магазине оружейника Лепажа. В связи с тем, что на палату пэров возложены судебные функции по делу арестованных за участие в восстании, канцлер Пакье⁵⁴ и несколько других пэров получили анонимные письма с угрозами на случай, если будет хоть один смертный приговор. В этих письмах говорилось, что пэры, голосовавшие за смертную казнь, будут сами убиты при первом же восстании, которое, несомненно, произойдет вслед за этим. Но довольно трудно застрашать 158 судей, из которых многие старые военные. Это обстоятельство может служить возражением против установления суда присяжных. Все, что можно извлечь из вышеизложенного, свидетельствует лишь о том, что Франция живет на кратере вулкана.

Другое важное наблюдение, невольно бросающееся в глаза,—это то, что Национальная гвардия никогда еще в такой мере не уклонялась и не выказывала своего нежелания участвовать в подавлении мятежа. Из составляющих ее 60 тысяч, не считая 20 тысяч призываемых в предместьях, с большим трудом удалось собрать 3 тысячи. Очевидец, сам в качестве национального гвардейца принимавший участие во взятии одной из баррикад, рассказал мне самым наивным образом следующий случай: отряд в 500 человек Национальной гвардии был направлен к баррикаде, возведенной в конце улицы Тиктон, при этом оказалось, что весь состав этого отряда состоял из торговцев и буржуа, проживавших по улице, где сооружена была баррикада. Сперва, пока они не видели восставших, скрытых

от них баррикадой, они храбро шли вперед, несмотря на крики их жен и детей, но как только они подошли ближе и заметили дула ружей, концы которых высывались из щелей укрепления, их охватил панический страх, и они все разбежались по своим лавкам и квартирам. Взрыв смеха, вместо ружейного залпа, раздался из-за баррикады, и только полчаса спустя 4-й легион, при поддержке линейных войск, захватил ее, причем во время атаки был убит национальный гвардеец Леду.

Линейные войска настроены, в общем, очень враждебно против восставших, и, если бы допустили, они уничтожили бы всех и все, что оказалось на их пути. В своем рапорте военному министру маршал Жерар⁵⁵, несмотря на явное стремление прикрыть нежелание Национальной гвардии выступить, должен был, тем не менее, признать, что в ней оказались убитыми только два гвардейца и два барабанщика.

Во время восстания произошел любопытный случай, имеющий отношение к Политехнической школе. Восставшие, отогнанные от площади Шатле, направились к Политехнической школе. Неся труп одного из своих, убитого во время атаки, и взывая о мщении, они прорвались через ворота школы, запертые при их приближении, с криком: «Нам нужны... командиры!». Подоспевший кстати отряд муниципальной гвардии быстро их атаковал и разогнал, причем было убито трое восставших.

«Journal des Débats», давая отчет об этом событии, сообщил, что, будто бы, восставшие были оттеснены учениками школы, что вызвало со стороны последних возражение. Неосторожные похвалы, которыми их щедро осыпали в 1830 г., взвинтили умы молодых людей, вообразивших, что они, действительно, командиры и политические деятели. Они отнесли письмо с возражениями в «Journal des Débats». Когда газета отказалась его напечатать, в редакцию явилась делегация учеников и заявила, что она не покинет помещения, пока их возражение не будет принято в печать, после чего редакции пришлось согласиться с их требованием, и письмо появилось в газете, однако, без подписей. Заключительная его фраза такова: «Муниципальная гвардия бросилась на тех, что оставались еще тут, и убила двоих на глазах учеников возмущенной Политехнической школы»⁵⁶.

Муниципальная гвардия, возмущенная такими выражениями, в свою очередь, послала делегацию в школу, чтобы заявить ученикам, что они дерзкие дети, которых следует наказать, а что касается муниципальной гвардии, то она готова доказать, что поступила законно. Их протест заключал в себе вызов и был сформулирован в презрительных выражениях: ученики там назывались просто мальчишками. Однако, этому протесту не пришлось увидеть света, так как в дело вмешались власти. Начальник Политехнической школы, генерал Толозе, был смещен за проявленный им недостаток энергии и распорядительности, и 31 ученик был заключен в тюрьму аббатства.

Пока эти события происходили в Париже, в Авиньоне был открыт легитимистский заговор; 28 заговорщиков были захвачены на собрании и арестованы. Однако, повидимому, нет никакой связи между этой организацией и той, что недавно подняла знамя восстания в Париже.

Рассказывают даже, что во время последних беспорядков несколько вооруженных людей с белым флагом подошли к одной из баррикад с целью присоединиться к республиканцам, но были отвергнуты последними. «L'Europe Monarchique» высказывает предположение, что этот пресловутый заговор был попросту открытым собранием для танцев, которое

переусердствовавший префект принял за секретное собрание заговорщиков. Подробности, относящиеся к последнему восстанию, заслуживающие, на мой взгляд, быть отмеченными, указывают на новую и опасную систему организации восстания, при помощи отдельных пятерок, которые по определенному сигналу должны были собраться, не будучи знакомы между собой. Ни одного имени не было занесено в списки заговорщиков, и привлеченные участники обозначались номерами и не знали друг друга. Начальники, руководившие восстанием, не появлялись и были невидимы и неизвестны членам организации. Эту подробность я узнал от герцога Деказа⁵⁷, одного из пэров, на которого возложено следствие в этом процессе...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. В, лл. 178-186].

Французские легитимисты, неуклонно продолжая старую традицию своих отцов (эмигрантов революции 1789 г.), упорно стремились возможно глубже запустить руку в русский казенный сундук. В середине 1839 г. явился к Якову Толстому маститый редактор газеты «La France», виконт де Жайи, и просил передать его величеству Николаю Павловичу, что хотел бы получать от царя на издание газеты 50 000 франков ежегодно. Такие просьбы постоянно встречаются у Якова Толстого в его донесениях. Приводим этот образчик.

№ 21

Париж, $\frac{25 \text{ июля}}{6 \text{ августа}}$ 1839 г.

... Виконт де Жайи, один из редакторов газеты «La France», был у меня сегодня утром и заявил мне, что безвыходное финансовое положение этой газеты ставит его перед необходимостью предпринять путешествие в Германию и в Россию с целью хлопотать о субсидии у правительств стран, которые он собирается посетить. После обстоятельного изложения всех нужд своей газеты виконт объяснил мне, что Карл X снабдил газету суммою, необходимой для внесения залога, в размере 100 тыс. франков, и что, пока король был жив, они ни в чем не нуждались, после же его смерти герцог Ангулемский⁵⁸ заявил, что он недостаточно богат, чтобы их субсидировать. Герцог де Блакас⁵⁹ оплатил первый выявившийся дефицит по газете, но с некоторых пор он отказался от дальнейшей ее поддержки. Таким образом, они оказались предоставленными своим собственным силам. Молодой человек, виконт де Бонни, жертвует теперь всем своим достоянием для выхода газеты. Он отказывает себе во всем и с редкою самоотверженностью употребляет весь свой доход в 60 тыс. франков на содержание газеты. Г-н де Жайи⁶⁰ надеется иметь великое счастье видеть и лично заявить свою просьбу е. и. в. Его претензии показались мне чрезмерными и цифра субсидии сильно преувеличенной, и я рекомендовал ему не питать больших надежд. Он рассчитывает, что правительство могло бы назначить ему ежегодную субсидию в 50 тыс. франков, и вместе с теми субсидиями, которые он надеется извлечь еще и у других правительств, он мечтает создать газету, которая сможет идти вровень с лучшими парижскими органами...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. В, л. 234 об.—235].

Довольно однообразная служебная лямка Якова Толстого нарушалась время от времени волнениями и неприятностями с парижскими журналистами. Очень уж те были юрки и жадны. Яков Толстой терялся и не знал, как быть среди этой борьбы ненасытных appetitов. Вот образчик. Дело

происходит в августе 1839 г. Тут пишут о Польше, о пожаре Зимнего дворца—успевай только опровергать; обостряется восточный вопрос—успевай только сообщать о слухах из Англии,—и вот изволь от всего этого оторваться и расхлебывать следующую в самом деле любопытную историю. Жил-был тогда на свете некий небезызвестный III отделению Дюран, редактор газеты «Le Capitole». И вот узнает весь Париж, а в том числе и Яков Толстой, что Дюран направо и налево рассказывает о себе самом, что он, Дюран, получает большую тайную субсидию от русского царя. На самом деле Дюран на сей раз ровно ничего от царского правительства не получил. Яков Толстой сразу догадался, с какими целями г. Дюран хвалится тем, что он подкуплен,—это затем, чтобы получить кредит у банкиров. Толстой пустился опровергать Дюрана. Но опровергнуть человека, который сам упорно признает за собою определенный и никак не могущий быть опровергнутым, предосудительный для него самого факт, нелегко!—возмущается Яков Толстой. «Возмутителен» этот «цинизм» именно потому, что никаких взяток Дюран не брал, а утверждает («не краснея!»), что б р а л их. Если бы в самом деле брал, то и краснеть нечего было бы, по мнению стыдливого Якова Толстого. Недоумение по поводу необъяснимых действий Дюрана продолжалось недолго.

Является в разгаре этой суматохи к Якову Толстому старый его приятель, Эмиль Жиарден, и сообщает следующее: основанная Жиарденом, но принадлежащая не только ему, но целому акционерному обществу газета «La Presse» продается этим акционерным обществом с публичного торга. Он, Жиарден, хочет ее купить в полную свою собственность (газета была в самом цветущем положении в тот момент). Но вот неожиданно объявляется конкурент: этот самый Дюран, который слухами о том, будто бы за ним стоит финансовая поддержка России, именно и хочет отпугнуть конкурентов, сорвать торги и заполучить газету. Эмиль Жиарден с достоинством замечает при этом, что Дюран обладает притом демократическими убеждениями. Так стоит ли его поддерживать? Другое дело—он, Жиарден, всегда боровшийся с дурной прессой. Яков Толстой продолжал опровергать Дюрана, но насчет Жиардена советует своему начальству осторожность (Жиарден как раз в это время попался в проделке, весьма похожей на мошенничество). В Петербург отправляется такой отчет о событиях:

№ 22

Париж, 7/19 августа 1839 г.

... В предыдущем своем донесении я имел честь сообщить вашему сиятельству, что здесь ходят слухи о субсидировании русским правительством нынешнего редактора газеты «Le Capitole»⁶¹, г. Дюрана. Эти слухи в последнее время еще усилились, благодаря нелепым похвальбам этого Дюрана. Лица, вполне заслуживающие доверия, передавали мне, что слышали о субсидировании от него самого. Из этих лиц назову: одного из редакторов газеты «Quotidienne» г. Вогринье и г. де Бонни, из редакции «La France». Я счел своим долгом решительно заявить, что совершенно немыслима какая-либо прикосновенность русского правительства к органу, демократическое направление которого громко провозглашается самим редактором. Но весьма трудно опровергнуть сложившееся у всех мнение, особенно, когда личность, служащая предметом рассказней, сама их подтверждает, не краснея и с возмутительным цинизмом. Поведение г. Дюрана, очевидно, объясняется желанием создать себе кредит у банкиров,

которого, конечно, легче добиться, уверив их, что он пользуется субсидией от русской власти. Последнее соображение подтвердил зашедший ко мне сегодня утром г. Эмиль де Жирарден. Поводом к его визиту послужило следующее обстоятельство: основанную им газету «La Presse» сейчас продают; г. де Жирарден делает все возможное, чтобы приобрести ее в свою исключительную собственность от нынешних ее владельцев и пайщиков. Но вчера ему довелось услышать от одного немецкого банкира, имя которого он мне не назвал, что г. Дюран намеревается приобрести эту газету для русского правительства, от которого он, согласно его уверениям, получает по 12 000 фр. в месяц. Г-н де Жирарден заявил, что ему не приходится вступать в состязание со столь могущественным конкурентом, что предложенная г. Дюраном цена на торгах неизбежно повысит, вероятно, настолько стоимость газеты, что он поставлен будет в невозможность ее приобрести. Если русское правительство, продолжал он, действительно намерено приобрести газету, ему следовало бы поручить это дело не г. Дюрану, а ему—де Жирардену: в противоположность г. Дюрану, он придерживается монархических и консервативных принципов, он всегда отстаивал сближение с Россией против союза с Англией, даже тогда, когда газета его была министерской; наконец, как основатель издания, он создал ему определенную репутацию, которую другое лицо вряд ли сумеет поддержать.

Я заверил г. де Жирардена, что г. Дюран берет на себя смелость похвастаться такими вещами, в которых нет ни тени истины. Чувствуя необходимость погасить слухи, распускаемые г. Дюраном в целях личных выгод, я принимаю в этом направлении все зависящие от меня меры, оставаясь

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГВАРДЕЕЦ
Из парижских зарисовок П. И. Челищева,
1840 г.

Литературный музей, Москва

в диктуемых осторожностью границах. Что же касается г. Эмиля де Жирардена, то, невзирая на высокую его одаренность и крупные общественные заслуги по ожесточенной борьбе с печатью вредного направления, которой ему удалось нанести не один сокрушительный удар, я все же считал бы непредусмотрительным связывать себя сношениями с ним, ввиду его несколько запятнанной в общественном мнении репутации. Скомпрометированный в деле о рудниках Сен-Берена, он хотя и был по этому делу оправдан, все же вышел из него несколько опороченным. Сам он, правда, сваливает все на врагов, которых в большом числе нажил за время борьбы своей со всевозможными газетными уклонениями,—и в таком объяснении есть доля правды. Но при всем том, повторяю, вести с ним деловые сношения можно лишь с величайшей осмотрительностью, и этого правила я неизменно придерживаюсь⁶².

Из числа лиц, имеющих намерение приобрести «La Presse», назову банкира Агуадо и сына Наполеона—графа Валевского...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. В, лл. 246—248 об.].

Газета осталась за Жирарденом.

С видимым удовольствием отмечая трудную борьбу, которую вели в это время французы с поднявшимися на защиту своей независимости алжирскими племенами, предводительствуемыми Абд-эль-Кадером, внимательно следя за высказываниями прессы по восточному вопросу, очень тогда обострившемуся, Яков Толстой не забывает, конечно, польских эмигрантов, живших в Париже, и отмечает всякий раз празднование поминальной годовщины польского восстания 1830 г. (29 ноября), донося о речах Чарторыйского, Мерославского и других.

В донесение от 6 декабря 1839 г. вкраплена записанная под свежими впечатлениями сцена первого публичного чтения в салоне жены Эмиля Жирардена ее на шумевшей пьесы «L'Ecole des journalistes» («Школа журналистов»). Об этой пьесе и о возникшей вокруг нее полемике Яков Толстой дает свидетельство очевидца, небезыңтересное для историка французской литературы и парижского литературного быта в годы Июльской монархии.

№ 25

Париж, $\frac{24 \text{ ноября}}{6 \text{ декабря}}$ 1839 г.

... Мне недавно привелось присутствовать у бывшего депутата, г. Эмиля Жирардена, при чтении пьесы, написанной его женой, г-жей де Жирарден⁶³, «Школа журналистов» («L'Ecole des journalistes»). На чтение пьесы в огромном количестве собрались писатели и редакторы газет всевозможных направлений и оттенков; присутствовало и большинство здешних женщин-писательниц. Эту пятиактную пьесу в стихах предполагалось поставить на сцене Французского театра, но она была запрещена цензурой. Принимая во внимание, что в ней нет ничего противоправительственного, что она, скорее, представляет собою резкую сатиру на самых неистовых и подлых врагов всех правительств, недопущение ее до постановки, вероятно, объясняется иного рода соображениями: дело, полагают, в том, что она полна личных намеков. Как бы то ни было, пьеса заслуживает внимания во многих отношениях, и только случившиеся алжирские бедствия заставили утихнуть возбужденные ею шумные толки.

В первом действии изображается редакция газеты, носящей название «Истина». Автор, выводя на сцену ответственного редактора, главного редактора, лицо, дающее средства на издание, и сотрудников газеты, рисует их правдивыми красками. Начинается пьеса сценой оргии, после которой все ее участники принимаются за писание статей, направленных против правительства, против всякого дарования, против добродетели, против неприкосновенности личности и против семейной чести. Пишется все это в пьяном до омерзения состоянии, и, невзирая на него, эти люди считают себя в праве провозглашать новые правила общественной жизни, корчат из себя аристархов-обличителей современности—ее политики, нравов, искусства, литературы и т. д. Излишне говорить, что стихи сделаны превосходно: г-жа де Жирарден — одна из знаменитых поэтесс.

По прочтении первого акта г-жа де Жирарден стала обходить собравшихся, спрашивая их мнение о пьесе. Когда она подошла к г. Жюлю Жанену, тот, на просьбу высказаться, сердито отвечал, что «все, что он прослушал, по его мнению, фальшиво от первого до последнего слова, что журналисты никогда не напиваются допьяна перед тем, как писать, и не пишут, когда бывают пьяны». Тут, в свою очередь, рассердилась больно задетая в авторском своем самолюбии г-жа де Жирарден. Повысив голос, она заявила, что все ею написанное с совершенной точностью воспроизводит действительность и основано на неопровержимых данных, и добавила, что приложит к тексту пьесы примечания, где будут указаны подлинные имена всех изображенных в пьесе лиц. Она сослалась, наконец, на известную статью в «*Journal des Débats*», написанную г. Беке⁶⁴ в пьяном виде, во время оргии, и вызвавшую падение монархии и изгнание старшей ветви Бурбонов. Эта статья, приведшая к столь роковым последствиям, началась так: «Несчастливая Франция, несчастный король!..».

После этого скандального эпизода г-жа де Жирарден возобновила чтение своей пьесы. Во втором акте изображено, как любовница одного из редакторов, балетная танцовщица, похищает рукопись, которую и продает, чтобы на вырученные деньги купить себе муфту. В похищенном документе повествуется о министре, который долго состоял любовником одной женщины, а затем женился на ее дочери. Последняя из обличительной газетной заметки, случайно попавшейся ей на глаза, узнает о бывшей между ее мужем и матерью связи, о которой раньше не подозревала. Это приводит к объяснениям между дочерью и матерью и дает в третьем акте прекрасную и умело написанную патетическую сцену. Всем ясен тут намек на эпизод из жизни г. Тьера, и имя его переходило из уст в уста.

В четвертом акте дан эпизод, изображающий судьбу старого художника, одного из самых выдающихся живописцев своего времени, талант которого не может получить признания из-за газетной травли. После долгих, но тщетных попыток бороться с могуществом и злобой газетной прессы он теряет рассудок под действием ежедневных оскорблений и умирает жертвой журналистики, в отчаянии бросившись из окна. Это в немного измененном виде история жизни художника барона Гро⁶⁵.

В пятом акте рельефно выявляется все зло, причиненное газетой: опрокинутое министерство, обесчещенная семья, самоубийство выдающегося художника и т. д. Один из редакторов, честный человек, признает свою ошибку, отказывается от прежних своих взглядов и заявляет, что отныне он перестает работать в газетах. В противовес ему, юноша, выступивший на защиту оскорбленной семьи, заявляет о противоположном решении—

он хочет сделаться журналистом и вскрыть все тайные пружины журналистики: он вступит в ряды газетных сотрудников, чтобы крепче ее заклеить, он сделается соучастником ее преступлений, чтобы до конца их разоблачить. Он знает, что его ждет: ненависть журналистов будет преследовать его клеветой, перетрясут всю его жизнь с младенческих лет, станут копаться в его происхождении, постараются опорочить его честь, лишить его даже родины,—он готов ко всему. Он падет жертвой, но падением своим раскроет всем глаза на зияющую пропасть! Этот молодой человек не кто иной, как сам Эмиль де Жиарден, выведенный здесь, конечно, под другим именем, и здесь имеется в виду именно его деятельность. Так заканчивается пьеса.

Г-жа де Жиарден была восхитительна, когда с выразительностью и с волнением читала эту заключительную, прекрасными стихами написанную сцену. Она так волновалась, заканчивая чтение, что у нее прорывались рыдания и слезы душили ее. Так завершился этот знаменитый вечер, вызвавший затем столько шумных толков⁶⁶.

Клеймо, наложенное на журналистов женщиной, энергично разоблачившей отвратительные стороны их ремесла, привело их в подлинное неистовство, и они яростно набросились на комедию г-жи де Жиарден. Началось с «Le Temps», где лишь в нескольких строках фельетона было упомянуто о вечере, без указания места, и как бы для того только, чтобы осудить подобные чтения и поиздеваться над учеными женщинами—так называемыми «синими чулками». Но когда затем в «L'Artiste» появилось письмо Жюль Жанена к г-же де Жиарден⁶⁷, остальные газеты целым хором присоединились к его нападкам на автора этой комедии. Письмо Жюль Жанена весьма примечательно по манере изложения и развязности своего тона. Главная цель его—доказать, что пороки печати, изображенные г-жею де Жиарден в ее комедии,—плоды измышления автора, который совершенно умолчал о том, что называется благом печатного слова; печать, утверждал Жюль Жанен, никогда не приносила такого вреда, какой приписан ей в пьесе. В высшей степени циничное и бестактное, письмо это написано все же очень ловко и полно едкого остроумия. Оно произвело настоящую сенсацию и покупалось нарасхват, так что газета «L'Artiste» на нем составила свое благосостояние. Многие поражены, что в письме, обращенном к молодой женщине из общества, г. Жанен допустил такие фразы, как: «девки у уличной тумбы», или «своими белыми ручками вы копаетесь в навозе», «вы мараєте их в грязи, крови и плевках» и т. д. и т. д. Словом, письмо изобилует столь отвратительными выражениями, что становится совершенно очевидным, что автор чужд порядочному обществу.

Вечером у г-жи де Жиарден была, можно сказать, еще более подогрета ненависть журналистов ко всем, кто оспаривает их право на руководство общественным мнением. Следует отметить, между прочим, что почти все серьезные газеты в ссоре между собой. Никогда газетная полемика не велась с таким ожесточением, как за последнее время, не говоря об органах диаметрально противоположных направлений, которые и без того обычно грызутся между собой,—и газеты одного приблизительно лагеря воюют друг с другом не на живот, а на смерть: так, «Journal des Débats» вступила в бой с «Le Courrier» и с «Le National»; «Gazette de France» с «La Quotidienne» и с «La France». Словом, в рядах журналистики царит полнейший раздор. Недавно «Le Courrier» возбудил судебное преследование

ДЕЛЬФИНА ГЭ, ВПОСЛЕДСТВИИ Г-ЖА
ДЕ ЖИРАРДЕН

Рисунок в альбоме А. Е. Шиповой, 1820-е гг.

Институт литературы Академии наук СССР,
Ленинград

против «La Presse» за диффамацию, и ответственный редактор последней приговорен к 2 000 фр. штрафа...⁶⁸.

[Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 282 об.—287 об.].

На обязанности Якова Толстого было не только следить за текущей политической прессой, но и радеть о том, чтобы историческая наука не уклонялась в нежелательную сторону. Так, 20 февраля 1840 г. граф Бенкендорф потребовал, чтобы Толстой немедленно связался с редакцией большого словаря «Biographie des hommes du jour»⁶⁹. Редакторы этого издания согласились, чтобы биографию Николая Павловича у них написал сам Яков Толстой, уже и ранее писавший там и исправлявший биографии сановных россиян. Стоило это не очень дорого. Например, за нужные «пропуски» в биографии Паскевича редакция взяла всего 500 франков наличными. Эта же редакция пускалась еще и на такие ухищрения. Они за несколько лет до того уже издавали (в первом издании) том своего словаря с биографией Николая I, написанной в «возмутительном» духе. Теперь они обнаружили желание не только получить за новую благонамеренную биографию, но и за старую «возмутительную», и Яков Толстой принужден был скупить и уничтожить тысячу экземпляров первого издания! А тут еще вышли неприятности с другим историком, г. де Норвеном. Последний предложил написать историю Петра I. Яков Толстой и материалы ему достал,—и едва ли только материалы. Но историк оказался неумеренно алчным. Он вдруг потребовал, чтобы ему авансом дали сорок тысяч франков золотом и напечатали бы его труд за счет царской казны. Дело расстроилось⁷⁰.

Очень хлопочет Толстой о том, чтобы царь обнаружил щедрость к жене влиятельного редактора Эмиля Жирардена. Ту самую пьесу («Школа журналистов»), при чтении которой, как рассказано выше, присутствовал Яков Толстой, автор ее, г-жа Жирарден, повергла к стопам ценителя муз Николая Павловича, от которого и ждет если не табакерки, то чего-нибудь посущественнее. Яков Толстой деликатно настаивает, что хорошо бы ей что-нибудь, в самом деле, дать—муж человек влиятельный.

Толстой подкупал газеты от раза до раза, но три органа — «La France», «La France et l'Europe» и «La Revue du Nord» — были у него более или менее на постоянном иждивении. Когда эти издания прекратили свое существование, их сменили «La Patrie», «L'Assemblée Nationale» и «Constitutionnel»⁷¹.

Впрочем, охотников «служить» было немало. Вот, например, консервативная газета, посвященная легитимизму, дружественная царской России «Le Journal Général», и ее издает «человек почтенный и серьезный», виконт де л'Эспин. У этого л'Эспина состояние личное от 8 до 10 миллионов. Чего бы, кажется, лучше? Но нет: в один прекрасный день почтенный и серьезный виконт обращается через третье лицо к Толстому и просит в награду за свой консерватизм и легитимизм денег от Бенкендорфа.

№ 29

Париж, 15/27 марта 1840 г.

... Через посредство виконта де л'Эспина еще один консервативный орган — легитимистского направления, состав редакции которого дружески настроен по отношению к России и к ее интересам, — я разумею «Le Journal Général»⁷², — обратился с предложением своих услуг. Г-н де л'Эспин в письме на имя третьего лица, которым письмо и было мне передано, еще не заговаривает о субсидии, но ясно, что дело клонится к этому, хотя сам он и чрезвычайно богатый человек. Он сын бывшего управляющего монетным двором, и его средства исчисляются от 8 до 10 миллионов. Это человек достойный и положительный, и сношения с ним не могли бы меня компрометировать. Имею честь приложить письмо г. де л'Эспина к одному бывшему судебному деятелю, давнишнему моему знакомому, человеку, в честности и скромности которого сомневаться не приходится.

Убедительно прошу ваше сиятельство сообщить мне ваши распоряжения по всем этим вопросам, в каком бы смысле ни угодно было вам их разрешить...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. В, лл. 370 об.—371].

Все эти попрошайки не могли, конечно, надеяться на такое внимание, как Эмиль Жиарден, владелец наиболее распространенной тогда газеты «La Presse». Курьезно, к каким приемам прибегал Эмиль Жиарден, чтобы напомнить деликатно русскому казначейству об «обязанностях» по отношению к газете «La Presse». Так, осенью 1841 г. (6 ноября) Жиарден посетил Якова Толстого и поведал ему, что он, Жиарден, побывал недавно в Австрии, четыре часа беседовал с канцлером князем Меттернихом и что Меттерних очень обнадежил его газету своей поддержкой. Ко всем этим интересным сообщениям Жиарден не преминул прибавить, кстати, что он теперь и в Россию собирается!.. Намек был крайне прозрачен, и Яков Толстой усиливается понять: была ли «поддержка» Меттерниха денежная или какая-нибудь иная?

В своем донесении от 6/18 ноября 1841 г. Яков Толстой сообщает о разговоре Жорж Санд с «Revue des Deux Mondes», об основании при ее участии нового журнала и дает несколько очень интересных замечаний бытового, так сказать, характера, ярко рисующих, до какой степени в эпоху июльской буржуазной монархии издание газеты было в руках плутократии. Толстой приводит мнение одной парижской газеты, что фактически «право писать признано законом за г. Ротшильдом и некоторыми другими». По-

путно он дает несколько конкретных примеров, интересных для истории французской периодической печати, и приводит наглядные объяснения того факта, что газеты оказываются такими хрупкими и скоропреходящими предприятиями.

№ 37

Париж, 6/18 ноября 1841 г.

... Пресса обогатилась за последние месяцы текущего года двумя ежедневными органами: «Le Globe»⁷³ и «Le 19me Siècle»⁷⁴. Последняя из этих двух газет ведется в консервативном духе и склоняется на сторону России.

Знаменитая Жорж Санд, которой редакция «Revue des Deux Mondes» отказала в помещении одной ее статьи, как бы в отместку, решила основать новое повременное издание того же рода и дала ему название «La Revue Indépendante»⁷⁵. К Жорж Санд присоединились два радикальных писателя: гг. Л. Виардо и П. Леру. Последний, бывший сен-симонист и пылкий писатель-республиканец, поместил в первой книжке этого журнала статью, исполненную крайнего революционного духа.

Но появление новых органов еще не служит доказательством процветания прессы вообще: на два вновь возникающих издания приходится вдвое больше исчезающих с арены печати. Со всех сторон твердят об отчаянном положении прессы. Правда, повидимому, пробелы от гибели одних органов заполняются появляющимися им на смену новыми. В подобных начинаниях особенно легко поддаваться иллюзиям—это своего рода лотерея, и этого достаточно для людей, ищущих успеха. Любопытно наблю-

ЖЮЛЬ ЖАНЕН

Рисунок в альбоме П. И. Челищева,
1839 г.

Литературный музей, Москва

дать за постепенным упадком этих органов, со всеми его перипетиями и, наконец, за окончательным их крушением, вопреки всем мерам, всем жертвам, чтобы предотвратить гибель. Но как ни оказываются тщетными все такие усилия, газеты все-таки упрямо продолжают твердить то самое, что провозглашали в первых объявлениях о своем выходе: что они призваны удовлетворить назревшей, всеми ощущаемой, всеми высказываемой потребности и т. д. Некоторые газеты объясняют многочисленные случаи гибели изданий суровостью законов о налогах. Вероятнее, однако, что причина здесь лежит просто в азартной конкуренции—этой игре, разорительной как для гибнущих, так и для тех, кто пока еще уцелел. Даже имеющее успех газетное предприятие требует огромных расходов, не компенсирующихся этим успехом, будет ли он достигнут сразу или постепенно. Бесконечное количество наводняющих теперь Францию газет совершенно не соответствует возможному в этой стране числу подписчиков на них: сильный ущерб подписке наносят существующие в значительном количестве общества, клубы, кафе и другие публичные учреждения, выписывающие все газеты. Надо прибавить к этому и читальни, которых в Париже насчитывается до 800, а по всей Франции—до 4 000. Недаром одна газета, горько сетуя на огромность требующихся для ее существования издержек, заявила, что закон признает право на печатное слово лишь за г. Ротшильдом да еще за немногими другими, которым, впрочем, было бы крайне затруднительно этим правом воспользоваться.

Как бы то ни было, вот перечень наиболее значительных, уже успевших было упрочиться газет, прекратившихся в 1841 г.:

«Le Bon Sens» поглотила миллион слишком франков и разорила своих пайщиков. Ее зарезала основанная правительством газета «Le Sens Complet»⁷⁶, выходившая в том же формате, имевшая тот же внешний вид, что и названный республиканский орган, но при этом проводившая совершенно противоположные идеи; эту газету продавали по воскресеньям на улицах по очень низкой цене.

«Le Monde»⁷⁷. При всей талантливости редактора этого издания, г. аббата Ламенэ, оно погибло под бременем расходов и из-за недостатка подписчиков.

«Le Capitole». Издание это, обошедшееся Людовику Бонапарту в значительную сумму, погибло, однако, подобно предыдущим.

«L'Europe Monarchique»⁷⁸. Газета не могла продержаться, несмотря на огромные средства, затраченные на нее маркизом де Ла Рошжакленом и другими богатыми легитимистами, даже при таком даровитом, по общему признанию, главном редакторе, как г. Капфиг.

Одна из самых процветающих парижских газет—«La Presse»—поглотила на поддержку своего существования 600 000 франков, отпущенных правительством, и только поэтому сейчас и жива. Между тем, редактор ее, г. де Жирарден, должен быть признан одним из самых способных к руководству газетой людей: среди писателей его даже называют в о п л о щ е н н о й п р е с с о й. Впрочем, признано, что для газеты не оппозиционного направления успех вообще дается с большим трудом...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. С, лл. 81—84].

Несмотря на всю свою ловкость и пронырливость и несмотря на денежные жертвы со стороны царского правительства, Яков Толстой, по мере приближения Февральской революции, чувствовал с каждым годом, как

АНАТОЛИЙ ДЕМИДОВ

В глубине фигуры Жюль Жанена
и графини МонтроРисунок в альбоме П. И. Челищева,
1839 г.

Литературный музей, Москва

возрастают трудности, связанные с его деликатной миссией. Особенно огорчали его католики. Клерикальная пресса не скрывала своего резко враждебного отношения к усилившимся в [русской Польше и Литве, в начале 40-х годов, преследованиям католицизма и унии. «Фанатические редакторы!»—жалуется Яков Толстой в 1842 г. Особенно «фанатична» газета «Quotidiennne». Газета «La France» тоже фанатична, но так как эти фанатики непрерывно получают от Якова Толстого деньги, то они хоть не враждебны в других вопросах, не касающихся католической религии и ее положения во владениях русского царя. А, с другой стороны, как быть с Жирарденом? Положительная черта этого редактора газеты «La Presse»—его влияние, обусловливаемое громадным распространением его газеты; отрицательная его черта—это его мошенническое умонастроение и непобедимая природная склонность к шантажу, от которой он и не может и не хочет отделаться! Давно ли, например, Жирарден с достоинством и горечью обличал Дюрана в том, что тот обманным образом х в а с т а е т, будто получает субсидии от России? А теперь сам он делает то же самое и, главное, по тем же мотивам: тоже для поддержания кредита своего в банкирских кругах. Тут Яков Толстой помещает деликатный упрек царю, напоминая, что посылка пьесы жены Жирардена, повергнутый к стопам российского монарха, «осталась без ответа», то-есть без подарка и без денежного всемиростивейшего вознаграждения. Эмиль Жирарден так рассердился за это невнимание к его жене, что и пустился шанта-

жировать; такова была привычная форма выражения гнева этого масти-того редактора.

№ 46

Париж, 1/13 октября 1842 г.

... «La Presse», с которой я, учитывая авантюристские свойства ее главного редактора, никогда не желал входить в слишком близкие сношения, продолжала помещать мои статьи, хотя Эмиль де Жиарден и в обиду на меня из-за отсутствия какого-либо ответа на присылку его женой, через мое посредство, ее комедии «Школа журналистов». Со своей стороны, я также воздерживался от свиданий с г. Жиарденом из боязни себя скомпрометировать. Дело в том, что, по обычаю мало добросовестных французских журналистов, он сам для увеличения своего кредита распускает слух о том, что получает субсидию от русского правительства. Слух этот так широко распространен, что даже г. Гизо убежден, что редактор «La Presse» снабжается крупными суммами из этого источника. Как передавал мне г. Киселев, г. Гизо совершенно уверен, что каждая дружественная по отношению к России статья, появляющаяся в «La Presse», проредактирована в русском посольстве. Так, однажды, по поводу статьи этой газеты о договоре 13 июля, он заметил: «Бьюсь об заклад, что за эту статью русским посольством хорошо заплачено»⁷⁹.

Принимая во внимание эти обстоятельства, я вынужден был воздерживаться от сношений с г. де Жиарденом. И когда я счел своим долгом напечатать статью в опровержение ложных слухов о недоразумениях, якобы, происшедших между государем императором и прусским королем, я обратился к начинающей пользоваться успехом газете «Le Globe», с одним сотрудником которой я знаком. Имею честь приложить здесь небольшую заметку, напечатанную мною в этой газете...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. D, лл. 54—55].

Иногда одними деньгами ничего нельзя сделать. Из донесений Толстого Бенкендорфу от 13 октября 1842 г. мы узнаем, например, следующее. Известный польский эмигрант, граф Владислав Замойский, дал средства на издание сатирической биографии Николая I. Проведав об этом, Яков Толстой бросился к русскому посланнику в Париже Киселеву, а Киселев — к министру Гизо с просьбой о соответствующем административном воздействии, которое и было оказано.

Среди этой текущей хроники Яков Толстой отмечает в своих донесениях и факт большого значения для польской литературы: прибытие в Париж польского мессианиста, мистика и визионера Андрея Товянского, которому суждено было иметь такое роковое влияние на Адама Мицкевича в последние годы жизни великого польского поэта.

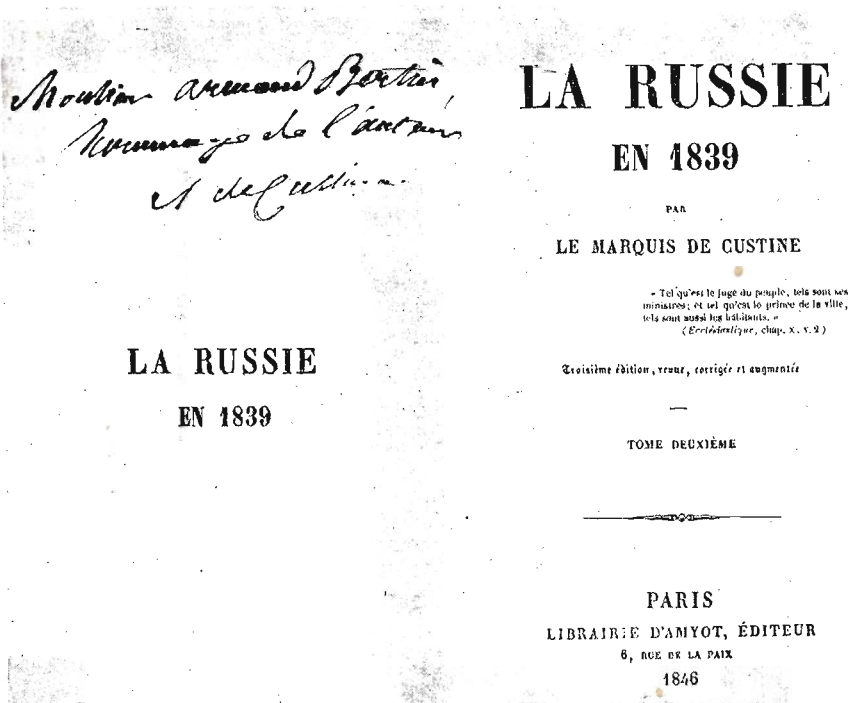
Продолжение донесения № 46 от 1/13 октября 1842 г.:

... В Париже появился поляк из Литовского края, по фамилии Товянский⁸⁰. Вдохновляемый, как он уверяет, святым духом, он собирается основать секту, по характеру своему одновременно и религиозную и политическую, и приобрел уже довольно значительное число приверженцев среди эмигрантов. Товянский начал с того, что обратился в Брюсселе к генералу Скужинецкому⁸¹, в надежде подчинить себе при посредстве своих мистических теорий ум этого религиозно настроенного человека. Пови-

димому, это ему не вполне удалось, так как генерал счел его за интригана и даже дал ему понять, что подозревает в нем русского агента. Тогда же Товянский прибыл в Париж и здесь сблизился с Адамом Мицкевичем, человеком также чрезвычайно набожным. Овладеть душой польского поэта ему помогло обстоятельство совершенно исключительного свойства: жена Мицкевича заболела душевной болезнью и содержалась уже несколько месяцев в больнице для умалишенных. Явившись к Мицкевичу, этот бесноватый объявил ему тоном пророка, что, в силу божественного откровения, он пришел возвестить ему полное исцеление его жены и что Мицкевичу остается только отправиться за ней в больницу. И действительно, по удивительнейшей игре случая оказалось, что душевное заболевание г-жи Мицкевич прошло, так что, приехав в больницу, муж застал ее совершенно поправившейся. Этой случайности, истолкованной как чудо, было достаточно, чтобы и так уже экзальтированное состояние Мицкевича превратилось в подлинный фанатизм. Теперь он всецело находится под влиянием иллюминатских идей Товянского, и ряды секты ежедневно пополняются новообращенными...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. D, лл. 60—61].

В донесении своем от 16 марта 1844 г. Яков Толстой уже начинает сигнализировать приближающуюся революционную бурю и недовольство части буржуазии недостаточно решительной и твердой внешней политикой Луи-Филиппа, особенно по отношению к Англии в вопросе о борьбе за тихоокеанские владения, ненадежность мелкобуржуазных слоев и тесно

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ КЮСТИНА О РОССИИ С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА РЕДАКТОРУ
„JOURNAL DES DÉBATS“ ARMANU BERTENU

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

с ними связанной гражданской милиции, то-есть Национальной гвардии, растущее раздражение против царствующей Орлеанской династии и недовольство в армии и во флоте. Толстому нельзя отказать в известной политической проницательности. Для 1844 г. его пессимистические суждения являются вовсе не шаблонными.

№ 58

Париж, 4/16 марта 1844 г.

... Когда вглядываешься в общее положение современной Франции, неизбежно приходишь к выводу, что недовольство королем и даже ненависть к нему неимоверно быстро растут. В Париже количество приверженцев правящей ныне династии заметно убывает,—в этом не остается никаких сомнений, когда видишь, как быстро нарастает охлаждение к ней во всех слоях населения. Никогда не встречал я раньше такого множества недовольных, и притом во всех кругах общества. В провинции ропот и жалобы носят, пожалуй, еще более обостренный и угрожающий характер, как это утверждают заслуживающие полного доверия лица, которым привелось за последнее время совершать поездки внутрь страны. И там так же, как и здесь, в Париже, все убеждены, что после смерти Луи-Филиппа возникнут серьезные волнения, которые приведут к изменению политического строя. Эта мысль овладела всеми умами, и такие рассуждения у всех на устах.

По всей справедливости, надо, однако, признать, что тревоги и недовольство вызываются не одной только деятельностью нынешнего кабинета. Причина коренится в самой государственной системе, так как, будь это иначе, не трудно было бы найти средство для устранения болезни. На самом деле, болезнь только усугубилась бы от смены кабинета: заменить г. Гизо г. Тьером (а пригодным сейчас для управления страной признается он один)—значило бы попасть из Сциллы в Харибду. Упреки по адресу правительства, выдвигаемые как столичной, так и провинциальной прессой, касаются всех без исключения сторон административной и политической его деятельности. Правительству ставят в вину, что оно опирается лишь на незначительное большинство в выборной палате народных представителей и может совершенно неожиданно лишиться этого большинства при переходе нескольких голосов на другую сторону. Указывают на резкое расхождение правительства с избирателями, воочию доказанное вторичным избранием пяти депутатов, подвергшихся исключению⁸²; далее на конфликты в муниципальных советах, особенно в анжерском, где мэр ведет открытую борьбу с членами совета, а те не дают ассигновок и голосуют против всех предложений своего главы. Затем выставляют на вид разногласия между духовенством и правительством; недоверие к Национальной гвардии, которую теперь не решаются привлекать на большие парады и расформированных отрядов которой не восстанавливают; недовольство во флоте, вызванное умалением достоинства его морского флага; недовольство в армии, вызванное недоверием и слежкой за ней, в частности, тем, что, в видах предосторожности, отдельные подразделения отправляют на гарнизонную службу в отдаленные укрепленные пункты. Причиной недовольства является также борьба с прессой, которая раздражена суровыми сентябрьскими законами⁸³, длительностью тюремного заключения за преступления печати и чрезмерными штрафами; с другой стороны—игнорирование интересов торговли, промышленности

и земледелия, совершенно не пользующихся поощрением со стороны правительства; пренебрежение к общественному мнению в деле сооружения укреплений, в мероприятиях фиска, в повышении налогов; подкупность администрации и, наконец, унижительная для Франции политика по отношению к Англии. Таков длинный ряд неизменно формулируемых печатью обвинений. И все это повсюду проникло в умы, все это повсеместно можно услышать.

Славную книгу мог бы сейчас написать о Франции кто-нибудь из русских, в отместку за книгу о России маркиза де Кюстина: стоило бы только перечислить все обвинения, которыми осыпают друг друга различные партии; стоило бы только воспроизвести все то, что высказывается в печати о непорядках, безнравственности, корыстолюбии, недобросовестности и даже

ЛУИ-ФИЛИПП

Миниатюра Максима Давида, 1840-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

бесчеловечности французов! И действительно, никогда, быть может, не совершалось столько преступлений, сколько их совершается с некоторых пор в городе, именуемом ими столицей культурного мира, да и вообще по всей Франции, впавшей в ту глубочайшую развращенность, которая ежедневно сказывается в ужасающих, приводящих в содрогание преступлениях...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. Е, лл. 132 об.—135].

Появившаяся в 1843 г. в Париже четырехтомная книга маркиза Кюстина о его путешествии по России, совершенном в 1839 г., произвела в Петербурге и Москве впечатление разорвавшейся бомбы. Аристократ, консерватор, легитимист, маркиз поехал, по собственным словам, искать в России аргументов против конституционных порядков, а вернулся решительным врагом абсолютизма. Книга Кюстина, которого Николай

в свое время пытался очаровать любезнейшим приемом при дворе, читалась с жадностью во всей Европе, газеты не переставали писать о ней, делать выдержки, ученые ссылались на нее. Безобразия николаевского режима не были в этой книге обнажены сколько-нибудь полно и решительно. Но и того, что сказал Кюстин, было более чем достаточно. Колоссальный успех обличительной книги Кюстина «La Russie en 1839» вызвал, с грустью отмечает Яков Толстой, нескольких продолжателей.

Не ускользнуло от внимания Якова Толстого и такое значительное явление в истории европейской политической мысли, как знаменитый журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher», начавший выходить в Париже под редакцией молодого Маркса и Арнольда Руге. Толстой (называющий Карла Маркса «профессором») находит этот журнал настолько любопытным, что даже посылает книжку Бенкендорфу. Яков Толстой утверждает, что по жалобе графа Арнима, прусского посланника, Гизо призвал к себе (чего в действительности не было) Карла Маркса и Руге и угрожал не только выслать их из Франции, но и выдать Пруссии.

Продолжение донесения № 58 от 4/16 марта 1844 г.:

... Успех книги Кюстина, 30 000 экземпляров которой разошлись в одной Бельгии, пробудил пыл и корысть у некоторых других памфлетистов. Некий Витте чуть ли не ежедневно угрожает нам в газетах тем, что в близком будущем появится направленное против России сочинение под заглавием: «Пять лет пребывания в России, с 1838 по 1843 годы».

Об этом произведении печатались несколько раз сообщения в «Journal des Débats» в сопровождении таких пояснений: «Разоблачение вопиющих несправедливостей, незаконных и произвольных арестов. Предостережение для всех, кто вознамерился бы направиться в Россию с промышленной целью или чтобы предложить плоды своей научной работы».

Автор этого памфлета, надо полагать, не более, как потерпевший неудачу авантюрист, и в таком случае и книжонку его постигнет участь всех подобного рода произведений, которые сами себя убивают своими преувеличениями.

Только что появилась еще книга, о которой оповещали с не меньшим шумом. Заглавие ее: «Россия, Германия и Франция. Разоблачение русской политики», соч. Марка Фурнье. Несколько отрывков из этого произведения уже было напечатано в мелких театральных газетах; неправильные положения изложены в ней с таким явным недоброжелательством и так глупо, что, надо думать, большого успеха и эта брошюра иметь не будет. Как меня уверяли, автором этого памфлета является в действительности поляк, граф Яблоновский, Фурнье же—только подставное лицо. Верить этому побуждают многие места в книге, в которых речь заходит о Польше: по ним легко заподозрить в авторе именно поляка. Так, упоминая о князе Льве Радзивилле, он отмечает, что тот из Клецкого ордината*, определение которого ни одному французу даже не понять; орфография имен собственных—польская: он пишет Galiczin вместо Galitzin. Все убеждены, что книжка исходит из кухни Чарторыйского, без которого, очевидно, дело тут не обошлось⁸⁴.

Имею честь препроводить при сем эту книгу вашему сиятельству.

* Польский термин *ordynat* означает майоратные владения.—Ред.

Несколько немецких писателей, высланных за революционные убеждения из Германии и нашедших себе убежище в Париже, основали здесь журнал: «Deutsch-Französische Jahrbücher» под редакцией профессоров Руге и Маркса. Предприняли они это издание для того, чтобы, пользуясь существующей во Франции свободой печати, распространять в Германии свои разрушительные теории, а также, чтобы, наводняя Германию издаваемым ими журналом, выместить свою личную злобу на нее. Два недавно вышедших номера заполнены гнусными подстрекательствами и опорочением всего, что достойно самого высокого уважения: ничему нет пощады, нет для этих людей ничего святого! Возмутительные по своему содержанию статьи направлены против королей Пруссии и Баварии. Прусский посланник, граф фон Арним, вполне основательно возмущенный появлением такого журнала, обратился к французскому правительству с просьбой принять меры воздействия против авторов этих гнусных разглагольствований. По его настоянию, г. Гизо, вызвав к себе обоих редакторов журнала, пригрозил, что прикажет препроводить их по этапу на границу Пруссии, а там передать их в распоряжение прусских жандармов,—закон предоставляет правительству право принимать подобные меры по отношению к эмигрантам. Примененное г. Гизо средство вполне достигло цели—издание прекратилось, но первые два номера в тот же день были увезены из типографии, их продавали затем по очень высокой цене, и значительная часть экземпляров проникла в Германию. Мне удалось достать один экземпляр, и ввиду того, что в нем много любопытного, я позволю себе препроводить его вашему сиятельству...⁸⁵.

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. Е, лл. 136—138].

В 1844 г. Бенкендорф умер, и шефом жандармов, а потому и начальством Якова Толстого стал граф А. Ф. Орлов.

В первом же донесении Орлову (от 19 ноября 1844 г.) Яков Толстой дает общую характеристику французской прессы и останавливается особенно на нескольких более влиятельных органах. В этом своем отчете Яков Толстой констатирует, между прочим, некоторое охлаждение в сношениях с подкупаемыми им редакторами. Причин он усматривает две: 1) католики не могут простить преследований их религии в Польше; 2) и католики и левые недовольны тем, что слишком мало получают от царского правительства, а, между тем, по судебным приговорам им приходится платить большие штрафы, и вообще они поиздержались. Это был, конечно, деликатный намек Якова Толстого новому начальнику, чтобы он был пощеднее Бенкендорфа.

№ 1

Париж, 7/19 ноября 1844 г.

... «Le Journal des Débats» попрежнему остается газетой, которая даже в новых условиях пользуется наибольшим влиянием и стоит во главе газетного легиона: ей отдают предпочтение перед другими газетами, и, хотя цифра ее подписчиков ниже «Siècle»⁸⁶ и «La Presse», во всех читальнях ее читают охотнее, по сравнению с двумя предыдущими газетами. Более низкое сравнительно число подписчиков объясняется разницей в цене: «Le Journal des Débats» стоит 80 франков в год, а те обе газеты по 48 франков, поэтому подписчиков последних насчитывается (в особенности у «Siècle») свыше 25 000, тогда как у «Journal des Débats» их только 10 000. Убеждения этой последней не пользуются особой популярностью, но зато

газета представляет для читателей массу преимуществ, из-за которых ее и предпочитают другим. Во-первых, всем хочется знать точку зрения правительства по тем или другим вопросам. Затем обеспеченное финансовое положение газеты дает ей возможность иметь на всех пунктах земного шара деятельных и толковых корреспондентов и сообщать из первых рук и скорее других всякие заграничные новости. Оказываемая ей правительством поддержка дает ей также преимущество, по сравнению с другими газетами, при опубликовании важных известий, передаваемых по телеграфу. Благополучие этой газеты объясняется не только высокой подписной платой и крупным числом подписчиков—оно проистекает также от того почти непрерывного успеха, который позволил газете с самого ее начала укрепиться на прочном основании; к этому надо добавить еще и правительственную субсидию в размере 12 000 франков в месяц. Прекрасное редактирование и внешний вид—формат и печать—все это, повторяю, заставляет отдавать ей предпочтение перед другими ее собратьями.

«Le Siècle», насчитывающий наибольшее количество подписчиков, редактируется довольно посредственно. Скромная подписная плата, доставляющая газете многочисленных читателей, но в то же время заставляющая соответственно увеличивать тираж, не дает достаточно денежных средств.

«La Presse» находится в таком же положении, но имеет то преимущество перед «Le Siècle», что редактируется много лучше. Люди большого таланта, ума и большого умения удерживают для нее первое место⁸⁷. Кроме того, она субсидируется графом Моле. Главный ее редактор, Эмиль де Жирарден, все время проповедует союз с Россией и постоянно нападает на Англию.

Что же касается легитимистских газет, то они перебиваются со дня на день, их поддерживает, хотя и слабо, большинство высшего общества, и они едва двигаются по узкой стезе журналистики. Если бы они не опирались время от времени на республиканскую партию, которая, разделяя с ними ненависть к существующей власти, не пренебрегает выступать против нее в союзе с публицистами старого режима, эти газеты неминуемо погибли бы. Сверх того их настойчивость начинает ослабевать от усталости все время сражаться по пустому. С некоторого времени мои сношения с этими листками менее деятельны, чем раньше. Объясняется это разными причинами, из которых главная—в их уверенности, что русское правительство угнетает католическую церковь. Фанатически относящиеся к своей вере и слепо преданные папе, они приносят все в жертву этому чувству. Вторая причина состоит в том, что они, как неоднократно высказывалось ими при сношениях со мной, желали бы получать субсидии. Наложение на них постоянных штрафов и охлаждение некоторых богатых сторонников старой династии привели их денежные средства к оскудению, и они неоднократно обращались ко мне с просьбами о деньгах, которые я не мог удовлетворить. К счастью, за последнее время нападки дурной прессы на Россию несколько ослабели, что избавляет меня от необходимости прибегать к опровержениям...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. F, лл. 4—6 об.].

Это донесение Якова Толстого было представлено графом Орловым царю, и вот как реагировал Николай I. Мы узнаем об этом из сделанной рукою Дубельта приписки на полях донесения: «Этот рапорт граф Орлов представлял государю императору при своей собственноручной выписке, на которой его величество изволили написать: „За ними присматривать,

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ „НЕМЕЦКО-
 ФРАНЦУЗСКОГО ЕЖЕГОДНИКА“,
 ВЫПУЩЕННОГО К. МАРКСОМ И А. РУГЕ
 В ПАРИЖЕ, 1844 г.

Книга была прислана Я. Н. Толстым
 в III отделение при донесении
 от 4/16 марта 1844 г.

DEUTSCH-FRANZOSISCHE

JAHRBÜCHER

herausgegeben

VON

Arnold Ruge und Karl Marx.

1ste und 2te Lieferung.

PARIS,

IM BUREAU DER JAHRBÜCHER.
 AU BUREAU DES ANNALES.

RUE VANNEAU, 22.

1844

но не давать им важности в собственных глазах“. 24 ноября 1844 г.». Другими словами, Николай не считал нужным проявлять особую щедрость.

№ 6

Париж, 17 февраля 1846 г.
 1 марта

... Рассказ о приключениях Макрены Мечиславской, называющей себя аббатиссой базилианского монастыря в Минске, произвел здесь неблагоприятное впечатление.

Большинство газет воспроизвело на своих страницах жалобы этой авантюристки с добавлением ругательств и оскорблений по поводу русского тиранства, не замечая, что этот раздутый и нелепый рассказ весь проникнут таким глупым преувеличением и носит на себе отпечаток такого тупого фанатизма, что, при наличии малейшего здравого смысла, легко было убедиться, что он не что иное, как апокриф, и должен рассматриваться не иначе, как гнусная интрига, задуманная партией непримиримых врагов России. Все это было собрано в брошюре, изданной тремя польскими священниками⁸⁸, на первом месте среди которых стоит аббат Рылло, человек с опороченной репутацией, известный своими авантюрами. Об этом говорилось в проповедях, произнесенных во всех церквях Франции, служились искупительные мессы, и в конце концов люди были до такой степени возбуждены, что со всех сторон только и слышались проклятия русским и России. Ни одна газета не пожелала на своих страницах поместить самое маленькое опровержение этого вероломного и лживого рассказа. К несчастью, редакторы газет, с которыми я связан, имеют тот недостаток, что отличаются крайним фанатизмом, и, руководствуясь им в своих поступках, они отклоняли все мои возражения. Г-н Лоранти, глав-

ный редактор газеты «La Quotidienne», лично относящийся ко мне с большим расположением и в то же время искренне преданный России, оказался в данном случае возбужденным и раздраженным, как и все другие. Несмотря на это, я вручил ему записку, в которой поместил опровержение гнусных фактов, содержащихся в рассказе польской авантюристки. В то же время г. Гоголь, русский писатель, в письме, присланном из Рима, сообщил нам, что Макрена Мечиславская, допрошенная в комиссии прелатом, отказалась там от своих прежних чудовищных показаний⁸⁹. В записке, переданной мной г. Лоранти, я упоминал об этом письме, но редакция «Quotidienne» в целом не согласилась напечатать ее, и все, чего г. Лоранти смог добиться, это помещения лишь нескольких строк, которые я при сем прилагаю. Эта записка, в которой только отрицается факт, произвела, однако, превосходное впечатление, но дала повод к резко враждебному выступлению газеты «L'Univers»⁹⁰; вырезку из последней я также позволяю себе представить вашему сиятельству.

«La France», газета, на преданность которой я неоднократно указывал, в с. воздерживалась, из уважения к России, от опубликования памфлета Макрены Мечиславской, и, несмотря на свои ультракатолические взгляды и на нападки, которые за это молчание ей пришлось претерпеть от «L'Univers» и других газет, она так-таки ничего не опубликовала по этому делу. «La Presse», по тем же мотивам, проявила сдержанность и не напечатала ни слова об этом происшествии. Мне очень хотелось дать более широкую гласность моей записке, и в этих целях я обратился к графу Сиркуру⁹¹, женатому на русской и совсем недавно бывшему в России. Этот писатель, проявляющий большую преданность России, сотрудничает в газете «Le Semeur»⁹², основанной протестантами в целях борьбы с религиозной нетерпимостью. Моя записка, несколько измененная по существу и весьма сильно переделанная по форме, послужила, тем не менее, основанием для аргументации статьи, появившейся в «Le Semeur». В своей статье эта газета, осуждая—чему мне не удалось помешать—нетерпимость русского правительства, самым решительным образом отвергает гнусные клеветы, собранные в показании Макрены Мечиславской. К настоящему донесению я прилагаю, равным образом, и номер газеты «Le Semeur». Эта статья появилась в выпуске от 4 февраля и, так как я знал, что на следующий день, 5 февраля, г. Лэрбет⁹³, депутат-радикал, должен был выступить в палате по внесенной поправке, касавшейся польской национальности, с резкой речью о преследованиях, которым, будто бы, подвергались базилианские монахини, я поспешил доставить ему со всевозможной осторожностью, чтобы не возбудить ни малейшего подозрения по поводу источника статьи, номер «Le Semeur», вместе с анонимной запиской, дополняющей и подкрепляющей аргументы газеты. Этот шаг привел к желаемым результатам. Присутствуя на заседании палаты депутатов, я сам слышал, как г. Лэрбет заявил, что, несмотря на всю ненависть, питаемую им к угнетателям Польши, и на любовь свою к этой последней, он не может, однако, дать веры тем ужасам, которые описаны в памфлете о. Рылло...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. G, лл. 2—5].

Якова Толстого во Франции принимали за атташе русского посольства (чем он стал лишь после 1848 г.), и в качестве такого он был удостоен в 1846 г. беседы с Тьером, который, приближаясь в своей «Истории консульства и империи» к изложению событий 1812 г., намерен был съез-

дить в Россию и лично осмотреть поля сражений Наполеона в России. Попутно Тьер делает комплименты Николаю I, прочитавшему его работу, и жалуется, что Луи-Филипп не удосужился даже взглянуть на нее.

Продолжение донесения № 6 от 17 февраля (1 марта) 1846 г.:

... Считаю долгом своим дать в. с. отчет о разговоре, который вел при мне г. Тьер. Я встретился с ним с неделю назад на одном вечере. Он начал с того, что отозвался с похвалой о его величестве государе императоре— «этом необыкновенном человеке», как он сказал. «России нужен государь такой именно складки». Затем он добавил: «Я узнал от одного из своих друзей, что император соблаговолил прочесть мою «Историю консульства и империи», что он прочел ее со вниманием и судил о ней, как человек, разбирающийся в исторических трудах. Между тем, мой король не удостоил меня даже чести бросить взгляд на мою книгу. Для продолжения своей «Истории» я намечаю съездить в Россию с целью посетить все поля сражений 1812 г.,—это предположение я думаю осуществить летом будущего года».

Потом, заметив меня, он обратился ко мне со следующими словами: «Вы, как дипломат (они здесь все считают меня за атташе посольства), скажите мне откровенно, примут ли меня хорошо на вашей родине?» Я ответил ему, что Россия—страна гостеприимная, что там хорошо принимают всех и даже людей, которые этого не заслуживают, а что столь заслуженный человек, как он, может быть уверен в превосходном приеме. После этого он продолжал: «Я буду справедлив по отношению к России: при чтении реляций кампании 1807 г. нельзя не удивляться героизму русских войск, в особенности хороша русская пехота, занимающая первое место в Европе,—она проявила чудеса храбрости в этой кампании, в частности, в битве при Эйлау».

Теперь я позволю себе просить в. с. не отказать осведомить меня, будет ли, если г. Тьер предпримет эту поездку, ему оказан хороший прием, для того, чтобы я мог, устранив всякую официальность, сообщить ему окольным путем, что ему делать: воздержаться ли от поездки или же осуществить свое предположение?...⁹⁴.

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. G, лл. 14 об.—16].

Следует заметить, что, очевидно, применяясь к вкусам и наклонностям своего нового начальства Яков Толстой пишет графу Орлову несколько в ином стиле, чем писал Бенкендорфу: много шуточек, прибауточек, светских сплетен, просто сплетен. Пишет об эмигранте Головине, о полу-эмигранте Стремоухове (в 1846 г.), но все это тоже сбивается на совсем не интересные пустячки. Пишет помногу о заседаниях палаты, пишет не только о французских, но и об английских и испанских делах, но все это берет преимущественно из газет, и ничего нового и интересного в этой части его донесений найти нельзя.

В марте 1847 г. он принимается даже за составление «Парижской хроники», адресуя ее Сагтынскому, от которого она попадала к шефу жандармов и далее к царю. В веселом, гривуазном стиле Толстой болтает о легитимистах, о стихках против Луи-Филиппа в салонах Сен-Жерменского предместья и т. п. пустяках, непосредственно слышанных и виденных и которых, по его словам, не сыщешь ни в одной газете. Орлову нравились эти писания. Направляя одну из «хроник» царю, он написал: «Есть много любопытного», но царь приписал: «Еще больше чепухи». На этом, если не самое существование, то присылка «Парижской хроники» в III отделение прекратилась.

Любопытно, что пишет Толстой в этой «Парижской хронике» о нашумевшем процессе Александра Дюма (отца) с газетами «*Presse*» и «*Constitutionnel*», вскрывшем, как фабриковались Дюма его романы.

Париж, 6/18 марта 1847 г.

... Процесс г. Александра Дюма, сына негра, именующего себя маркизом де ла Пайлетри, или, как его называют мелкие газеты, маркиза де ла Пайяссри *, вскрывает печальные подробности того, как в наши дни делается литература—это просто-напросто торговля⁹⁵. Стихи, строфы, полустушища продают, как пирожки. Издатели газет заказывали ему столько-то томов, столько-то страниц, столько-то строк из расчета за строчку. «Я поставил,—сказал он,—175 000 строк и условился поставить еще 125 000». Этот маркиз Паяц в защитительной речи, с которой он сам выступил, выказал себя смешным, дерзким, грубым и похожим на шута. Он оскорбил депутатов, Академию, бросил тень на министров и на герцога Монпансье, и все это безнаказанно, так как здесь берегут плодovitых писателей, пользующихся известностью и отличающихся смелостью—таких, которых Бальзак называл маршалами литературы. Правда, несколько депутатов протестовали, но это скорее против данного ему поручения и против того, что правительство предоставило в его распоряжение судно. На другой день после заседания палаты, на котором шли разговоры по этому делу, г. А. Дюма послал вызов на дуэль г. де Мальвилю, депутату, выступавшему против него. Вот своеобразный обмен писем, произошедший по этому поводу,—заимствую это из английской газеты, так как французские воздержались от публикации.

Письмо г. Ал. Дюма к г. де Мальвилю:

«Милостивый государь! Вы оскорбили меня на-днях в палате депутатов. Свободный теперь от каких-либо служебных обязательств, направляю вам своего друга Вьенне, пэра Франции, президента Общества писателей, чтобы сговориться с вами о дне, часе и месте, которые покажутся вам наиболее удобными для того, чтобы мы встретились, дабы перерезать друг другу горло».

Подписано: «Александр Дюма, маркиз де ла Пайлетри».

На это странное послание г. де Мальвиль ответил следующей шуткою:

«Милостивый государь, благодарю вас за доставленное мне удовольствие повидать очаровательного и милейшего г. Вьенне. Что же касается вашего любезного предложения перерезать мне горло, то я, к моему большому прискорбию, вынужден от него отказаться, так как не имею чести быть дворянином».

Подписано: «Маркиз де Мальвиль».

Этот блестящий писатель сделался известным, благодаря изумительному количеству опубликованных им томов, а также оригинальности своего поведения. Между тем, вникая в его сущность, изучая его поступки и разбираясь в его творениях, убеждаешься, что он поднялся на такую высоту при помощи ловкости, умения и красноречия, а не в силу настоящего дарования и таланта. К тому же всем известно, что он завел фабрику романов и драм: двенадцать молодых людей работают днем и ночью в его

* От слова *paillasse*—паяц.—*Ред.*

№ 1. Paris, le 7/19 Novembre, 1844. 2. 1

Донесение Я. Н. Толстого Императору, при котором сданы все материалы, касающиеся революции, Москва, на 10 марта; Его Величеству изложена картина:

„Записка, представляющая, на мое давание, мою важность в отношении к революции.“
24 нояб. 1844.

Monsieur le Comte,

P. N. D'Orloff

3

La maladie, le départ et le décès de M.
le Comte de Bentkendorff, ayant virtuelle-
ment suspendu la correspondance politique
que j'entretenais avec l'illustre défunt, je
profite de la permission que Votre Excellence
a daigné m'accorder pour la reprendre
et Vous soumettre, Monsieur le Comte,
les observations que je serais à même de
faire sur le mouvement de la presse, l'in-
fluence qu'elle exerce sur l'esprit public
et les résultats que cette influence fait naître
dans les divers partis qui divisent la
France. J'aurais également l'honneur de Vous
exposer tout ce qui me semblera digne de l'atten-
tion de Votre Excellence, Monsieur le Comte D'Orloff.

ДОНЕСЕНИЕ Я. Н. ТОЛСТОГО ОТ 7/19 НОЯБРЯ 1844 г.

Первая страница

Сверху, записанная Дубельтом, резолюция Николая I, касающаяся французской печати

Архив революции, Москва

писательской мастерской, а г. Дюма, выправив стиль и внеся несколько изменений в эти коллективные измышления, печатает это, как плод своего творчества, как произведение своего обширного ума. Он только что выстроил театр, который обошелся, вероятно, чрезвычайно дорого и строился по совершенно особому плану. По этому плану его театр должен быть обширнее и удобнее, чем все театры прежние, настоящие и будущие, — одним словом, чем-то сказочным. Сперва его предполагали назвать Театром Монпансье, так как он строился под покровительством герцога Монпансье⁹⁶. Но король не позволил этого, узнав, что дела Ал. Дюма находятся в печальном состоянии, и считая, что Дюма при таких условиях не преминет обратиться к кассе герцога, как покровителя этого учреждения, что совсем не по вкусу Луи-Филиппу. Тогда решили назвать его Историческим театром, что достаточно нелепо, так как никто так не уродует, не искажает и не насилует исторической правды, как Александр Дюма, пьесы которого должны монопольно ставиться в этом театре; в пьесах же этих исторического только одно название. К тому же, он сам высказал в своем предисловии к «Catherine Howard», что «пользуется историей, как гвоздем, на который вешает свою картину»...

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, лит. Н, лл. 100—102].

Грянула гроза 1848 г. Нам не приходится касаться донесений Якова Толстого за бурный революционный год, потому что они уже напечатаны в вышеназванном издании Центрархива. Остановимся лишь на двух документах, не попавших в это издание: одном — от 12/24 марта 1848 г., адресованном Дубельту, и другом — от 23 марта (4 апреля) 1848 г., адресованном Сагтынскому.

Якову Толстому представляется, что произошло светопредставление. Префект полиции Коссидьер похож больше на разбойника, чем на сановника, «чернь» владеет и пр. А тут еще известия о революциях в Вене, Берлине, о трехстах поляках, едущих мутить Польшу, и др.

[Париж], 12/24 марта 1848 г.

...Мы здесь попрежнему находимся под тяжелым впечатлением политического катаклизма, который поглотил правительство и династию. Мы живем под властью террора, которым теперь исключительно определяется бытие Парижа — огромного города, не имеющего уже месяц ни правительства, ни полиции. Безопасность граждан зависит всецело от усмотрения черни, которую каждая искра может снова воспламенить. Наше положение можно сравнить с положением укротителей диких зверей, которые на представлении в зверинце вкладывают голову в пасть льва или тигра. Дикий по природе, но до известной степени прирученный зверь не трогает головы укротителя, но, если бы ему пришла подобная фантазия, он легко мог бы искрошить ее своими страшными зубами, — кто мог бы этому помешать? Правительство, само себя поставившее, не пользуется никаким уважением и не имеет, в действительности, никакой власти, так как никто не обязан ему повиноваться, а если это делают, то только по своей доброй воле. К тому же, они все в раздорах между собой. Префект полиции, г р а ж д а н и н Коссидьер⁹⁷, бывший предводитель лионского восстания, пользуется самой отвратительной репутацией. Своею внешностью и по своим чувствам он напоминает более предводителя разбойничьей шайки, чем должностное лицо. Он не подчиняется никому, обращается с министром

внутренних дел и всеми членами правительства, как с равными себе, и окружил себя толпой разбойников, которые служат ему преторианскою гвардией и набраны из самых гнусных подонков черни, «la goître», как называют их мальчишки.

А пока что казна пуста, лавки, магазины и другие учреждения закрываются и исчезают. Все иностранцы и люди состоятельные бегут, и Парижу неминуемо угрожает полное разорение. Человек, побывавший здесь в начале февраля и приехавший теперь снова, совсем не узнал бы несчастной столицы—она обезображена, опустошена, опозорена, и ее вид внушает жалость. У всех состоятельных людей и буржуа, встречающихся на улицах,—мрачные лица, недоверчивый взгляд, в котором отражаются беспокойство и страх. Только подонки народа предаются радости, на улицах постоянно видны многочисленные толпы, и ночью они разгуливают при свете факелов, кричат, воют, поют, предаются адским танцам или пляске смерти. Такие ночные прогулки производят тягостное впечатление, а в Сен-Жерменском предместье, где живет прежняя знать, они вселяют ужас. Прошлою ночью толпа угрожала поджечь особняки богатых аристократов, вынудивших, как она утверждала, все свои деньги из банков и спрятавших их в своих подвалах. К счастью, подоспел сильный патруль Национальной гвардии; офицер, им командовавший, обратился сперва с убеждениями к толпе, а потом разогнал этих неистовых людей. Теперь полночь, и я слышу, как по моей улице⁹⁸ проходит шумная толпа с факелами в руках и с пением «Марсельезы».

Итак, мы живем на краю пропасти. Известия из Берлина и из Вены произвели зловещее впечатление,—мудрые и честные люди потеряли надежду на возможность быстрой реакции. Примите уверения и т. д.

Я. Толстой

Р. S. В последнюю минуту я узнал, что 300 человек из числа самых решительных польских legionеров отправляются сегодня на границу Польши, чтобы вызвать там смуту.

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, ч. 4, лл. 166—168].

Письмо к Сагтынскому от 23 марта (4 апреля) не менее мрачно, чем донесение Дубельту.

Париж, ^{23 марта}_{4 апреля} 1848 г.

Дорогой и бесценный друг,

Очень благодарен вам, что вы не забыли меня среди ужасной бури, потрясающей мир. Ваше сердечное письмо от 4/16 марта⁹⁹ поддержало мою бодрость в тяжелых обстоятельствах, в которых я нахожусь. Положение мое становилось невыносимым. Теперь, когда оно урегулировано, мои опасения улеглись. Г-н Киселев поставил меня в известность о принятом по поводу меня решении, и, хотя он не считает его еще окончательным, так как оно было сообщено ему раньше событий в Пруссии и в Австрии, которые переменили облик Европы, я, тем не менее, могу быть уверенным, что мои труды ценятся и сам я не покинут. Как бы то ни было, я не скрываю от себя трудностей своего положения, которое разделяет со мной несколько русских, задержавшихся в Париже по служебным обязанностям или вследствие каких-либо препятствий, помешавших им

выехать. До сих пор мы претерпевали такие же тревоги, как вообще все иностранцы здесь, но польские события неизбежно сделают теперь наше пребывание в Париже опасным, как никогда. Во всяком случае, наше правительство может положиться на мое знакомство с местными условиями, на мою уже не раз испытанную осмотрительность, на мое усердие и мужество. Положение в Париже далеко не меняется к лучшему, успокоение не наступает, и, повидимому, с каждым днем состояние все более и более ухудшается. Вот уже шесть недель, что мы без правительства, без полиции и отданы всецело во власть подонков народа, которые могут, если им заблагорассудится, безнаказанно нас грабить, громить, поджигать, избивать. Это, наверное, и случится в один прекрасный день, если наступившие бедствия будут и дальше идти тем же губительным путем. Некоторые надеются, что Учредительное собрание вернет Франции ее нормальное состояние, но я не разделяю такого мнения. Прежде всего, собрание, поскольку оно—плод всеобщего голосования, будет, естественно, весьма разнородным и будет состоять из молодых людей неопытных, беспокойных и не имеющих никакого понятия о законодательной работе. Затем, может ли успешно работать собрание, находясь под надзором 100 демократических клубов? Ясно, что эти демагогические притоны будут стеснять его деятельность. История, к тому же, нам свидетельствует, что даже Конвент пал под давлением клубов. Короче говоря, Франция висит над пропастью! Я испытываю большие затруднения при отправке своих донесений; я не смею доверить их почте, и, когда есть что-либо спешное, мне приходится с надежным человеком посылать их в Брюссель. Каждая его поездка обходится мне в 60 франков. Считаете ли вы удобным, чтобы я обратился за разрешением пользоваться этим способом, по крайней мере, раз в неделю, чтобы не было перерыва в моих донесениях как раз в такое время, когда всякая мелочь может иметь значение? На всю жизнь, по гроб ваш самый преданный друг

Я. Толстой

[Дело III Отд. 1 эксп., № 191, ч. 4, лл. 155—156 об.].

Яков Толстой пересидел грозу 1848 г. и остался в Париже. В 1849 г. он продолжает писать Орлову, но в этих донесениях нет почти ничего такого, что тот не мог бы вычитать из иностранных газет (об итальянских делах, о внутренней и внешней французской политике, о позиции Англии и т. д., см., например, донесения от 9/21 марта 1849 г. и 6/18 апреля 1849 г.). А если он отклоняется в сторону передачи доверительно полученных сведений, то это, по большей части, ничего не дающие великосветские сплетни о президенте Луи-Наполеоне Бонапарте, о его дамах и романах, о его холодности к своим родственникам, о его, якобы, непрочном положении. Яков Толстой не разгадал будущего императора и тоже содействовал своими донесениями формированию в уме Николая I совершенно превратного представления о силе и значении Луи-Наполеона. В донесении от 8 ноября 1849 г. Яков Толстой глубокомысленно замечает, что «государственный переворот теперь невозможен вследствие дурного настроения в армии, а тем не менее, это единственный путь спасения». Он пресерьезно на нескольких страницах передает глупейшие слухи о том, что президент республики собирается бежать, тайно уехать в Америку и т. п. Любопытно, что Яков Толстой ничего не говорит о Герцене (по крайней мере, в дошедших до нас донесениях)¹⁰⁰, хотя несколько раз пи-

шет о ничтожном Иване Головине, ни о высылке из Франции Сазонова, ни о закрытии газеты Прудона, которую финансировал и в которой писал Герцен; а о Ксаверии Браницком и его субсидии этой газете Толстой говорит, и о Сазонове, как сотруднике газеты «La Réforme», тоже поминает в донесении от 18 января 1850 г.

Уже с марта 1850 г. в донесениях Якова Толстого проскальзывают строки об усилении руссофобии в Англии, об английских намерениях «уничтожить русский флот и сжечь Севастополь» (донесение от 27 марта 1850 г.). Но эти зловещие предостережения тонут в ненужной трухе сплетен и общеизвестных газетных банальностей о

146 LIVRE XXIII
 que les Russes n'avaient pas l'intention de tenir à Saint-Polten. En effet, ils venaient de prendre une résolution importante. Après avoir ralenti la marche des Français, soit en coupant les ponts, soit en livrant des combats d'arrière-garde, et avoir ainsi donné à l'empereur d'Autriche le temps d'emporter ce qu'il voulait retirer de Vienne, les Russes crurent en avoir fait assez, et songèrent à leur propre sûreté. Ils repassèrent le Danube à Krems, à l'endroit où ce fleuve, terminant ses eaux au nord, reprend sa direction à l'est. (Voir la carte n° 32). Il y avait à Krems un vaste pont, qu'ils se décidèrent à détruire, afin de mettre entre eux et les Français la puissante barrière du Danube. Ils opérèrent leur passage dans la journée du 9, laissant dans tout l'archiduché d'Autriche d'horribles traces de leur présence. Ils pillèrent, ravagèrent, tuaient même, se conduisant enfin en vrais barbares, à tel point que les Français étaient presque considérés comme des libérateurs par les gens du pays. Leur conduite surtout envers les troupes autrichiennes n'était rien moins qu'amicale. Ils les traitaient avec une extrême arrogance, affectant de leur imputer les revers de cette campagne. Le langage des officiers et des généraux russes était à cet égard d'une hauteur blessante, et nullement méritée, car si les Autrichiens montraient moins d'opiniâtreté que les fantaisies russes, ils leur étaient supérieurs sous tous les autres rapports.

Les Autrichiens, vivant fort mal avec les Russes, s'en séparèrent, et M. de Meerfeld, avec son corps,

AUSTRIE. 528
 se retira par la route de Sleyer sur Lésben. Il marcha suivi par le général Marmont sur la route de Waidhofen à Leoben, et par le maréchal Davout sur celle de Saint-Gaming à Lilienfeld. Le chemin direct de Vienne se trouvait donc ouvert aux Français, et ils n'avaient que deux marches à faire pour se trouver aux portes de cette capitale, sans avoir devant eux aucun ennemi qui pût leur en disputer l'entrée.

La tentation devait être grande pour Murat. Il était difficile qu'il résistât au désir de se jeter en avant, et d'aller montrer à la capitale de l'Autriche sa personne, toujours la plus apparente dans les revues comme dans les dangers. Jamais une armée venue de l'occident n'avait pénétré dans cette métropole de l'empire germanique. Moreau en 1800, le général Bonaparte en 1797, avaient signé des armistices au moment d'y arriver. Les Turcs seuls étaient parvenus au pied de ses murs sans les franchir. Murat ne résista pas à cette tentation, et le 10 et le 11 marcha sur Vienne, en pressant le maréchal Solt et Lannes de le suivre. Toutefois il se garda d'y entrer, et s'arrêta à Burkersdorf, dans le délicat montagneux du Kahlenberg, à deux lieues de Vienne.

C'était une précipitation inutile, et même dangereuse. Un changement aussi imprévu que celui qui venait de se révéler dans la marche de l'ennemi, valait la peine qu'on s'arrêtât pour attendre les ordres de l'empereur. D'ailleurs on avançait trop le corps du maréchal Mortier, ainsi que la flottille destinée à tenir ce corps en communication avec l'armée, et on

ЛИСТЫ ВЕРСТКИ КНИГИ ТЬЕРА «LE CONSULAT ET L'EMPIRE», ПРИСЛАННЫЕ Я. Н. ТОЛСТЫМ 1/13 ДЕКАБРЯ 1846 г. В III ОТДЕЛЕНИЕ

Подчеркнут отзыв Тьера о поведении русской армии в Австрии в 1805 г.

Архив революции, Москва

внутренней политике Франции и об интригах вокруг президента Луи-Наполеона. И попрежнему, даже в октябре 1850 г., власть Луи-Наполеона кажется Якову Толстому «эфемерной» (донесение от 9 октября 1850 г.).

Мудрено ли, что внезапный государственный переворот 2 декабря 1851 г., сделавший Луи-Наполеона самодержцем, явился для русского соглядата совершеннейшей неожиданностью. До нас дошло его донесение, написанное в самый день 2 декабря и, вероятно, из осторожности посланное на домашний адрес Сагтынского. Он тут повторяет пущенную бонапартистами утку о том, что, будто, генерал Шангарнье собирался арестовать самого президента и что только государственный переворот, учиненный президентом, помешал этому намерению. Показание очевидца в первые же часы после переворота, конечно, имеет особый интерес.

Как я уже отмечал в своем последнем донесении¹⁰¹, разыгрывающаяся здесь в течение нескольких месяцев драма приближается к своей развязке. Немыслимо было долее терпеть оппозицию, которую Национальное собрание оказывало Луи-Наполеону. Последним были уже предприняты некоторые подготовительные шаги к государственному перевороту. Однако, потому ли, что не все еще было готово, или из желания внушить своим врагам, что ему нехватает решимости на дело, серьезность которого пугает его самого, и этим путем успокоить умы противников Елисейского дворца,—но Бонапарт уверял всех, что он никогда не выйдет из рамок законности. Несмотря на это, беспокойство было очень велико. Вчера вечером, в понедельник 1 декабря, возвращаясь домой, я проходил мимо Елисейского дворца, где был большой прием. Когда я остановился, чтобы посмотреть на выходящий народ, ко мне подошел человек, постоянно поставляющий мне сведения. Запыхавшийся и сильно взволнованный, он отвел меня в сторону и, как всегда, лаконичный, торопливо шепнул мне на ухо: «Завтра будет жаркий день, Собранию крышка, до свиданья в Тюильри». Я вернулся домой очень взволнованный, а сегодня утром в 8 часов я узнал, что готовился заговор, что генерал Шангарнье должен был арестовать президента и отвезти его в Венсенский замок, но что во-время предупрежденный Луи-Наполеон приказал арестовать генерала, равно как и 15 его сообщников, в числе которых называют генералов Кавеньяка, Ламорисьера, г. Тьера и пр. и пр.¹⁰² Председатель Дюпен¹⁰³—под домашним арестом. Появились два обращения президента: одно к народу, другое к армии. Очень трудно достать экземпляры этих обращений. Париж объявлен на осадном положении. Национальное собрание распущено так же, как и Государственный совет.

Все главнейшие пункты в городе охраняются отрядами войска с заряженными ружьями. Луи-Наполеон разъезжает по городу в сопровождении своего штаба и многочисленного кавалерийского конвоя. Он направился раньше всего к Тюильри, затем к ратуше, а потом посетил и предместья. Он на коне с 8 часов утра. Опасаются, что к вечеру народ начнет собираться, но вряд ли эти сборища могут быть многочисленными и угрожающими, поскольку приняты военные меры и введено осадное положение. Пока в городе все спокойно, народ высказывает безразличие. Мне только что доставили, вместе с последними новостями, выпущенные прокламации, которые при сем прилагаю.

В начале документа пометы рукой Орлова и Дубельта:

«Вот письмо, полученное Сагтынским от Толстого; подробности, по всей вероятности, придут с курьером». «Его величество изволил читать. Ген.-лейт. Дубельт, 30 ноября 1851 г.»

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 123—125 об.].

Яков Толстой продолжал давать свои реляции день за днем, и все эти донесения от 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 10 декабря полны самого живого интереса. Это впечатления человека постороннего, но живейшим образом заинтересованного в совершающейся перед его глазами исторической драме. Эти наблюдения в общем не расходятся с теми фактами, которые могут считаться установленными историческим исследованием событий декабря—

ского переворота, а кое в чем дополняют и ярко освещают эти события такими прямо из жизни выхваченными черточками, которые могли быть подмечены лишь непосредственным наблюдателем. Это—самая исторически ценная часть донесений Толстого.

Полная и непоколебимая решимость войск парижского гарнизона, при помощи которых Луи-Наполеон произвел свой государственный переворот, отмечается прежде всего. Очень точно отмечены пункты, на которых были воздвигнуты баррикады (в рабочих кварталах) и было оказано первое сопротивление перевороту, начиная с 3 декабря. Очень интересно показание о бойне, учиненной войсками 4 декабря на бульварах и особенно при взятии большой баррикады у ворот Сен-Дени; есть, однако, и отдельные неточности (напр., сообщение о гибели на баррикаде депутата Мадье де-Монжо). Интересен текст рукописной листовки, сообщаемый Толстым и свидетельствующий о преданности республике, авангарда парижской демократии. Сочувствуя перевороту, Толстой явно стремится обелить бонапартистскую солдатчину, утверждая, будто «войска начали стрелять лишь после того, как сами подверглись огню восставших», что фактически неверно. Начиная с 6 декабря, Толстой не скрывает своей радости по поводу случившегося. В предшествующих донесениях наблюдалась некоторая растерянность, происходившая от неполной уверенности в победе Луи-Наполеона. Тут, начиная с 6 декабря, чувствуется полное успокоение. Этот тон еще более акцентируется в донесениях 7 и 8 декабря. Наконец, 10 декабря Толстой с торжеством сообщает о полнейшем порядке в Париже.

Даем в хронологическом порядке эти донесения о событиях, возбудивших, как мы знаем, нескрываемое удовольствие при петербургском дворе.

№ 91

Париж, ^{21 ноября}
3 декабря 1851 г.

Вчера еще в городе было спокойно, несмотря на отсутствие войск и полиции, ибо около 9 часов вечера воинские части получили приказ удалиться и все посты были сняты. После этого начались сборища, главным образом, на бульварах от улицы Монмартр до ворот Сен-Мартен. Однако, не произошло ничего особенного, хотя толпа была очень возбуждена, в отдельных группах шли разглагольствования за и против, больше в последнем смысле. К 11 часам эти сборища внезапно разошлись. Но сегодня возбуждение приняло более враждебный характер. Многочисленные и шумные толпы образовались в предместьях Сент-Антуанском и Сен-Марсо. Повсюду пели «Марсельезу», и часто раздавались крики «Долой тирана!». К 2 часам дня начали сооружать баррикады в Сент-Антуанском предместье. В момент, когда я пишу эти строки, полки, стоявшие лагерем на Елисейских полях, получили приказ двинуться быстрым шагом в предместье. Артиллерия последовала за ними. Ходят слухи, что одна из баррикад была взята и что командовавший на ней депутат «Горы» там убит.

Кассационная палата собиралась сегодня с целью отменить постановления президента, низложить его и объявить вне закона, но, ввиду отсутствия генерального прокурора Дюпена, арестованного у себя на квартире, палата ничего не решила. Войска, повидимому, вполне преданы Луи-Наполеону, но народ кажется возбужденным. Повсюду, где проезжает президент, слышатся крики: «Да здравствует Республика!», на что он отвечает таким же возгласом. Но часто крики эти сопровождаются другими: «Долой диктатора!», «Смерть тирану!». Как бы то ни было, он не отступает и говорит: «Я знаю, что я играю крупную игру, но пойду до конца».

Его близкие питают большую надежду на успех его планов, но опасаются пули убийцы.

К вечеру ожидают важных событий, в Париж все время стягиваются войска, готовые, повидимому, действовать решительно.

В начале документа помета:

«Государь император изволил читать».

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 126—127 об.].

№ 92

Париж, ^{22 ноября}
^{4 декабря} 1851 г.

Вчерашний день и сегодняшнее утро прошли в бóльшем волнении по сравнению с предыдущим днем. В предместьях восстание вспыхнуло в нескольких местах. Два народных представителя из партии «Горы», гг. Боден и Мадье де Монжо, были убиты на баррикадах Сент-Антуанского предместья, третий, г. Шельше, тяжело ранен¹⁰⁴. Войска начали стрелять лишь после того, как сами подверглись огню восставших и потеряли одного из своих. Восставшие изобрели новый способ сооружать баррикады, а именно: они вырывают ров от одних ворот к другим поперек улицы. Такого рода траншеи, связанные с легким бруствером, хорошо предохраняют от артиллерийского огня и облегчают возможность укрываться в домах. Сегодня настроение народа заметно тревожнее, выкрики из толпы стали более громкими, более частыми и более оскорбительными по отношению к президенту. Одно лицо, из служащих в нашем доме, побывавшее в предместьях, подтвердило мне, что народный гнев, действительно, возрос. Этот человек поднял с мостовой объявление, вывешенное в начале улицы Сен-Дени, написанное крупными буквами красными чернилами, следующего содержания (лишь несколько отдельных букв на нем стерлись):

«С в о б о д а, Р а в е н с т в о, М щ е н и е».

«Гнусное и неслыханное преступление совершено бесчестным Луи Бонапартом. Вся Франция (за исключением нескольких изменников) восстала, чтобы отомстить за это злодеяние... Мщение, братья, те, кто не покинули знамени свободы... Пусть самое жестокое, самое неумолимое наказание поразит в самое сердце презренного человека, осмелившегося не признать волю и бросить вызов гневу 36 миллионов освобожденных людей! Представители народа, оставшиеся верными своим мандатам и не поддавшиеся грубому насилию, собрались в мэрии 10-го округа и постановили объявить изменника и клятвопреступника Бонапарта вне закона. Всем гражданам, преданным свободе родины, надлежит без колебаний и без сострадания покончить с ним».

Этот призыв никем не подписан¹⁰⁵.

Отмечено, что бывший вестфальский король Иероним всюду сопровождает своего племянника в парадном мундире маршала Франции. Уверяют, что уже 25 миллионов были изъяты из казначейства на то, чтобы удовлетворить потребностям настоящего момента.

Некоторые признаки волнений заметны в Орлеане и в Амьене, и для подавления этих волнений несколько полков отправлено на место по железной дороге. Все оружейные магазины были закрыты, и имевшееся в них оружие свезено на хранение в цитадель. Неверно, что зал заседаний Национального собрания разрушен, как сообщалось в газетах.

Только что передают, что сооружение баррикад с большой энергией начато на улице Рамбюто, в кварталах Сен-Дени по направлению к рынку и по всей линии, которая всегда служила ареной революционных выступлений. Народ, повидимому, сильно раздражен, войска не препятствуют сооружению баррикад, и это имеет вид провокации со стороны правительства. Приказ военного министра только что расклеен на стенах Парижа — в нем лишь два пункта. Первый приглашает мирных граждан не участвовать в сборищах и воздерживаться от любопытства и т. д. и т. д. Второй

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1848 г. в ПАРИЖЕ

Бой на площади Пале-Рояль

С современной литографии

Музей революции, Москва

указывает, что, ввиду осадного положения, всякий, взятый с оружием в руках, будет немедленно расстрелян.

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 128—129 об.].

№ 93

Париж, ^{23 ноября}/_{5 декабря} 1851 г.

Вчерашний день ознаменовался ожесточенной борьбой: дрались не только на Итальянском бульваре, самом элегантном квартале Парижа, по соседству с Тортони, с Большой оперой и «Кафе де Пари»; клубы «L'Union» и «Commerce», расположенные в этой части бульваров, были изрешетены пулями; крупный магазин «Bonnes Nouvelles» был разграблен. Местом наиболее серьезных разрушений был квартал у ворот Сен-Дени,

где восставшие сосредоточили все свои силы. Там была воздвигнута огромная баррикада, против которой пришлось пустить в ход пушки. Когда она была взята, за ней оказалась целая масса трупов. Газеты, печатающие лишь то, что им разрешают, скрывают число жертв, понесенных войсками, и говорят только о нескольких раненых солдатах, но, по сведениям, которые мне удалось получить от самих военных, 72-й линейный полк понес очень большие потери—его подполковник был смертельно ранен и убито несколько сот человек. Несмотря на это, возмущение еще не подавлено окончательно, и на сегодняшний вечер ожидаются снова кровопролитные столкновения. Ходили слухи, что принц Жуанвильский и герцог Омальский¹⁰⁶ прибыли инкогнито в Париж, но по проверке оказалось, что это просто выдумка. Говорят, что какой-то англичанин, высадившийся в Трепоре, был принят за герцога Омальского и арестован, но затем отпущен. Около сотни восставших, взятых с оружием в руках, было расстреляно сегодня утром на Марсовом поле. Опубликованный новый порядок открытого голосования с обозначением фамилий и имен вызвал ропот и всеобщее недовольство, и поэтому тайная подача голосов была восстановлена. Но полагают, что, раз все заведующие выборными бюро—сторонники президента, то при подсчете бюллетеней может быть допущена подтасовка, и число голосов, поданных за Луи-Наполеона, при опубликовании результатов выборов окажется преувеличенным. По всему, что говорится в Елисейском дворце, ясно видно, что президент твердо решил восстановить империю, и его прихлебатели со смешною хвастливостью открыто делят уже между собой титулы и должности.

[К делу III Отд. I эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 130—131 об.].

№ 94

Париж, ^{24 ноября}
6 декабря 1851 г.

Спокойствие окончательно восстановлено; полная безопасность и возобновившееся беспрепятственное движение повсюду могли бы дать повод подумать, что Париж не пережил никаких потрясений, если бы явные следы повреждений от пушечных ядер и пуль не свидетельствовали о происходивших вчера сражениях. Энергия, с которой приняты были репрессивные меры, и стойкая храбрость войск, не дававших никому пощады, положили конец всякой демагогии. Многие, встревоженные сначала тем, что все это было проведено слишком круто, соглашаются теперь, что надлежало действовать сурово и сразу нанести решительный удар и что это было единственное средство уничтожить красных и единственный способ спасти Францию от угрожавшей ей неизбежной гибели. Убеждаются, что никто, кроме Луи-Наполеона, не был бы способен принять такое энергическое решение и что средним решениям не было больше места. Покамест все хорошо, но опасения начинают возникать, когда размышляешь о том, что Луи-Наполеон проявляет явные поползновения итти по следам своего дяди, что он мечтает провозгласить себя императором и может, опьяненный своим успехом и считая себя великим полководцем, приняться также за завоевания и вторжения, как это было после узурпации императора Наполеона. Он непрестанно повторяет, что его ведет звезда его дяди. В войсках то и дело слышны крики: «Да здравствует император!». Его воззвания к народу и к армии можно рассматривать, как выражение решительной политики и как принятие им на себя определенного обязательства,

так как в его обращении к народу находят как бы возобновление консульского соглашения 8-го года, составленного аббатом Сиейсом и закрепленного впоследствии сенатским решением 28 флореаля 12-го года¹⁰⁷.

Известия из департаментов в достаточной степени удовлетворительны, хотя в Лиможе и в Орлеане и еще в трех-четыре местах наблюдались серьезные признаки беспорядков. Эти беспорядки были, впрочем, легко подавлены. Все попытки анархистов в пригородах Парижа, равным образом, потерпели неудачу, и повсюду красные повергнуты в ужас. Г-н Тьер находится не в крепости Гам, как говорили, а под домашним арестом. Уверяют, что Луи-Наполеон, узнав, что г. Тьер, будучи под арестом, высказывал в достаточной мере свободные суждения о нем и, между прочим, заявил, что «еще не все кончено, посмеется хорошо тот, кто будет смеяться последним», послал генерала Ребилю к г-же Тьер сказать, чтобы она предупредила мужа, что, если тот позволит себе произнести малейшее осуждение его (Луи-Наполеона) личности или его поступков, он прикажет немедленно его расстрелять¹⁰⁸. Генерал Арбувиль, командовавший войсками в Бордо, заявил, что он готов поддерживать порядок, но что он не одобряет произвольных и незаконных мероприятий президента. Тотчас после этого он был смещен и заменен генералом Буржоли. Заслуживает внимания, что когда 170 представителей народа отводились из мэрии 10-го округа в казармы набережной Орсе под конвоем солдат, народ, встречавшийся по дороге, приветствовал войска и поносил депутатов. Национальная гвардия не принимала никакого участия во всех этих событиях, и это обеспечило успех Луи-Наполеона. Вооруженные люди, которые рассуждают в строю и имеют каждый свое собственное мнение, мало пригодны для борьбы с врагами порядка и вносят только смятение и путаницу, а иногда даже и колебания в войска, когда те видят их перешедшими на сторону восставших.

Французские политические эмигранты в Лондоне обратились через английские газеты к французскому народу с воззванием, составленным в самых язвительных выражениях¹⁰⁹. Оно начинается со следующих слов (перевожу с английского): «Неужели вы хотите, чтобы вас презирали? Хотите быть рабами? Неужели хотите опять стать предметом всеобщего презрения и насмешек в глазах поработанных народов, ожидающих от вас своего освобождения? Луи Бонапарт в течение этих нескольких часов совершил столько преступлений, каких могло бы хватить на целую человеческую жизнь. Подобно вору, он тайком, ночью завладел свободами своей родины, при помощи самого заурядного приема, которые некоторые люди имеют наглость называть смелостью». Далее эти люди нападают на Национальное собрание, считая, что оно заслужило нанесенное ему оскорбление. В заключение они заявляют, «что слов недостаточно, что они обязаны принести Республике свою кровь, что они это знают и не забудут». Это воззвание подписано Луи Бланом и 27 другими эмигрантами. Подписи Ледрю-Роллена под ним нет.

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 132—135 об.].

Восставшие, не будучи в состоянии противостоять 100 000 человек, решившимся выполнить свой долг и возбужденным против черни, все внезапно исчезли из переулков и узких улиц, которые преимущественно

они всегда занимают. По всей вероятности, тайные общества, которые за последнее время были так ловко организованы, соберут их опять—таково, по крайней мере, мнение префекта полиции. Этот последний, при содействии своего предшественника, г. Карлье¹¹⁰, который самым честным образом ему помогает, приказывает производить домашние обыски во всех подозрительных домах, что представляется возможным выполнять, пользуясь осадным положением. Обыски дали уже хорошие результаты. Говорят, что со вчерашнего числа при этом были задержаны 800 человек. Многие из народных представителей отпущены. Примерно, 60 человек из них, заключенные в форте Сен-Валерьян, сговорились не выходить из тюрьмы и считать ее священным местом собрания представителей народа¹¹¹. Префект полиции, видя, что его уговоры покинуть тюрьму остаются тщетными, приказал нанять столько фиакров, сколько было заключенных, затем распорядился вывести их силой из казематов и посадить в экипажи; кучерам же было приказано отвезти каждого по его месту жительства. Я ошибся, когда в прошлом своем донесении сообщил, что г. Тьер находится под домашним арестом. Получив более достоверные сведения, я узнал, что он содержится в тюрьме Мазас. Большое количество совсем невинных людей стало жертвой своего любопытства или роковой случайности, оказавшись на местах, где происходили столкновения. В числе их называют некоего русского, из Киева, который, желая посмотреть поближе происходившее, отправился на бульвар и с тех пор не возвращался,—его жена и семья находятся в сильнейшем отчаянии. Другой из наших соотечественников оказался арестованным при занятии ресторана «Maison dorée», где он завтракал, но он был отпущен на свободу после нескольких часов ареста. Таким же образом пострадали находившиеся в клубе «Comptetse» и мирно читавшие там газеты генерал Бильяр, раненный в глаз, и бывший генеральный прокурор г. Дювержье.

Войскам были даны очень строгие инструкции, и они применялись с большой точностью. Было приказано стрелять по толпе и по домам, откуда произведены ружейные или пистолетные выстрелы. Очевидец рассказывал мне, что он находился в толпе любопытных на улице Лаффит, когда там проходил батальон. Какой-то молодой человек, отделившись от толпы, выстрелил из пистолета в солдат. Они моментально повернулись к толпе и произвели залп, которым было убито и ранено до 15 человек, в том числе две женщины. То же лицо было свидетелем другого, менее трагического инцидента. Мятежники, числом до 20, остановили омнибус в улице Рамбюто, с целью устроить из него баррикаду. Они высадили из него всех пассажиров, но в этот самый момент появившийся отряд жандармов их окружил, заставил самих поместиться в омнибус и приказал кучеру отвезти всех в полицейскую префектуру.

Сейчас в провинции сильное возбуждение, но очень трудно определить подлинный размах его, так как газеты публикуют только то, что правительство разрешает довести до сведения публики. Редкие путешественники, приезжающие из провинции, очень скупы на разговоры о беспорядках. Известно только, что несколько полков было отправлено в разные пункты департаментов. Вчера отправлено несколько полков в Мулен (департамент Алье). Но самое важное—не давать распространяться восстанию в самом главном его очаге, и, пока Париж будет спокоен, беспорядки в провинции не могут иметь серьезных результатов.

МАРРАСТ

Шарж

Фарфор завода Миклашевского, 1850-е гг.

Музей керамики, Кусково

№ 96

Париж, $\frac{26 \text{ ноября}}{8 \text{ декабря}}$ 1851 г.

Со вчерашнего дня не произошло ничего нового, достойного быть отмеченным. Президент всецело поглощен работой в связи с предпринятой им реорганизацией управления. Много затруднений должно встретиться при выполнении этой тяжелой задачи. Лица, наиболее привычные к подобного рода занятиям, теперь, после революции, удалены из числа советников президента, большинство же последних—люди совсем не опытные и способные даже в обыкновенное время только запутать дело. Отсюда происходит, что в такой новой и сложной обстановке, как сейчас, задача эта становится еще более тяжелой, и все новые и новые затруднения возникают на каждом шагу. Никто не сомневается здесь в том, что целью президента является провозглашение империи. Английская пресса единодушно высказывается в таком смысле. И действительно, может ли он выбрать иной путь, как не тот, что ведет к абсолютизму? Если он восстановит какую бы то ни было законодательную власть, его действия неизбежно попадут под контроль будущего Законодательного собрания. Затем, каким образом сможет он оправдать свое распоряжение о заключении под стражу наиболее знаменитых генералов, которые, в сущности, были виновны только

в том, что, не превышая прав, поступали согласно полномочиям, представленным им народом? Очевидно, что его роль должна поэтому свестись к тому, чтобы завладеть всеми видами власти и, сосредоточив все в своем лице, облечь себя самого властью полной, неограниченной и суверенной. Лица, пользующиеся доверием в Елисейском дворце, совершенно этого не скрывают, они открыто говорят, что спасение Франции зависит от установления империи, что все удастся Луи-Наполеону, располагающему армией, преданной ему душой и телом, что день 2 декабря—годовщина аустерлицкой битвы—хорошее предзнаменование для того, кто готов решиться на все. Можно с уверенностью сказать, что, если войска останутся верными, ему легко будет систематически устранять всякое препятствие при помощи штыков. Не следует, однако, чрезмерно потворствовать солдатам, чтобы не превратить их в преторианцев, так как, если возникнут затем военные бунты, не будет уже средств для их подавления. До сих пор ему можно сделать только один упрек—тот, что, назвав в своем обращении к армии солдат «цветом нации», он тут же цвет этих самых солдат, в лице их наиболее славных генералов, упрятал в тюрьму, поступив с ними жестоко, как с преступниками. Что же касается толков о деньгах, розданных войскам, и о состоянии опьянения, в котором, по заявлению английских газет, их все время держали, то это все неправда. Солдаты, действительно, получают двойное денежное довольствие, и на это обращены те 18 тысяч франков, которые ежегодно шли на вознаграждение народных представителей. Но, по всей справедливости, нужно признать, что не было ни одного случая пьянства, и солдатам, сытно накормленным, отпускалось вполне умеренное количество вина и обычная порция водки.

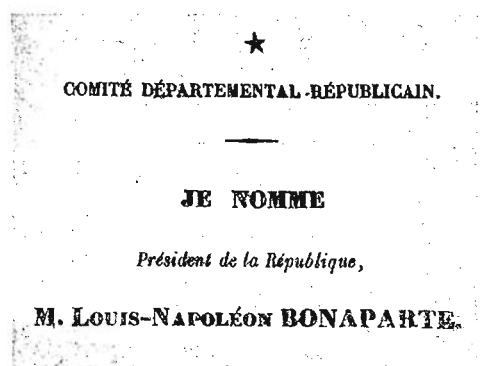
Нужно, впрочем, выждать до 20 декабря¹¹², чтобы составить себе ясное представление о неожиданностях, которые сулит будущее, а пока следует признать одно, что торговые круги и значительное большинство буржуазии, повидимому, довольны этой революцией. Уничтожение красных и социалистов представляется им фактом совершившимся. Роспуск собрания также встречает сочувствие, так как начинали уже уставать от болтовни, которая служила помехой для правильного хода управления и парализовала торговлю. Г-н Тьер в конце концов был освобожден, но оставлен под надзором полиции¹¹³. Рассказывают, что, когда полицейский комиссар, явившийся его арестовать, произнес установленную формулу: «Я вас арестую, именем закона», г. Тьер воскликнул: «Нет, г. полицейский комиссар, вы ошибаетесь,—не именем закона, его больше нет во Франции, а именем насилия». Фамилия русского, который пропал без вести,—г. Понинский, а того, который был арестован и выпущен,—Столыпин.

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 140—143 об.].

Полный порядок царит в Париже, везде огромные толпы народа, торговля принимает свой обычный оживленный вид, ввиду приближения нового года. На бирже изумительное повышение курса. В Елисейском дворце все, повидимому, преисполнено спокойной уверенностью относительно будущего. Там работают день и ночь, и министры почти не покидают резиденции Луи-Наполеона, а сам он, под предлогом спешной работы, никуда не выходит и отказался даже присутствовать 10 декабря на большом банкете в городской ратуше. Дело в том, что, если бы Луи-Наполеон

появлялся, как раньше, на улицах, он мог бы сделаться жертвою покушения. В таком огромном городе, как Париж, несмотря на всю бдительность и при наличии любого количества агентов охраны, трудно все-таки принять все необходимые меры предохранения от убийц, подосланных демагогами. Только что вышедший ордонанс о мерах, которые надлежит принять, чтобы очистить Париж от уголовного элемента и лиц, находящихся под надзором высшей полиции, без сомнения, освободит несколько столицу от этой подлой толпы, но не сможет удалить из нее всех опасных людей, способных на все, чтобы удовлетворить свое чувство вражды и ненависти. Вот такой-то мести убийц и следует президенту больше всего опасаться в настоящее время, и он совершенно прав, не желая рисковать. Впрочем, в ту самую минуту, когда я писал эти строки, я увидел из окна, как он проехал мимо в карете, окруженной эскадроном кирасиров.

Беспорядки, происходящие теперь в провинции, ужасны. Сведения, помещенные о них в газетах, повидимому, преуменьшают действитель-

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЛИСТОК, ПОДАВАВШИЙСЯ ЗА ЛУИ-НАПОЛЕОНА ПРИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ВЫБОРАХ В ДЕКАБРЕ 1848 г.

Музей революции, Москва

ность, так как вчера еще я виделся со знакомым, только что вернувшимся из Виши и по дороге проезжавшим через несколько пунктов, где происходили страшные погромы. Мирные жители повергнуты в ужас, войск недостаточно для подавления беспорядков, войска двинуты в провинцию во всех направлениях, но, несмотря на это, ужасная резня продолжается—это настоящее повторение жакерии во всей ее гнусности. В некоторых местностях, как, например, в Безье, народ громил всех состоятельных людей, не разбирая их убеждений. Видели красные флаги, на которых были следующие надписи: «Смерть богатым!», «Дележ имущества!». Дикие толпы бродят, увлекая за собой не только тех, кто разделяет их убеждения, но принуждая также насилием и угрозами мирных жителей присоединяться к ним. Тем не менее, пока порядок и спокойствие будут царить в Париже, опасность не так уже велика и может быть устранена хотя и не без пролития крови, но без дурных последствий для правительства.

Вечерний прием 8 декабря в Елисейском дворце был одним из самых многолюдных и самых блестящих—вся улица предместья Сент-Оноре

и другие прилегающие к ней были запружены экипажами, а на главной улице они следовали в три ряда. Комнаты, предназначенные для обычных приемов, оказались недостаточными, и пришлось отпереть и наскоро осветить большие залы. Более, чем когда-либо, бросались в глаза заискивающий тон приветствий, низкопоклонство—казалось, все явились сюда, чтобы приветствовать восходящее светило. Среди всей этой раболепной толпы президент держал себя холодно и безучастно, и вид у него был крайне неприветливый, что легко объясняется заботами и трудностями теперешнего его положения.

Английская пресса, в общем, относится очень враждебно к президенту. Несколько английских органов уже подверглось здесь запрещению, на днях та же участь должна постигнуть и «Times», так как в последнем его номере была статья, направленная против Луи-Наполеона, по своей язвительности превосходящая все, что было в этом роде напечатано в других английских газетах¹⁴. Это мое предположение подкрепляется и тем, что вот уже два дня, как я сам не получаю «Times».

Лицо, сообщавшее мне иногда ценные сведения, уверяло меня, что полиция осведомила президента, что несколько русских высказывали резкие суждения о его личности и о его поступках, что крайне раздражило Луи-Наполеона. После этого он приказал высылать за пределы Франции всех тех, кто позволит себе осуждать его. То же лицо подтвердило мне, что удвоили число обслуживающих черный кабинет, усердно работающий круглые сутки, и что все мало-мальски подозрительные письма перлюстрируются. Это обстоятельство вынуждает меня воздержаться от сообщения вам некоторых весьма интересных новостей, которые могли бы показаться обидными французским властям.

Г-н Тьер испросил себе разрешение покинуть Францию, что ему и позволили под условием, что он не поедет ни в Лондон, ни в Брюссель; говорят, он едет в Италию¹⁵.

Парижский архиепископ¹⁶, назначенный на эту должность при генерале Кавеньяке, другом которого он состоит, не появлялся в Елисейском дворце. Он придерживается самых крайних социалистических взглядов, и ему недавно ставили в упрек, что он запретил служение заупокойных месс по герцогине Ангулемской¹⁷.

Уверяют, что в ближайшем будущем появится декрет об уничтожении ввозных сборов на городских заставах. Дефицит, который произойдет от этого в бюджете, будет, как говорят, восполнен установлением особого вида подоходного налога (income-tax) и законов против роскоши. Популярность, которую приобретет президент, благодаря таким мероприятиям, вряд ли сможет компенсировать недовольство, которое вызвал бы закон, явно направленный против богатых, тем более, что это являлось бы поощрением взглядов коммунистов и сторонников дележа имущества.

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 144—149].

В дальнейшем Яков Толстой внимательно приглядывается к действиям принца-президента, быстрыми шагами шедшего к формальному восстановлению империи. В последующих донесениях он отмечает произвол правительства, требование присяги в верности президенту (от депутатов), недопущение во Францию газет из-за границы, преследование журналистов. Сообщает об арестах в Париже и провинции и пр.

№ 104

Париж, 13/25 марта 1852 г.

... Избрание генерала Кавеньяка и г. Карно очень не понравилось правительству. Декрет, требующий от депутатов принесения присяги на верность президенту, ставит их обоих в невозможность принять участие в заседаниях палаты¹¹⁸. Повидимому, даже решено, что в случае, если эти депутаты, отказавшись от принесения присяги, появятся в палате для того, чтобы занять свои места, против них будет возбуждено дело, как о лицах, не пожелавших подчиниться закону.

Иностранные газеты часто не доходят по назначению, они, повидимому, подвергаются просмотру и попадают в руки публики лишь после этой формальности. В течение месяца у меня таким образом задержали три номера «Times». Возбуждены судебные дела против бельгийских журналистов за оскорбление, нанесенное президенту Французской республики. Французское правительство потребовало также смещения губернатора Гента за то, что тот не воспрепятствовал появлению на улицах города во время карнавала маски, изображающей Луи-Наполеона в комическом одеянии и подгоняющим ударами бича Сенат, Законодательный корпус и Государственный совет, представленные в виде стада. Такое бесцеремонное отношение к Бельгии является, повидимому, прелюдией для последующих планов Луи-Наполеона относительно Бельгии, правительство которой так это и поняло, ибо идет уже речь об усиленном воинском наборе. Собираются увеличить состав армии до 80 000 человек—цифры крайне высокой для такой маленькой страны. Впрочем, очень сомнительно, чтобы Франция это допустила. Кроме того, 30-ти миллионов франков, предназначаемых на осуществление этого мероприятия, едва ли хватит, а состояние финансов Бельгии таково, что вряд ли удастся отпустить больше. Нейтральное государство с 3¹/₂ миллионами жителей, смежное с государством, население которого достигает 35 миллионов, становится явной аномалией, и независимость его фиктивна, так как обуславливается лишь поддержкой, оказываемой ему, в противовес Франции, другими государствами. Во время войны такая страна будет рассматриваться лишь, как военная добыча.

Несмотря на бдительность полиции и на строгость, с которой обошлись с демократами, не удалось еще окончательно уничтожить их партии. Они и по сию пору все еще проявляют дерзость и действуют вызывающе, невзирая на энергичный и строгий надзор правительства. Еще довольно часто происходят аресты заговорщиков и не только в провинции, но даже в самом Париже.

На-днях арестовали 30 демагогов, собравшихся на совещание в Батиньолах...

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 203—205 об.].

Яков Толстой обнаруживает ту самую двойственность настроений в эти последние месяцы перед восстановлением империи во Франции, как и его петербургские хозяева. С одной стороны, хорошо, что красные растоптаны, расстреляны, разосланы, засажены, что в Париже и Франции самая настоящая абсолютистская диктатура, а с другой стороны, куда же этому Бонапарту равняться с благочестивейшим, самодержавнейшим и пр. обитателем Зимнего дворца! Придворный бал в Тюильри вызывает некоторую иронию Якова Толстого, парад войск в Париже—ну, какой же это

парад сравнительно с теми, что бывают в Петербурге! Яков Толстой и не подозревает близости Севастополя и страшного поражения всех этих героев петербургских парадов, всего торжества этого «принца-президента» над его петербургским коллегой. Но, во всяком случае, «спасительная реакция» торжествует во Франции и Европе. И этому не могут помешать революционные речи, которые произносятся против этой «спасительной реакции».

В своем донесении от 15 мая 1852 г. Яков Толстой сообщает о похоронах Натальи Александровны Герцен, которые получили характер политической демонстрации.

№ 107

Париж, 3/15 мая 1852 г.

... Приезжающие из Ниццы удостоверяют, что этот маленький городок является теперь более, чем когда-либо, вмещищем демагогии. Местная полиция не установила там никакого наблюдения. Большая траурная церемония имела место недавно по случаю смерти жены Герцена. Огромная толпа, которую исчисляют от 5 до 6 тысяч человек, собралась в 9 часов вечера. Все экипажи в городе и в окрестностях были наняты, чтобы придать похоронам больше пышности, и более 10 000 факелов освещало траурную процессию. Четыре эмигранта разных национальностей шли во главе, и в их числе был Головин, который стал теперь нахлебником Герцена и живет на его счет. Герцен произнес речь на могиле жены и воспользовался случаем, чтобы в самых неистовых выражениях напасть на порядок и спасительную реакцию, происходящую теперь в Европе, и в то же время превознести сверх меры пагубное учение, им исповедуемое...¹¹⁹.

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 245—245 об.].

Большое донесение Якова Толстого от 31 августа 1852 г. наполнено бесконечными описаниями празднеств при дворе президента и сплетнями о министре Друэн де Люисе и других сановниках. Любопытно непосредственное впечатление от появившегося вне Франции, но проникшего во Францию знаменитого памфлета Виктора Гюго, направленного против Луи-Наполеона, под названием «Наполеон Маленький».

№ 111

Париж, 31/19 августа 1852 г.

... Другой памфлет появился одновременно в том же городе [Брюсселе]. Автором его является человек большого таланта—Виктор Гюго. Заглавие книги—«Н а п о л е о н М а л е н ь к и й»¹²⁰. Ввоз ее во Францию строжайшим образом запрещен, и читать ее можно только в рукописном виде. Предъявляемые в ней обвинения не представляют ничего нового. Всем известны малейшие подробности узурпации Луи-Наполеона и все события, которые последовали после 2 декабря. Однако, талант автора сумел придать книге некоторый интерес, хотя если ее и читают с жадностью, то, главным образом, потому, что на ней лежит строжайший запрет. Я знаю одного человека, который специально съездил в Брюссель, чтобы иметь возможность там ее прочесть. Впрочем, в этой брошюре находится много ложных утверждений, преувеличенных и двусмысленных и чрезмерно напыщенных фраз. Приняты строгие меры, чтобы памфлет этот не проник в провинцию. Однако, заглавие «Н а п о л е о н М а л е н ь к и й» у всех на устах и сделалось для президента кличкой, которая должна очень его

раздражать. Обидно видеть, что человек, одаренный таким большим талантом, превращается в памфлетиста. Этот способ мщения всегда бесплоден и не достигает никогда полностью намеченной цели. Какова бы ни была известность памфлета при появлении, его вскоре постигает забвение,

№ 90 Paris, le 20 novembre 1851¹²
2 décembre

Voici une lettre que Schibinsky a écrite de Tolstoy, les détails vraisemblablement résumés par le comte.

Comme j'en avais signalé d'un mander-
Evo Basmischo
губернатор
литав. микс депеши, le drame qui se joue depuis que
Temp. int. 1851. que j'indiquais touchais à son dénouement: la po-
sition que l'Assemblée nationale avait faite à Louis Napoléon était devenue insoutenable. Plusieurs tentatives avaient été faites par lui pour frapper un coup d'état, mais soit qu'il n'était pas encore prêt, soit qu'on voulait forcer ses ennemis au Président, que celui-ci n'osait pas prendre une pareille détermination, dont la gravité

ДОНЕСЕНИЕ Я. Н. ТОЛСТОГО ОТ 20 НОЯБРЯ (2 ДЕКАБРЯ) 1851 г. С СООБЩЕНИЕМ
О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕРЕВОРОТЕ ВО ФРАНЦИИ

Первая страница

Сверху пометы А. Ф. Орлова и Л. В. Дубельта

Архив революции, Москва

потому что, по существу, это нечто эфемерное. Как в просторечии говорят: «удар шпаги по воде». Впрочем, если бы только не имя Виктора Гюго, его смело можно было бы отнести к категории произведений И в а н а Г о л о в и н а и ему подобных. Статьи «Times» против президента бьют вернее в цель. Они более разумны, очень метко направлены и написаны без раздражения и потому производят большее впечатление. Статья,

появившаяся 21 сего августа в этой английской газете, очень живо задела Луи-Наполеона, приказавшего напечатать в «Moniteur» ответ слабый по аргументации, но явно свидетельствующий о раздражении, испытываемом от невозможности покарать газету. «Times», в свою очередь, ответила¹²¹. Спокойно, но в то же время иронически она доказывала, что возражение г. Бонапарта не опровергает сообщенных фактов и не освобождает его от ответственности за преступления, в которых его обвиняют. Возражение, как заявляет газета, существенно лишь постольку, поскольку исправляет число жертв, исчисляемых в 380 человек вместо 1200 — цифры, приведенной в газете, и т. д. и т. д. ...

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 294—296].

Но вот наступает осень 1852 г. Луи-Наполеон совершает свою знаменитую поездку по провинции, послужившую непосредственной прелюдией к провозглашению империи. В сущности, фактически президент стал самодержавным императором уже 2 декабря 1851 г. Но все-таки ф о р м а л ь н о е уничтожение республики и официальное превращение президента Луи-Наполеона в императора Наполеона III произвело сильнейшее впечатление во всем мире. Знаменитая фраза президента, сказанная им во время этого путешествия в Бордо: «Империя—это мир», фраза, оказавшаяся впоследствии такой лживой по существу, имела целью внушить Европе, что племянник не пойдет по стопам дяди и не будет думать о военной славе и завоеваниях. Говоря о приветствиях президента, Толстой отмечает в провинции и в Париже также симптомы и враждебного настроения относительно автора государственного переворота и завтрашнего императора. Это донесение (24 октября 1852 г.) полно живого интереса в начальных своих страницах.

№ 113

Париж, 12/24 октября 1852 г.

Речь Луи-Наполеона в Бордо, произнесенная в ответ на приветствия президента торговой палаты, разрубила, так сказать, гордиев узел и пролила свет на намерения главы государства. Эта речь произвела большую сенсацию и рассматривается, как исповедание веры будущего императора. Переход к империи, хотя мысль эта и скрытно выражена в речи, был признан всеми, как окончательно принятое решение. Если бы слова, сказанные президентом, могли стать истинной правдой, обязательство не воевать, принимаемое им на себя в выражении: «Империя—это мир», должно было бы успокоить Европу. Но тут возникает вопрос: сможет ли он выполнить свое обещание? Конечно, нет. Увлекаемый событиями и своими собственными воинственными наклонностями, он нарушит это свое обещание так же, как он привык нарушать другие обещания и даже свои самые торжественные клятвы. Речи, произнесенные им до 2 декабря, послания, обращенные к Законодательному собранию, не наполнены ли все они формальными заверениями сохранить конституцию и республику? Император Наполеон, его дядя, произносил такие же речи и заявлял также о своей любви к миру в то время, как все минуты его жизни были наполнены лишь одними проектами военных действий и завоеваний. Луи-Наполеон чувствовал необходимость успокоить население одного из первых торговых городов Франции по поводу распускаемых слухов, что империя должна неминуемо повлечь за собой войну.

Между тем, идут работы по серьезному вооружению портов Франции. В одной только Ла Рошели пять линейных кораблей на верфи готовы к спуску, не говоря уже о фрегатах и разных паровых судах, которые также строятся. Говорят, правда, что правительство намерено отпустить из армии 75 тысяч человек, но это только слух, и ничто не указывает на близость осуществления такой меры. Это сокращение состава армии должно быть возмещено созданием милиции (чего-то вроде ландвера) численностью в 600 000 человек. Англичане—народ рассудительный, не поднимающий тревоги без серьезных оснований; и все они, однако, глубоко убеждены, что эра цезарей есть эра завоеваний. Пародируя слова, произнесенные когда-то Людовиком XIV, президент сказал в Марселе: «Средиземное море становится впредь французским озером»¹²². Это горделивое выражение сильно шокировало англичан и только увеличило их опасения.

Овации и энтузиазм, которыми отмечено было путешествие президента по провинциям, составляющим $\frac{3}{4}$ Франции, были представлены в прессе в высшей мере преувеличенными. Не подвергая сомнению манифестации, устраиваемые чернью, а также официальные выступления административных органов, можно, однако, подвергнуть сомнению искренность, добровольность и увлечение всего населения посещаемых президентом местностей. Затем я беседовал с людьми, вполне заслуживающими доверия, бывшими очевидцами приема, оказанного принцу-президенту в Авиньоне и Ниме. Они заверили меня, что, наблюдая все с величайшим вниманием, они слышали, правда, много раз крики «Да здравствует император!» но не заметили никакого подъема. Более того, в Ниме они узнали среди кричавших тех самых людей, которых видели перед этим в Авиньоне. Эти данные подкрепляются еще другими неоспоримыми фактами, свидетельствующими, что манифестации и заявления о преданности далеко не были единодушными. В Сент-Этьенне, в Роанне происходили выборы в муниципальные советы за несколько дней до проезда президента через эти города, и вот все новые советники, избранные крупным большинством голосов, оказались принадлежащими к республиканской и социалистической оппозиции, а некоторые из выбранных—даже лица административно-высланные. Я не говорю уже ни о найденной адской машине, ни о молодом человеке из Мулена, который должен был убить президента, но сам отравился, ни о многих других фактах, подкрепляющих высказанное мнение, а именно: что триумфальные арки, овации, крики—все это в большинстве случаев организовано полицией и что в действительности было не мало манифестаций, и враждебных президенту. Но что в конце концов должно устранить всякие сомнения и разрушить фантастическое сооружение, воздвигнутое прессою для того, чтобы поверили общему энтузиазму всей Франции,—это прием, оказанный президенту в Париже при его возвращении. И на этот раз пресса заявляла во всеуслышание о п о л н ы х э н т у з и а з м а и с т и х и й н о с т и п р и в е т с т в и я х м е т р о п о л и и. Нельзя, однако, не поверить многочисленным свидетелям роскошно обставленной комедии, представление которой давалось только что в Париже. Все эти триумфальные арки, все военные приготовления и вся торжественная роскошь официальной встречи не смогли наэлектризовать большинство населения. Я побывал в различных местах, где соорудили триумфальные арки, я ходил повсюду, и везде только изредка то там, то здесь слышались крики «Да здравствует император!» и т. д. Иногда в отдельных группах слышны были пьяные голоса, выкрикивающие установленные приветствия.

У церкви Мадлен это молчание обращало на себя особенное внимание тем, что время от времени оно прерывалось криками детей, раздававшимися регулярно, как будто по сигналу,—это кричали ученики лицеев и семинарий, поставленные на ступенях церковного портала. На смену им слышались многочисленные шутки и насмешки над президентом и над его свитой. Смеялись над тем, что он заставляет свою лошадь плясать на месте, сравнивали его с одним из наездников от Фанкони, с которым он имеет отдаленное сходство. Так как он сильно загорел во время своего путешествия, говорили, что он старается почернеть, чтобы походить на свой идеал: негритянского императора Сулука¹²³. Когда он принял поднесенную ему императорскую корону, сплетенную из цветов, кричали: «Ну вот, получай корону, только она скоро завянет». Тысячи других острот раздавались под аплодисменты и смех толпы. Неуверенный в том, правильно ли я оцениваю все то, что видел и слышал, я проверил свои впечатления у нескольких человек, и все они их подтвердили. Несколько национальных гвардейцев, находившихся в строю и спрошенных мною, подтвердило мне то же самое. Один из них, из 1-го батальона Национальной гвардии, рассказал мне, что при приближении кортежа весь батальон стал сговариваться, приветствовать ли президента или нет. Войска, стоявшие напротив, глазами запрашивали о том же. Было решено молчать. Это решение в точности было выполнено, что, повидимому, чрезвычайно рассердило принца-триумфатора, так как он проехал вдоль рядов не здороваясь и сильно нахмурившись.

Национальная гвардия очень недовольна, там введена такая же строгая дисциплина, как и в армии. При малейшем нарушении устава, при всяком, даже незначительном, опоздании виновного предают дисциплинарному суду и строго его наказывают. Не так давно, рассказал мне тот же национальный гвардеец, один негодянт, задержавшись по важному делу, из-за которого могло пострадать все его благосостояние, опоздал на четверть часа явкою на свой пост; капитан, зная, что в его команде, состоящей из 80 человек, нехватает одного, сделал переключку, но каждый раз, как он называл имя отсутствующего, все 79 человек, сговорившись, отвечали вместе: «Здесь». Капитан не захотел отправить под арест всю команду и после угроз и крика, продолжавшихся с четверть часа, ушел сильно раздосадованный и ругаясь. Надо думать, что все это предпринимается, чтобы служба в Национальной гвардии опротивела парижской буржуазии и чтобы затем распустить ее, не вызывая этим особого недовольства. Это была бы, по правде говоря, полезная мера, которую следовало бы осуществить, так как вооруженные граждане, организованные в полки,—явление совершенно ненормальное в стране, управляемой абсолютной властью и не могущей притом управляться иначе. Если служба в Национальной гвардии имеет своей задачей приучить к военному делу, то без этого смело можно обойтись, имея армию в 400 тысяч человек.

Кроме того, опыт показал, что Национальная гвардия вместо того, чтобы подавлять беспорядки, постоянно сама в них участвовала и только содействовала этим их успеху.

Два важных декрета выпущены 18 и 19 октября. Первый из них касается освобождения Абд-эль-Кадера¹²⁴, а второй созывает Сенат на 4 ноября для того, чтобы сенатским решением провозгласить империю. Что касается первого декрета, то он был встречен почти всеобщим сочувствием. Говорят также о приказе, который должен появиться на-днях

НАПОЛЕОН III

Фотография, 1850-е гг.

Музей Тютчева, Мураново

с тем, чтобы открыть доступ во Францию генералам, сосланным в Африку. Ходят также разговоры о всеобщей амнистии,—это последнее известие требует, однако, подтверждения...

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (2), лл. 304—312 об.].

Но вот, наконец, империя и формально восстанавливается. И тут-то Яков Толстой, подыгрываясь к Николаю I, вместо того, чтобы сделать хоть попытку предостеречь царя, вступившего на гибельный путь, напротив, подталкивает его к совершению опасной ошибки. Дело было вот в чем. Николай очень рад был перевороту 2 декабря 1851 г. и водворению во Франции власти Луи-Наполеона. Но в 1852 г., когда речь пошла о восстановлении империи, царь усмотрел в этом оскорбление монархов, единогласно решивших на Венском конгрессе 1814—1815 гг., что династия Бонапартов «навсегда» лишается прав на французский престол. Когда же Луи-Наполеон, сделавшись императором, принял титул Наполеона Третьего, то это было принято царем, как намеренная пощечина всем принципам Священного союза и всем решениям Венского конгресса, так как этим титулом Луи-Наполеон демонстративно показывал, что он игнорирует царствовавшую в 1815—1830 гг., от конца Ста дней до Июльской революции 1830 г., династию Бурбонов, а считает законным императором после 1815 г. никогда фактически не царствовавшего, скончавшегося в ранней молодости сына Наполеона I, который поэтому в его глазах и был «Наполеоном Вторым». Николай пробовал выражать неудовольствие, протестовать—все было напрасно. Европа признала сразу же нового императора и титул и наименование, которое он пожелал себе дать. Уступил, конечно, скоро и Николай I, отыгравшись лишь тем, что отказался в переписке

называть Наполеона III, по монархическому ритуалу, «дорогой брат», а стал именовать его «мой добрый друг». Все эти детские выходки царя очень дорого обошлись ему впоследствии и с самого начала испортили в корне отношения между обоими императорами. Яков Толстой, угождая начальству, тоже разглагольствует о «божественном праве» монархической власти, противопоставляя ее монархии Наполеона III, обосновывавшего ее — в демагогических целях — на «всеобщем» голосовании.

№ 114

Париж, $\frac{20 \text{ октября}}{2 \text{ ноября}}$ 1852 г.

Послание президента Республики к Сенату по случаю сенатского решения, которое должно было последовать в связи с восстановлением империи¹²⁵, возбудило большие тревоги в умах мирно настроенных людей, в особенности нижеследующая фраза в нем: «Это удовлетворяет его (народа) справедливую гордость, так как, восстанавливая свободно и обдуманно то, что Европа 37 лет назад низвергла путем вооруженного насилия, во время обрушившихся на родину бедствий, народ, тем самым, благородно мстит теперь за пережитые ранее невзгоды и т. д. и т. д.». Эта фраза, по мнению этих людей, таит в себе возможность новой войны и рассматривается, как вызов европейским державам и как окончательное уничтожение договоров 1815 г.

Несмотря на это, Сенат слепо подчинился приказам главы государства. Доклад вице-председателя Сената Тролона¹²⁶ может послужить образцом одурманивающей фразеологии, основанной на софизмах, приводящих к нелогичному выводу — вроде того, что «организованная демократия есть символ монархии». Как бы то ни было, но сенатское решение было проредактировано согласно с волею Луи-Наполеона, и при голосовании из 87 человек только один решился высказаться против. Сенатское решение, предоставляя новому императору право назначать себе наследника, намечает устранение бывшего короля Иеронима и лишает его права наследования престола. После этого Иероним, сильно обиженный, немедленно сложил с себя звание председателя Сената.

Уверяют, что в припадке сильного гнева он держал крайне непристойные речи в заседании Сената. Он заявил, между прочим, что Луи-Наполеон самым формальным образом обещал ему не покушаться на его права: «Впрочем, добавил он, если мой племянник принимает титул Наполеона III, он не может привести разумных доводов к лишению меня моих прав, которые неотчуждаемы и покоятся на тех же основаниях, которые он сам приводит в подтверждение своих прав. А если он захочет выбрать себе наследника из линии Люсьена Бонапарта и объявить одного из потомков покойного князя Канино обладающим правом занятия императорского трона, то тем самым он подорвет свои собственные права, как главы наполеоновского дома, так как Люсьен был старшим братом Людовика»¹²⁷.

Плебисцит назначается на 21 и 22 ноября, и возобновление сессии Законодательного корпуса состоится 25-го того же месяца с тем, чтобы заняться проверкой голосования. Но все предусмотрено заблаговременно, и приняты меры к устранению какой бы то ни было оппозиции и к подмене бюллетеней с н е т — бюллетенями с д а, если только цифра этих последних не достигнет, по меньшей мере, семи миллионов голосов. В общем ожидали, что будущий император не назовет себя Наполеоном III: считали, что у него больше здравого смысла, чем тщеславия, и что он откажется от этого ребячества, так как, конечно, царствование Наполеона II не более,

как фикция, представляющая лишь нелепое право и в то же время отменяющая постановления всех европейских государей, собиравшихся на конгрессе. Но, повидимому, он остался глух ко всем советам и ставит выше всего свою всемогущую волю. Общеизвестно, что всякая власть основана на праве божественном и законном или же на праве, проистекающем из единодушного избрания народом. Это последнее может иметь применение только в республиканском строе, и всякое правление монархическое и наследственное является уже, тем самым, законным, а не выборным, одним словом, одно поглощает другое. Отсюда очевидно, что Луи-Наполеон, основывая свою власть на двух диаметрально противоположных принципах, отрицает втихомолку присущую каждому из них силу и идет против здравого смысла, опираясь одновременно на два принципа, по природе своей противоречащие один другому. Итак, эта новая комбинация покоится на явно шатких основаниях, потому что они, по существу, противоречат одно другому и не допускают никакой между собой аналогии. На таких основаниях никак нельзя утвердить власть, не вызывая ни сомнений, ни возражений. Предоставляемое императору право установить порядок престолонаследия, открывая путь для множества новых претендентов, угрожает в будущем Франции рядом непрерывных волнений и неисчислимых бедствий...

[К делу III Отд. 1 экзп., № 191, пак. 10 (2), лл. 300—330 об.].

В донесении от 9 декабря 1852 г. Толстой снова бесконечно и праздно резонирует относительно титула «Третьего» Наполеона. Более интересно (но, конечно, не ново) его сообщение об увеличении французского корпуса жандармов на тридцать тысяч человек. Еще менее интересно донесение от 26 января 1853 г., сплошь посвященное парижским сплетням и пересудам по поводу женитьбы нового императора на испанской графине Евгении Монтихо. Это так поглощает Якова Толстого, что он ни о чем другом тут и не пишет.

Но зато совсем иной характер имеет донесение от 10 июня 1853 г. Веяние приближающейся бури уже чувствуется ясно. Николай I уже успел совершить ряд поступков, которые должны были привести его к гибели. Уже чрезвычайный посол Меншиков успел совершить знаменитый свой визит к султану, «не снимая пальто», уже успел после этого молодецкого визита выехать из Константинополя, уже Николай распорядился двинуть войска в Молдавию и Валахию...

Англия и Франция уже не скрывают своего намерения защитить Турцию, слухи о громадной надвигающейся войне растут, но и царь в Петербурге, и его тайный агент в Париже, как бы пораженные какой-то странной слепотой, продолжают ничего не видеть и ничего не понимать. Глупейшие «угрозы» Якова Толстого, что Россия выставит в случае войны в о с е м ь м и л л и о н о в солдат, по его мнению, должны были запугать его собеседников в Париже. Он и не подозревал, насколько осведомлен был французский штаб об истинных силах и о степени оснащенности и технической подготовки русской армии. Утешая своих петербургских корреспондентов, Яков Толстой старается внушить им, что при первом же военном выступлении своем Французская империя будет низвергнута изнутри, революцией. Подобные донесения очень и очень принимались во внимание и Николаем I и его сыном, получившим в наследство крымскую войну. Мы знаем из других источников, что, например, весной и летом

1855 г., когда Севастополь уже погибал, Александр II выражал упование, что, авось, революция в Париже спасет осажденную русскую крепость.

Приводим часть донесения Якова Толстого, хорошо характеризующую политическую атмосферу в Париже и отчасти в Англии в эту тревожную предвоенную пору.

№ 123

Париж, ^{29 мая}
10 июня 1853 г.

С некоторого времени идут упорные слухи о войне, которые вызывают волнение во всей Франции: курс на бирже сильно падает, встревоженные капиталисты припрятывают свои деньги, и все уверены, что мы находимся накануне всеобщей войны. Эти слухи вызваны отъездом князя Меншикова¹²⁸ и краткими сообщениями о всех тех инцидентах, которыми отмечено было его посольство и которые газеты хвастливо раздули и снабдили злобными комментариями. Возникновению этих слухов помогли также слова, приписываемые Луи-Наполеону, который, будто бы, сказал, что «при первом известии о разрыве между Россией и Портой он прикажет своим войскам занять Бельгию и Пьемонт». Весьма трудно, однако, утверждать, в какой мере все это правдоподобно. Скорее, это даже сомнительно, и многие хорошо осведомленные люди считают, что эти слова никогда не были сказаны императором, который отличается выдержкой и планы которого в достаточной мере непроницаемы. Поэтому надо признать, что, по всей вероятности, слова эти были выдуманы кем-либо из окружающих императора, мечтающих только о победах и завоеваниях. С другой стороны, тон английских газет не мало способствовал тому, что слухам этим придавали веру и приходили в смятение. Необходимо отметить, что внезапная перемена, происшедшая во взглядах на восточный вопрос у главных органов британской прессы, особенно на страницах «Times», не может считаться естественной. Эти взгляды чересчур резко расходятся с тем, что высказывалось раньше. Приводимые теперь в «Times» аргументы диаметрально противоположны тем, которые высказывались там еще недавно, в начале миссии князя Меншикова. Объясняется это тем, что переговоры относительно протектората над христианскими подданными Турции имели в виду некоторые преимущества, которые могли затронуть коммерческие интересы Англии. Общеизвестно, что лондонские газеты, и в особенности «Times», в своих взглядах руководствуются лишь тем, большие или меньшие выгоды для английской торговли могут быть извлечены из того или другого политического положения. К тому же известия, получаемые с Востока, несомненно, преувеличены и часто противоречивы. Эти неудобства возникают оттого, что первый попавшийся человек может пользоваться электрическим телеграфом, который должен бы быть только в исключительном пользовании правительства.

Статья «Journal des Débats» в номере от 1 июня, сообщенная мне еще накануне выхода, заметно успокоила тревогу и вызвала значительное повышение курса. Наоборот, воинствующая партия и правительственные органы печати, как «Le Constitutionnel», «La Presse», «Le Pays» и др., рвут и мечут по поводу так называемой ими измены «Journal des Débats», его «казацкой политики» и т. п.¹²⁹. В тот же день лорд Шельбёрн, встреченный мною в клубе, сказал мне с самодовольным видом: «Надеюсь, что Россия задумается над угрожающей ей опасностью, если осмелится объявить войну Турции, в особенности, когда увидит флаг адмирала Дендаса у входа

в Дарданеллы». «Во всяком случае, милорд,—возразил я ему с живостью,—вы вспомните потом, что имели дело не с королем Оттоном и что то, ради чего мы будем воевать, нечто иное, чем интересы еврея Пачифико»¹³⁰.

После этого я покинул его, пораженного моим ответом, не желая продолжать разговор, который мог бы принять неприятный оборот, тем более, что вокруг нас было большое количество людей, фанатически преданных

Mr J. de Tolstoy.

Conseiller d'Etat Attaché à l'Ambassade de Russie

27 rue Montaigne Paris 5e Arrondissement

Mr J. de Tolstoy.

Conseiller d'Etat actuel

Attaché à l'Ambassade de Russie.

34, rue de Penthièvre.

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ Я. Н. ТОЛСТОГО, 1850—1860-е гг.

Частное собрание, Париж

мусульманству и в силу этого противников христиан. Другой член клуба спросил меня, не являюсь ли я вдохновителем статьи в «Journal des Débats», на что я ему ответил, что статья г. Бертена была внушена здравым смыслом и что она была основана на самых подлинных документах. Я добавил, что если бы я был автором подобной статьи, то привел бы неопровержимые доводы того, что случись, к несчастью, война, вся вина за нее падет исключительно на Францию и Англию.

Только обе эти страны и окажутся виновными перед потомством за потоки пролитой крови. Франция первая начала при содействии г. де Лавалета¹³¹ путать карты, и, когда Россия захотела восстановить status quo, Франция отправила 6 или 7 кораблей, которые должны были угрожать России ее гневом. Англия, под влиянием страха перед Францией, присоединилась к ней и начала применять в отношении огромной Российской империи целую систему запугиваний и угроз, и такая бесчестная

и немного глуповатая политика поставила русское правительство в необходимость занять более враждебное положение. Другой собеседник сказал мне: «Но подумайте, ведь Турция может выставить армию в 448 тысяч человек». Я возразил, что такое огромное количество в большей части своей недисциплинированных бойцов является скорее помехой в войне. Затем, добавил я, «если бы наш император пожелал объявить, что это священная война, я уверен, приняв в расчет религиозность русского народа, что внезапно и стихийно возник бы крестовый поход, и не только 448 тысяч, но 8 миллионов поднялись бы сразу». Положительно нельзя шагу ступить, чтобы не встретить людей встревоженных, расспрашивающих вас со страхом относительно возможности европейской войны. Однако, надо отметить, что большинство этих вопрошающих заканчивает свои расспросы соображением, что европейская война ни в коем случае не может быть начата Францией, не только потому, что страна еще не оправилась от происходившей в ней смуты, но и оттого, что недовольство против сурового и дорого стоящего правительства Луи-Наполеона распространяется по Франции с изумительной быстротой и охватывает все классы общества. Демократическая партия поднимает голову, и революционный комитет, организованный на острове Джерси¹³², у самых границ Франции, развивает широко свою деятельность. Ждут только момента, когда возникнет война, чтобы поднять восстание во Франции, где все для этого подготовлено. Правительство не может не знать про все эти происки, но чувствует, что оно бессильно их прекратить. Воинственный дух генералов, заседающих в Сенате и в Законодательном корпусе, пробудился опять с комической горячностью. Принц Наполеон, облекшись в мундир генерал-лейтенанта, мечтает, что он призван воскресить славу своего дяди и одержать победу над всеми врагами Франции. Дух завоеваний значительно обострился с тех пор, как Англия открыто стала на сторону Турции и решила действовать в согласии с Францией. Слухи об европейской коалиции, к которой, будто бы, присоединились Австрия и Пруссия, только усилили воинственное увлечение как старых остатков армии первой империи, так и молодого генерала¹³³, которого шутки ради Луи-Наполеон дал своей армии. Не слышно более разговоров о мести за поражение при Ватерлоо и за плен на св. Елене, нет больше речи о занятии Бельгии,— Восток составляет предмет всех разговоров и всех планов военных кампаний...

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (4), лл. 71—78].

Спустя несколько дней, 18 июня 1853 г., Яков Толстой пишет новое донесение, в котором констатирует продолжающуюся предвоенную горячку в Париже, сменяющие друг друга слухи о войне или мире и т. д. Он отмечает, что демократы и социалисты твердо уверены в неизбежности войны. Передает также, что французской прессе велено поддерживать Турцию и Англию.

№ 124

Париж, 6/18 июня 1853 г.

Политическое положение в восточном вопросе остается прежним, оно тревожно, очень натянуто, в особенности же переменчиво. Бывают дни, когда панический страх охватывает всех, повсюду раздаются воинственные крики, враги правительства поднимают голову, легитимисты, орлеанисты и республиканцы с нетерпением ждут первого пушечного выстрела—

и мирный обыватель всем этим подавлен. На следующий день все меняется—никто не верит в близость войны, она невозможна материально и неосуществима по моральным соображениям. То приезд графа Панина, то известие о прибытии великой княгини¹³⁴ успокаивают умы и повышают курс на бирже. При всей этой путанице трудно разобраться в истинных намерениях правительства, которое непрочь было бы затеять войну, необходимую, по его мнению, для армии, но представляющуюся, однако, опасной в отношении населения. Но одних желаний недостаточно, нужно в данном случае иметь и соответствующие возможности. Тут камень преткновения, о который разбиваются все воинственные планы и мечты о пустой славе нового императора, серьезным образом считающего себя прирожденным завоевателем. Однако, достоверно, что республиканско-социалистическая партия твердо убеждена в том, что европейская война произойдет неизбежно. Это видно из слов членов партии, которых не постигла кара правительства и которых в достаточной мере много в Париже, а также из разговоров недовольных из других политических партий, которые прежде играли важную роль, а при теперешнем режиме обречены на бездеятельность и безвестность. Подкрепляется это мнение и тем обстоятельством, что главари демократического движения покинули Лондон. Мадзини и Кошут две недели назад выехали оттуда в неизвестном направлении¹³⁵.

Пресса вынуждена или воздерживаться или брать сторону турок. Это молчание обязательно не только для газет. Ни одна брошюра не смеет касаться турецкого вопроса, и вообще запрещено печатать что-либо, противное политической линии, принятой правительством...

... Очень забавно смотреть, как эти старые *ratapoils*¹³⁶—так их здесь зовут—толкуют о планах войны, о неизбежных победах и с заржавленными шпагами в трясущихся старческих руках хвастливо грозятся разгромить русскую армию. Молодые люди также унаследовали от своих отцов бахвальство, слабость, присущую природе французского характера. Шовинизм все возрастает, все кричат, что нужна хорошая война, чтобы поднять доблесть французов, усыпленную вследствие отсутствия случая, где она могла бы выявиться.

На этих днях был вечер у принцессы Матильды¹³⁷. В числе приглашенных был оттоманский посол Вели-паша¹³⁸. Принцесса обратилась к нему с вопросом: «Скажите, господин посол, будет у нас война или нет, успокойте нас». Вели-паша ответил на прекрасном французском языке, на котором он говорит почти без акцента, но с некоторою медлительностью: «Я считаю возможным уверить ваше императорское высочество, что войны не будет, по крайней мере, таково мое личное убеждение. Однако, если русские будут настаивать на своих требованиях, придется воевать. Если мы уступим, то мы погибли, тогда как при войне у нас могут оказаться кое-какие шансы на спасение». Повидимому, Вели-паша выучил наизусть эту фразу и стереотипно повторяет ее повсюду, так как мне передавали, что буквально то же самое он сказал на вечере у госпожи Троллон, жены председателя Сената...

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (4), лл. 82—84, 92—93]

На полях этого донесения Орлов написал: «При нынешних обстоятельствах, чтобы судить о вранье в Париже, оно довольно интересно». Это, повидимому, общий отзыв о донесении. Рядом с пометой Орлова Нико-

лай I собственноручно выразил свои настроения следующими строками: «Да, мало надежды на такую развязку, все с ума сбрели». Это, очевидно, относится к упованиям Якова Толстого на возможность мирной развязки.

Очень характерен, между прочим, в этом донесении отчет о маневрах парижского гарнизона, происходивших в Сатори 15 июня 1853 г. Конечно, Яков Толстой взирает на французскую армию с высоты величия николаевской шагистики, превратившей, как вскоре оказалось, русское войско в кордебалет, умеющий выкидывать на парадах разные штуки ногами и руками и совсем бессильный перед европейскими прекрасно вооруженными армиями. Теперь, накануне крымского разгрома, Яков Толстой с комической важностью критикует французов и всячески успокаивает царя. В общем, на этих маневрах, по мнению Толстого, и то не так, и это неисправно. Несомненно, Николай I в последние дни перед своей «простудой» в начале 1855 г., когда из Крыма шли вести о позорных и непрерывных поражениях, не раз должен был вспомнить, как его обманывал, в числе прочих, Яков Толстой, отзываясь о французской армии—в угоду царю—так, как он о ней отзывался в своих донесениях.

Два последних донесения Якова Толстого, присланных из Парижа до выезда его в Брюссель, относятся к самому началу 1854 г. Первое помечено 3 января, а второе 18 января 1854 г.

Катастрофа придвинулась уже совсем близко. Не сегодня-завтра Франция и Англия ввяжутся в русско-турецкую войну и начнут громить Одессу, Николаев, Севастополь, начнут высаживать десанты на черноморском побережье Кавказа в помощь Шамилю. Всякий, кто знает историю крымской войны, хорошо помнит, что именно синопский бой в ноябре 1853 г. и толкнул окончательно Наполеона III и Англию на войну с Россией. Яков Толстой, явно извращая истину, стремится уверить, будто только англичане в самом деле раздражены и огорчены синопской победой Нахимова над турками, а французы только притворяются огорченными. Но и он вынужден признаться, что вся французская пресса—против России. Единственным средством против зла Яков Толстой попрежнему считает прямой денежный подкуп парижских журналистов. Для доказательства он приводит курьезнейшую и правдоподобную историю о подкупе газеты «Siècle» турецким посольством. Продолжая губительную (для Николая) политику успокаивания царских нервов ложью и преувеличениями, Яков Толстой приводит мнимые слова министров Наполеона III, будто в случае войны Франции грозит банкротство, а французскому императору—революция и т. п. Правда, тут же он приводит и более тревожные и более правдивые известия о быстро усиливающемся шовинизме, о полной, судя по всем признакам, неизбежности войны.

Сильное раздражение против России волнует как парижское, так и лондонское общество. Настроение умов в обеих странах было доведено до такой степени экзальтации всеми возможными средствами. Пресса и полиция попеременно прилагали все новые и новые усилия, чтобы внушить ненависть к нам и симпатии к туркам. Но легко убедиться в том, что если в Англии эта ненависть кажется искренней, то во Франции она вызвана только искусственно. Действительно, когда пришла весть о синопской победе¹³⁹, у парижан заметна была более радость, чем грусть,

между тем как в Лондоне весть эта вызвала настоящее бешенство. И, конечно, там это было естественно и проистекало из британской гордости, считающей, что англичане одни только способны побеждать на море. Грустно видеть, что эта ненависть к России в значительной степени создана прессой. Эта гидра, которую стараются уничтожить, возрождается опять,

Я. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография, 1860-е гг.
Частное собрание, Париж

раз есть возможность творить зло, и она теперь доказала, что следует еще опасаться ее пагубного могущества. Здесь, в Париже, вся журналистика набросилась на нас. Одна лишь газета «Assemblée Nationale»¹⁴⁰ защищала нас на свой страх, да и то с оглядкой. Тысячи брошюр появились с тех пор, что восточный вопрос озабочивает мир, и все они направлены против нас. Я один, можно сказать, вел непрестанную борьбу, но что мог я сделать

один против множества? Если мне удавалось открыть глаза нескольким сотням, то тысячи, увлекаемые газетами, нас покидали, чтобы перекинуться на сторону врага. Недавно г. Летелье, редактор «Assemblée Nationale», который часто советовался со мной по поводу статей, печатаемых там в наших интересах и принимал мои сообщения, заявил мне, что их денежные средства приходят к концу, что, получив уже два предостережения, они находятся в большом страхе и терпят огромный ущерб. В начале года у них было 14 тысяч подписчиков, а теперь у них их осталось только 6 тысяч. Он рассказал мне также, что они получили 50 с лишком писем, написанных все в одном стиле. Он познакомил меня с одним из них нижеследующего содержания: «Более пяти лет, м. г., состою я подписчиком вашей газеты, потому что считал вас за француза, но в настоящее время, заметив, что вы русский, я прекращаю подписку: желаю, чтобы вы вернулись к более патриотическим взглядам». Подписано—барон де Пьер. Не приходится сомневаться в том, что антипатия, которой все проникнуто против нас, является результатом стараний прессы и что это недружелюбное отношение к нам, как бы искусственно оно ни было, может неблагоприятно отразиться на нашем святом деле и увеличить число наших врагов. К несчастью, единственное средство предотвратить последствия этой пагубной пропаганды—это платить. Убеждения в этой продажной стране продаются тому, кто дороже платит. Один из бывших сотрудников «Siècle», покинувший эту газету вследствие разногласий с главным редактором, рассказал мне, что турецкое посольство самым регулярным образом платит редакции этой газеты ежемесячно по 100 наполеондоров (2000 фр.) и что ему самому неоднократно приходилось принимать эти деньги от Сельфис-бея¹⁴¹, выдавая соответствующие расписки. Он же передал мне, что в октябре, когда эта сумма не была уплачена в срок, заведующий редакцией навел справки по поводу этой задержки. Оказалось, что турецкий посол решил из экономии воздержаться от уплаты, полагая, что, раз общественное мнение в достаточной мере уже благоприятно настроено по отношению к Турции, нет оснований продолжать далее этот излишний расход. И вот тут-то, ко всеобщему удивлению, и появилась ироническая и почти враждебная Порте статья, и оттоманский посол, испуганный этой внезапной переменой фронта, могущей оказать неблагоприятное впечатление, поспешил внести обусловленную плату, и «Siècle» вновь сделался одним из самых фанатических приверженцев султана.

Г-н Вольферс¹⁴² передал мне рукопись приготовленной им к печати брошюры под заглавием: «La Russie et l'équilibre européen» [«Россия и европейское равновесие»], прося меня сделать нужные изменения и замечания. Мы вполне договорились с ним относительно указанных мною исправлений и дополнений, которые я посоветовал ему сделать в этой его работе. Брошюра произвела большое впечатление при своем выходе в свет. Главные газеты отозвались о ней, как о замечательной публикации, так что автор мечтает выпустить ее вторым изданием, снабдив его предисловием, в котором он думает поместить новые аргументы в пользу своего мнения о неотложной необходимости союза России с Францией.

Тот же самый публицист, бельгиец по происхождению, выполнивший также несколько поручений нидерландского правительства, сообщил мне рукопись своей другой работы под заглавием: «L'Etat de la Belgique dans ses rapports avec la France» [«О положении Бельгии в ее сношениях с Францией»], которую я прилагаю при сем, не разделяя, впрочем, вполне пред-

лагаемых автором мероприятий. В этой рукописи отмечаются важное значение маленького Бельгийского королевства и безусловная необходимость защитить его от хищнических поползновений Франции. Автор указывает на средства, при помощи которых, по его мнению, этого можно было бы

N° 124. Paris, le 6/18 Juin, 1853. 82

Mon intention est de vous adresser une lettre au sujet de France & surtout des événements militaires.

La situation politique en regard des affaires d'Orient est toujours la même, elle est inquiétante, très tendue & surtout infiniment variable; il y a des jours où une terreur panique s'empare de tout le monde, le cri de guerre retentit de tous côtés, l'espoir des ennemis du gouvernement serissime, légitimistes, orléanistes & républicains attendent avec impatience le premier coup de canon, l'habitant paisible en est consterné. Le lendemain tout change, personne ne croit à la guerre, elle est

Собственно это не докладная Якушу министру, а письмо к нему. Да, я хочу написать не только разведать, но и что-нибудь сказать. 18 июня 1853.

ДОНЕСЕНИЕ Я. Н. ТОЛСТОГО ОТ 6/18 ИЮНЯ 1853 г.

Первая страница

Сверху пометы А. Ф. Орлова и Николая I

Архив революции, Москва

с успехом достигнуть, но эти самые средства, в глазах людей практических, далеко не представляются безошибочными, пока на опыте не будет доказана их осуществимость. Как бы то ни было, этот проект, весьма недурно изложенный, не имеет, повидимому, вопреки утверждению автора, особых шансов на успех, а, наоборот, должен встретить неисчислимые трудности.

Автор доказывает только, что, в случае возникновения европейской войны, Бельгия будет в несколько часов и без всяких затруднений оккупирована французской армией и что, вне всякого сомнения, бельгийские войска не окажут в этом случае никакого сопротивления и сами с радостью перейдут под французские знамена. Это находит свое подтверждение в словах Луи-Наполеона; когда ему сказали, что Бельгия располагает армией в 100 тысяч человек, он ответил: «Тем лучше для нас, это на 100 тысяч больше в моей армии».

С момента, как получено было известие об отставке лорда Пальмерстона¹⁴³, Луи-Наполеон находится в сильном раздражении, которое заметно, несмотря на его обычную флегматичность. Он послал за маршалом де Сент-Арно¹⁴⁴ и приказал ему приготовиться к мобилизации армии численностью в 600 тысяч человек. Военный министр ответил ему, что, призвав под знамена запасных, можно вполне достигнуть этой цифры и что она находится в полном соответствии с его мобилизационными планами, но что вряд ли хватит средств на содержание такой армии.

На это Луи-Наполеон в раздражении сказал, что «если его политика того потребует, он сумеет найти способы достать деньги, а что, если его министры не смогут оправдать его доверие, он найдет других». Военный министр отправился после того к Фульду и Барошу¹⁴⁵ и сообщил им о том, что произошло—они все трое опасаются войны. Они полагают, что, если только она возникнет, неизбежно падение правительства, с которым они связаны своим участием в перевороте. Г-н Фульд неоднократно повторял: «Война—это банкротство». На следующий день было созвано заседание совета министров. Персиньи¹⁴⁶ говорил с гневом, что скоро придется иметь против себя всю Европу. Друэн де Люис¹⁴⁷ объявил, что нет оснований сомневаться в Англии, она не изменит союзу. Сент-Арно заявил просто-напросто, что раньше, чем нападать, нужно воздержаться от поступков, которые напоминали бы поступки сумасшедших. Персиньи после этого, приходя еще больше в гнев, воскликнул, что нельзя сомневаться в его преданности династии и что его советы—это советы преданного и бескорыстного друга. Совет министров разошелся среди всеобщего волнения, не приняв никакого решения.

Известно, что Луи-Наполеон всегда оставляет за собой принятие единолично того решения, которое он считает для себя подходящим.

Чтобы понять гнев г. де Персиньи, необходимо знать, что он поддерживает самые интимные отношения с Иеронимом Бонапартом и его сыном. Между тем, Иероним придерживается убеждения, что Европа надует императора, его племянника, объединившись против него. И отец и сын желали бы, чтобы вошли в соглашение с революционерами всех стран и, в особенности, примирились с республиканцами Франции. Они предлагают свои услуги для того, чтобы устроить это примирение. Луи-Наполеон, у которого свои виды, не разделяет доверия дяди и племянника к союзу с республиканцами. Он опасается, что, если он доверится им, они первые толкнут его к гибели. Он даже подозревает своего кузена в том, что тот советует этот союз, имея в виду свергнуть его потом и самому занять его место. Недавно Луи-Наполеон сказал: «Если бы я был уверен в республиканцах, я не боялся бы Европы, а если она выведет меня из терпения, я сброшу свою корону, надену фригийский колпак и провозглашу всемирную республику». Инстинкт Луи-Наполеона подсказывает ему, что республиканцы—его смертельные враги.

В настоящее время последний том стихов Виктора Гюго воскрешает непримиримую ненависть¹⁴⁸. 40 тысяч экземпляров этого тома распространены только в одном Париже, несмотря на бдительность полиции. Г-н де Персиньи уверен, что его императору не суждено долго жить,—возможно, что он умрет естественной смертью, возможно, что его убьют, и потому он сблизился с Иеронимом и всецело предался их политике и их интересам. Я получил эти подробности из очень хорошо осведомленного источника¹⁴⁹.

[К делу III Отд. 1 эксп., № 191, пак. 10 (4), лл. 156—163 об.].

В противоположность предыдущему донесению, письмо от 18 января 1854 г., последнее присланное Толстым из Парижа, в значительной своей части совершенно лишено интереса. Это длиннейшее и очень шаблонное не только по содержанию, но и по форме изложение официальной русской точки зрения на синопский бой, на занятие дунайских княжеств русскими войсками и т. п., изложение, сделанное Яковом Толстым в разговоре со знакомым ему французским сенатором Дюпеном. Трудно понять, для какой надобности Толстой все это пишет. Но ответ Дюпена на все эти разглагольствования о правоте и святости русского дела совершенно недвусмысленный: война неизбежна. И снова утешительный рефрен к концу: Франция накануне банкротства, Ротшильд отказывает в займе Французской империи и т. д. Как известно, финансы Франции стояли прочно, золотое обращение не колебалось, финансисты всей Европы предлагали займы...

На этом мы обрываем выдержки из имеющихся в наших руках донесений Якова Толстого. Если, по словам поэта, в это время «под говор лжи и лести» царская Россия подошла к краю гибели, то, бесспорно, в этом «говоре» весьма видную роль сыграли докладывавшиеся непосредственно Николаю сообщения Якова Толстого. Но и с этой точки зрения его последние донесения не лишены исторического интереса.

Вообще же повторим то, с чего начали: эта корреспонденция агента Бенкендорфа и Орлова дает некоторые яркие штрихи и мазки, воскрешающие разом всю историческую обстановку момента, и историк Франции, несомненно, не откажет во внимании многим страницам этих донесений, с незначительной частью которых мы только что ознакомили читателя.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Помещаемые в настоящей публикации донесения Якова Толстого извлечены из обширной переписки его с III отделением, охватывающей период с конца 1836 по 1867 гг. Донесения в собственном смысле слова, т. е. отчеты Толстого шефу жандармов о состоянии французской прессы, о происходящих событиях и пр., сохранились лишь по 1855 г. включительно. Судьба остальных неизвестна, и не исключена возможность, что они просто еще не разысканы в архивах. С октября 1837 г. по январь 1854 г. корреспонденция Толстого помечена Парижем, с марта 1854 г. и за 1855 г.—Брюсселем, куда во время крымской войны переехал Толстой. Донесения, как правило, нумерованы; донесений к Бенкендорфу—58, к Орлову—188; за единичными исключениями, все они налицо. Начиная с 1848 г., рапорты часто отправлялись без подписи и без обозначения адресата. К своим сообщениям Толстой прилагал обычно всевозможный печатный материал; последний почти не сохранился.

Кроме донесений Бенкендорфу и Орлову, в архиве III отделения имеются письма Толстого к А. А. Сагтынскому (чиновнику особых поручений при III отделении) и к Дубельту. Эти письма служат зачастую хорошим дополнением к отчетам Толстого. Вся переписка его, кроме нескольких писем к Дубельту и ответов последнего, а также незначительного числа других документов,—на французском языке.

При отборе текстов для публикации была взята переписка, отражающая наиболее яркие политические события, свидетелем которых был Толстой (восстание Бланки, переворот 2 декабря 1851 г. и т. п.); далее отчеты, характеризующие французскую прессу, следить за которой было основной обязанностью Толстого; наконец, документы, сообщающие новости литературной жизни Франции. Ограниченный размер публикации не позволил, однако, и в этих суженных рамках дать исчерпывающе весь заслуживающий внимания материал, и значительное количество его осталось неиспользованным. Хронологически публикуемые выдержки обрываются на январе 1854 г., т. е. на том моменте, когда Толстой выехал из Франции и перестал быть очевидцем парижской жизни.

Переписка Толстого хранится в Архиве революции в Москве, под рубрикой «Дело III отделения 1-й экспедиции № 191 (начато в 1836 г.)», с подразделением на литеры А—Н и на части 1—6. Донесения за 1849—1855 гг. сложены в особые картонки с заголовком: «К Делу 1836 г. № 191», а внутри картонок разложены в пакетах по годам. Под рубрикой «Дело III отделения 1-й экспедиции № 95» выделены составлявшие по-русски резюме донесений Толстого за 1854 г. Донесения за 1848 г. изъяты из общей переписки Толстого в «Дело III отделения 1-й экспедиции № 337. О политических переворотах в Европе, ч. I» (хранится в ГАФКЭ, в Москве). Отдельные письма и документы Толстого встречаются и в ряде других дел III отделения. Это объясняется тем, что, не довольствуясь порученной ему систематической информацией о французской прессе и французской политической жизни, Толстой сообщал также, от случая к случаю, разнообразные попадавшие в поле его зрения факты, которые, по его мнению, могли заинтересовать начальство. Например, о русских подданных, «уклоняющихся от православия», о проживающих самовольно за границей, о поляках в Париже и т. д. При существовавшей в III отделении системе классификации дел эта переписка изымалась из «Дела» Толстого, попадая в соответствующие предметные рубрики.

О существовании переписки Толстого с III отделением известно уже давно. П. Е. Щеголев еще в 1904 г. указывал, что в архиве III отделения имеются «кипы (буквально) его донесений из Франции... которые, быть может, представят даже интерес для историков Франции, ибо Толстой обстоятельно знакомил своих хозяев с политической жизнью Франции, с революциями...» (Щеголев П. Е., Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, ГИХЛ, 1931, 61). Имел доступ к материалу и М. Лемке, судя по ряду его указаний о Толстом (Лемке М., Николаевские жандармы и литература, СПб., 1909, 105—106). Однако, до последнего времени этот архивный материал оставался неизученным, в противоположность документации, относящейся к первому периоду жизни Як. Толстого, связанному с его участием в тайных обществах и со встречами с Пушкиным (см. Модзалевский Б. Л., Я. Н. Толстой. Биографический очерк.— «Русская Старина», 1899, IX—X; Щеголев П. Е., цит. соч., 39—68; Щеголев С. А., Памяти декабристов. Сборник материалов. Изд. Академии наук СССР, 1926, в. 2, 164—188 и др.). Исключение составляют лишь донесения Толстого о революции 1848 г., опубликованные Центрархивом («Революция 1848 г. во Франции. Донесения Я. Толстого», ГИЗ, Л., 1926). Донесения эти, как указано выше, выделены из общей переписки Толстого.

Помимо III отделения, Толстой посылал корреспонденции в министерство народного просвещения, корреспондентом которого (см. ниже) он официально числился одновременно со службой в III отделении. Эта переписка осталась нам неизвестной. В бывшем архиве министерства, по справке Ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЛОЦИА), сохранился лишь ряд деловых бумаг, письма по вопросам снабжения министерства и лично министра выходившими во Франции книгами и журналами, а также отчет Толстого от 1/12 января 1843 г. о состоянии народного образования во Франции. Последний документ был опубликован проф. А. Мазоном (Mazon A., Rapport d'un Russe sur l'instruction publique en France en 1842.— «Feuilles d'Histoire», 1914, № 7, 1 juillet). По сообщению профессора Мазона, очень большой личный архив Толстого сохранился в Париже, в одном из частных собраний.

Служебные бумаги Толстого, судя по документам III отделения, поступили, повидимому, после его смерти в распоряжение русского посольства в Париже.

² Перечень (неполный) печатных работ Толстого дан Б. Л. Модзалевским в названной выше статье его в «Русской Старине» (1899, IX—X); см. также Quérard (J.-M.), Les supercheries littéraires dévoilées, P., 1870, III, 476—477.

³ См. Дело III отделения 1 экспедиции № 191, ч. I, 1836, л. 2—отпуск письма Бенкендорфа Палену. Бенкендорф сообщал здесь, что он докладывал царю о желательности использовать Толстого для сношений с французскими журналистами и что Николай I распорядился вызвать предварительно Толстого в Петербург. Палену поручалось передать это распоряжение по назначению, а также заплатить долги

Толстого (не свыше, однако, 10.000 руб.), если они служат препятствием к его выезду из Парижа.

⁴ Этот совет был осуществлен. 18 февраля 1837 г. Толстой, по высочайшему повелению, был назначен корреспондентом министерства народного просвещения (см. Дело III отд. I эксп. № 191, ч. I, лл. 14—16, а также «Формулярный список» Толстого—ЛОЦИА, фонд департамента народного просвещения, д. № 141592, кар. 3779 (1866 г.).

⁵ D u g a n d Шарль (ум. в 1848 г.)—французский литератор, редактор «Journal de Francfort», выходявшей на французском языке и субсидировавшейся русским, австрийским и прусским правительствами; агент III отделения (1833—1839). В делах III отделения сохранились его донесения и переписка с ним (Дело III отд. I эксп. № 761, ч. I—6). О Дюране см. также в статье С. Д у р ы л и н а, Александр Дюма-отец и Россия, стр. 498—501 настоящего издания.

⁶ П а л е н Петр Петрович, граф (1778—1864)—русский посол во Франции в 1835—1851 гг.

⁷ П а с к е в и ч Иван Федорович, граф Эриванский, светл. кн. Варшавский (1782—1856). Перу Толстого принадлежала биография Паскевича: «Essai biographique et historique sur le feld-maréchal, prince de Varsovie, comte Paskevitch d'Erivan», Р., 1835, переведенная также на польский язык (1840). Этой книгой, преследовавшей цель реабилитировать в глазах общественного мнения Франции усмирителя Польши, Толстой приобрел себе в лице Паскевича надежного покровителя. По мнению Б. Л. Модзалевского, Паскевич помог ему получить прощение николаевского правительства, до тех пор остававшегося глухим к его покаяниям (см. М о д з а л е в с к и й, цит. соч.—«Русская Старина», 1892, X, 185—186). Помещаемое письмо Паскевича к Бенкендорфу подтверждает это предположение. См. также Г о л о в и н Ив., Записки, Лейпциг, 1859, 77.

⁸ «G a z e t t e d e F r a n c e» (1631—1914)—старейшая французская газета, наиболее видный из роялистских органов. После Июльской революции вела непрерывную борьбу с правительством Луи-Филиппа, во имя восстановления легитимной монархии. Газета стремилась «примирить» защиту монархических традиций с демократическими свободами, высказывалась за всеобщее избирательное право, заигрывала с республиканцами.

⁹ «L a Q u o t i d i e n n e» (1792—1847)—одна из старейших роялистских газет, пользовавшаяся большой известностью. Во время Реставрации—орган крайней роялистской и клерикальной правой, прозванный за свои призывы к самой оголтелой реакции «кровавой монашкой» («La ponne sanglante»). При Луи-Филиппе—орган воинствующей фракции легитимистской партии, призывавший к насильственному свержению династии Орлеанов. Газета постоянно подвергалась преследованиям и штрафам со стороны правительства Луи-Филиппа.

¹⁰ «L a P r e s s e» (1836—1931?)—известная французская газета, основанная Эмилем Жиранденом. «La Presse» произвела переворот в организации газетного дела во Франции, первая снизив вдвое подписную плату (с 80 до 40 фр.) и построив свое материальное благополучие на многоотраженности и доходах с объявлений. Газета пользовалась для своего времени очень широким распространением, занимая по числу подписчиков второе место среди французских газет (имела в 1840-х гг. до 20.000 подписчиков). Объявления давали газете (по данным на 1838 г.) до 150 тыс. франков в год. Газета отличалась богатством и разнообразием содержания и насчитывала среди постоянных сотрудников своих ряд авторитетнейших в различных областях знаний имен и крупнейших писателей своего времени. Политическая ориентация «Presse» не раз менялась. В первые годы своего существования—к моменту, описываемому Толстым, она была всецело на стороне Луи-Филиппа.

¹¹ «L a F r a n c e» (1834—1847)—легитимистская газета. По характеристике легитимистского журналиста Ал. Нетмана — «арьергард» легитимистской печати, (N e t t e m e n t A l., La presse parisienne, Р., 1846, 119—120). По числу подписчиков занимала одно из последних мест среди ежедневных парижских газет. В переписке Толстого сохранилась докладная записка редактора газеты, виконта де Ж а й и (J a i l l y Габриэль-Гектор, 1759—1857), предназначавшаяся для Николая I. Записка дает ряд фактических сведений о газете (см. Дело III отд. I эксп. № 191, лит. В, л. 195 об.). С «France» Толстой был наиболее тесно связан в течение всего времени ее существования.

¹² «L a C h r o n i q u e d e P a r i s» (1834—1837)—воскресная политическая и литературная газета; руководил газетой литератор Д ю к е т (Dukette Вильям, 1805—1863), редактор «Dictionnaire de la conversation et de la lecture» (см. ниже, прим. 32). Толстой называет редактором Chronique также Ка п ф и г а (Capefigue Баптист-Оноре-Раймон, 1801—1872), упоминаемого французской библиографией лишь в качестве

сотрудника газеты. Последний был известен в те годы, как автор многочисленных исторических сочинений, написанных в духе крайней монархической и клерикальной нетерпимости, а позднее, как автор «будуарных» романов на исторические сюжеты. Биографы Капфига знают факт получения им от правительства Луи-Филиппа сумм из секретных фондов.

¹³ «*Journal des Débats*» (1789—существует до настоящего времени)—одна из старейших и влиятельнейших французских газет. Во время Июльской монархии пользовалась особым авторитетом. Полуофициоз. Руководил газетой в те годы ее основатель, Бертен (Bertin Луи-Франсуа, так называемый Бертен-старший, 1766—1841). Не ограничиваясь широкой политической информацией, «*Journal des Débats*» держала своих читателей в курсе всего нового в области науки, литературы, искусства, располагая исключительным по блеску личным составом сотрудников. По отношению к официальной России газета занимала резко враждебную позицию, что не мешало ей уделять некоторое внимание русской литературе, искусству, музыке и пр.

¹⁴ Michaud Жозеф-Франсуа (1767—1839)—публицист, историк, член Французской академии (1815), один из видных легитимистов, многолетний редактор и сотрудник «*Quotidienne*».

¹⁵ Laurentie Пьер-Себастьян (1793—1876)—один из виднейших публицистов легитимистского лагеря, редактор и совладелец «*Quotidienne*».

¹⁶ Genoude Антуан-Эжен, аббат (1792—1849),—публицист, многолетний редактор «*Gazette de France*». Духовный сан Женуд принял в 1835 г.

¹⁷ Имеется в виду крайне агрессивная и оскорбительная для поляков речь, произнесенная Николаем I 4/16 октября 1835 г., во время посещения Варшавы, перед польской депутацией. При опубликовании речь была изменена, однако, в европейскую прессу проник не официальный вариант, а подлинный текст (ср. Schiemann Th., Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, B.-Lpz., 1904—1919, III, 277).

¹⁸ Salvandy Нарцисс-Ахилл, граф де (1795—1856),—политический деятель, публицист, историк, член Французской академии (1835), министр народного просвещения (1837—1839), многолетний сотрудник «*Journal des Débats*».

¹⁹ Janin Габриэль-Жюль (1804—1874)—романист и критик, был одним из плодотворнейших писателей своего времени. Помимо «*Journal des Débats*», постоянным сотрудником которой он состоял с 1829 г. и где вел театральный фельетон и помещал литературно-критические статьи, Жанен печатался в те же годы также в «*L'Artiste*», «*Revue de Paris*», «*Musée de Famille*», «*Revue des Deux Mondes*» и ряде других органов. Ни о каких попытках «купить» Жанена в дальнейших донесениях Толстого нет речи.

²⁰ Girardin Эмиль де (1806—1881)—журналист и политический деятель, член палаты депутатов (1834—1839, 1842—1848), инициатор издания во Франции многотиражной дешевой газеты (см. прим. 10-е). Автор многочисленных публицистических сочинений и нескольких (неудачных) драм. Человек большого ума и блестящих дарований, Жиарден был, однако, нечистоплотным дельцом и крайне беспринципным политиком. В рецензии на книгу Жиардена «Социализм и налог» (1850) Маркс писал: «Из всех шарлатанских реклам, сочиненных когда-либо господином Жиарденом, а имя им, как известно, легион, этот проект о налоге на капитал является, несомненно, шедевром» (Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, ИМЭЛ, 1931, VIII, 315). Те же шарлатанские приемы применялись Жиарденом и при ведении газеты. Будучи прекрасным редактором и организатором газетного дела, Жиарден не стеснялся, вместе с тем, в выборе способов привлечения для своего издания денежных средств и решался, «получая правительственную субсидию, стучаться в двери и стоять с протянутой рукой у порога всех иностранных посольств и миссий» (Goltier J. et Lefebvre R., Histoire de la Presse.—«Crapouillot», 1934, juin, 27). Эти свойства Жиардена особенно ярко выступают в публикуемых нами документах.

²¹ «*Revue des Deux Mondes*» (1829—существует до настоящего времени). Этот руководимый Булозом (Buloz Франсуа, 1804—1877) и получивший такую широкую известность журнал успел уже к тому времени завоевать себе положение, уделяя преимущественное внимание литературе и привлекая к сотрудничеству крупнейших писателей и поэтов эпохи.

²² «*La France Littéraire*» (1832—1842?)—литературный журнал, выходивший под редакцией Мало (Malo Шарль, 1790—1871). По указанию французской библиографии, журнал прекратился в 1836 г. (ср. Hatin Eugène, Bibliographie de la presse périodique française, P., 1866, по указателю). Между тем, Толстой пишет о журнале, как о существующем в конце 1839 г. и в октябре 1842 г. (см. Дело III отд. I эксп. № 191, лит. В, л. 300 и лит. D, л. 55 об.).

²³ Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

²⁴ Демидов Анатолий Николаевич, позднее кн. Сан-Донато (1812—1870)—известный богач и меценат. Получив образование во Франции, Демидов был связан с литературными и научными ее кругами. В 1837 г. на средства Демидова была снаряжена научная экспедиция на юг России, в которой принимал участие ряд французских ученых и художников. В конце того же 1837 г. Демидов начал сотрудничать в «*Journal des Débats*».

²⁵ Отставка Тьера 25 августа 1836 г., после пребывания во главе кабинета (первого кабинета Тьера) с 22 февраля того же года.

²⁶ «*La Tribune des Départements*» (1829—1835)—самая влиятельная республиканская газета своего времени, выходившая под редакцией братьев Фабр (Fabre) и А. Марраста (Marrast). Подвергалась непрерывным преследованиям правительства Луи-Филиппа. Число судебных процессов и сумма уплаченных ею штрафов приводятся в литературе, как исключительные по своей величине (до 114 привлечений к суду, до 23 приговоров по ним и до 160 тыс. франков штрафа). Указания Толстого во много раз превышают, однако, и эти баснословные для 30-х годов цифры. Во время процессов «*Tribune*» практиковались сборы средств в ее пользу. Преследования, в конце концов, задушили газету.

²⁷ «*Le Polonais*»—о каком точно органе польской эмиграции идет речь, установить не удалось. Толстой называет «*Le Polonais*» газетой; по другим данным под этим названием в Париже выходил ежемесячный журнал (см. приложение к письму Палена к Нессельроде от 3/15 августа 1836 г.—Фонд М. И. Д., Канц. réception, дело № 153, 1836, л. 96 об. Архив внешней политики, Москва). Натин также называет «*Le Polonais*» журналом, существовавшим, однако, лишь в 1833—1834 гг.

²⁸ Предложение основать во Франции собственную газету, несмотря на поддержку Паскевича, не было принято. Мысль эта не встречала, видимо, сочувствия Николая I. Так, 14/26 января 1843 г., отвечая на письмо Паскевича, снова рекомендовавшего «устроить секретно свой орган печати за границей», царь писал, что находит лишним «отвечать на статьи и брошюры, издаваемые за границей с ругательствами на нас», по той причине, что «кроме того, что считаю сие ниже нашего достоинства, но и пользы не предвижу... Пусть лаят на нас, им же хуже. Придет время, они все будут перед нами на коленях с повинной, прося помощи».—Щербатов, Ген.-фельдм. кн. Паскевич, его жизнь и деятельность, 1896, V, 306—307.

²⁹ Balbi Адриен (1782—1848)—географ и статистик, автор ряда трудов, среди которых наибольшей известностью пользовалось «*Abrégé de Géographie*», P., 1833. В предисловии к этой книге (стр. XXXVIII) Бальби свидетельствует, что Толстой, действительно, оказал ему большую помощь в составлении отдела посвященного России и являлся также автором ряда заметок по Франции, Германии и Италии. Бальби принадлежит также специальная работа о России: «*L'Empire Russe comparé aux principaux états du monde, ou essai sur la statistique de la Russie, considérée sous les rapports géographique, moral et politique*», P., 1829. Участие в этой книжке Толстого, равным образом, оговорено Бальби.

³⁰ «*L'Univers Pittoresque. Histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, mœurs, coutumes, industrie*», P., Firmin Didot-frères, 1835—1856, 62 vls. (Живописная вселенная. История и описание религий, нравов, обычаев, промышленной жизни всех народов). Издание распадалось на разделы: Европа, Америка, Азия, Океания, и выходило в виде монографических работ отдельных авторов. Среди последних Толстого мы не находим. Его участие в «*L'Univers*» ограничивалось, повидимому, подбором и предварительной обработкой материала. Толстой и позднее поддерживал связь с «*Univers*» (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. А).

³¹ Malte-Brun (1775—1826)—географ и публицист. Толстой имеет в виду его известный труд «*Précis de géographie universelle*», издание которого было закончено после смерти автора. В VII томе, посвященном Восточной Европе («*Europe Orientale, peuples slaves*», P., 1833), отмечено, что при составлении раздела России ряд сведений был получен от русских без указания, однако, их имен.

³² «*Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Répertoire des connaissances usuelles*», P., 1833—1852, 68 vls. Энциклопедический словарь, вышедший под общей редакцией В. Дюкэта и при сотрудничестве ряда крупных французских ученых и писателей. Какие именно статьи в словаре написаны Толстым, мы не выявляли. В основном списке авторов словаря он, во всяком случае, не значится (ср. I том 2-го издания словаря 1852 г.).

³³ Толстой вернулся в Париж лишь 21/9 октября 1837 г., сильно задержавшись в дороге (см. донесение № 1 от 24/12 октября 1837 г. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. А, л. 21).

³⁴ Правительство Июльской монархии поддерживало борьбу Уругвая с Аргентиной. В 1838 г. оно посылало эскадру для блокады Буэнос-Айреса. Осенью 1838 г. посы-

лалась также эскадра к берегам Мексики, от которой Франция требовала возмещения убытков, понесенных ею во время гражданской войны в Мексике, и гарантий безопасности для французских подданных.

³⁵ «Le Courrier Français» (1819—1851)—влиятельная в то время ежедневная газета, орган либеральной оппозиции.

³⁶ В большой редакционной статье «Journal des Débats» от 8 сентября 1838 г. сообщала о приказе С. П. Шипова (генерал-лейтенанта, председательствующего в правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского, 1837—1840), запрещающем ношение польского национального костюма и об открытии во всех польских деревнях складов готового платья, в которых население могло бы приобретать себе одежду нового образца. Газета ставила это мероприятие в один ряд с вышедшим ранее распоряжением о введении в школах Польши обязательного обучения русскому языку и квалифицировала его, как один из самых нестерпимых видов пытки, превращающий повседневные привычки и обыденные действия людей в источник мучений. Сообщение «Journal des Débats» было подхвачено другими французскими газетами и послужило поводом для резкой критики руссификаторской политики самодержавия в Польше.

³⁷ Пален, действительно, обратился к Нессельроде, поддерживая просьбу Жирардена. «Хотя,—писал он (переводим с французского),—взгляды, защищавшиеся до сих пор Эмилем Жирарденом, и не отличались слишком высокой нравственностью и он меняет их, поскольку ему это выгодно, я полагаю, что, пока он будет оставаться в тех рамках умеренности, какой придерживается ныне, и будет защищать деятельность нашего правительства от нападков хулителей, его (Жирардена) не следует обескураживать. Тем более, что он просит всего лишь о разрешении допустить распространение его газеты в России». Ответ Нессельроде гласил, что «„Presse“ уже включена в список газет, распространение которых разрешено в России, и публика может, следовательно, приобретать ее путем подписки в санкт-петербургской газетной экспедиции...». Прося Палена уведомить об этом Эмиля Жирардена, Нессельроде предлагал, одновременно, указать ему, что «газета его будет пользоваться предоставленной ей льготой до тех пор, пока она будет вестись в том же умеренном духе, в каком ведется ныне» (Депеша Палена к Нессельроде от 6/18 октября 1838 г.—Фонд М. И. Д., Канц. réception, дело № 170, лл. 44—45. Архив внешней политики, Москва; отпуск депеши Нессельроде к Палену от 20 декабря 1838 г.—там же, лл. 296—297).

³⁸ Molé Луи-Матьё, граф (1781—1855)—в то время и по март 1839 г.—глава кабинета министров.

³⁹ Речь идет о книгах Эмиля Жирардена: «De l'instruction publique en France», 1838; «De la presse périodique au dix-neuvième siècle», 1836; «Etudes politiques», P., 1838.

⁴⁰ «Le Constitutionnel» (1815—1877)—газета либерально-буржуазного направления, игравшая очень видную роль в последние годы Реставрации и в первые дни после июльского переворота. К моменту, описываемому Толстым, и по 1843 г., когда она была куплена доктором Вероном, далеко не пользовалась своим прежним влиянием. Газета являлась органом правительственной ориентации. См. также прим. 71-е и 129-е.

⁴¹ См. прим. 5-е.

⁴² «La France et l'Europe» (1838—1839)—политический и литературный двухнедельный журнал. Выходил при поддержке А. Беррье и редактировался видным легитимистским журналистом Нетманом (Nettement Альфред, 1805—1869), сторонником сближения с Россией. Журнал уделял большое внимание вопросам религии, пытался касаться социальных проблем, помещал интересные литературные новинки (Ср. Biré Edmond, Alfred Nettement. La presse royaliste de 1830 à 1852, P., 1901, 233—240, 271—272). См. также прим. 71-е.

⁴³ «Revue du Nord» (1835—1839?)—ежемесячный журнал, освещавший, по преимуществу, вопросы политической и культурной жизни германских государств. Толстой был приглашен сотрудничать в этом журнале. Списавшись с Бенкендорфом и получив его разрешение и полномочия на будущее давать свое согласие при всех аналогичных обращениях со стороны французской прессы, Толстой связался с журналом (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. А, лл. 64 об., 67 об., 100 об.). По данным французской библиографии, «Revue du Nord» прекратился в 1838 г. Толстой поддерживал связь с журналом в течение 1839 г., и, по его указаниям, журнал перестал выходить лишь в конце 1839 г. (см. письмо Толстого к Сагтынскому от 24 ноября/6 декабря 1839 г. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В., лл. 299 об.—300).

⁴⁴ Schnitzler Жан-Анри (1802—1871)—французский литератор. Автор ряда статистических и исторических трудов, в том числе: «Essai d'une statistique générale de l'Empire de Russie, accompagné d'aperçus historiques», Strassbourg, 1829; «La Russie,

la Pologne et la Finlande, tableau statistique, géographique», Р., 1835. За эти работы Шницлер получил уже в 1835 г. Станислава. Толстому представлялось очень заманчивым располагать пером Шницлера. Однако, позднее Шницлер выступил с сочинениями о России, которые едва ли могли расцениваться, как особо «благонамеренные», царским правительством. Так, в статье о Николае I в «Encyclopédie des gens du monde», XVIII, 1843, осуждается польская политика царя: в «L'histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas», Р., 1847, 2 vols., большое место уделено декабрьским событиям, истории тайных обществ в России, процессу и казни декабристов во время которой Шницлер был в Петербурге (см. «Русский Архив», 1882, I).

⁴⁵ *Chorin* Жан-Мари (1796—1870)—французский литератор, секретарь и библиотекарь Александра Борисовича Куракина—русского посла в Париже (1808—1812), выехавший с ним в Россию. Имеется в виду 2-томная книга Шопена «Russie», вышедшая в 1838 г. в серии «Univers Pittoresque». Книга знакомит с географией, экономикой, административным устройством и историей России. Исторический очерк заканчивается царствованием Николая I. Этот очерк писался под наблюдением Толстого. Однако, по требованию издателя, Шопен несколько отступил от редакции Толстого, чем вызвал его недовольство. Толстой колебался даже, передавать ли Шопену царский подарок, предназначенный автору еще до выхода в свет II тома, где помещена история царствования Николая I. Впрочем, в конце концов они договорились, и подарок был передан Шопену (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В., лл. 110—111 об., 128—129 об.; 205 об.) Шопен является автором и другой работы о России: «Coup d'œil sur Saint-Petersbourg», Р., 1821, изданной вторично в 1822 г. под названием: «De l'Etat actuel de la Russie ou Observation sur ses mœurs, son influence politique et sa littérature; suivi de poésie traduite de russe». Позднее вышли: «Révolution des peuples du Nord», Р., 1841—1842 (значительная часть этой книги отведена истории России), и «Choix de nouvelles russes de Lermontoff, Pouchkine, von Wisine etc.», Р., 1853.

⁴⁶ Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 3. лл. 1—5, 8. Это было уже вторичное с начала службы награждение Толстого. В январе 1838 г. он получил «высочайшую» благодарность и полугодовой оклад за представление статистических таблиц французской и английской периодики того времени. Французская таблица в делах не сохранилась, и все наши попытки разыскать ее остались безрезультатными. Судя по английской (последняя содержит 125 названий периодических изданий и дает характеристику их направления, сведения о редакторском составе, о числе подписчиков и пр.—см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. А, лл. 88—91), документ этот должен представлять большой интерес, являясь, к тому же, наиболее ранней библиографией французской периодики периода Июльской монархии.

⁴⁷ *Vignon* Эдуард, барон (1771—1841)—политический деятель, историк, публицист; французский посол в Варшаве (1811—1812) и политический комиссар Вильны во время занятия ее французами (1812); член палаты депутатов (1831—1837); пэр Франции (1837). Был известен своим полонофильством. Биньон оставил воспоминания о своем пребывании в Польше (*Souvenirs d'un diplomate. La Pologne*, Р., 1867).

Harcourt Франсуа-Эжен-Габриэль, герцог (1786—1865)—политический деятель, дипломат, член палаты депутатов (1827—1834) и палаты пэров (с 1837), умеренный либерал.

⁴⁸ Сведения Толстого о философе не точны. Виктор Кузен (1804—1867) получил звание пэра еще в 1832 г. (ср. *Cousin Victor, Discours politique*, Р., 1851), и никогда не избирался в палату депутатов. Возможно, впрочем, что неточность эту следует отнести за счет свойственной Толстому некоторой неясности изложения. Смысл фразы о Кузене туманен.

⁴⁹ Поправка, внесенная в адрес королю на заседании палаты депутатов 9 января 1838 г., гласила: «Являя пример лойяльного выполнения договоров, мы, со своей стороны, имеем право неустанно напоминать Европе о гарантиях, торжественно данных древней польской нации, нации, на стороне которой всегда будет право, равно как и наши горячие симпатии.—«*Journal des Débats*», 11 janvier 1838.

⁵⁰ Толстой идет здесь даже дальше тенденциозной официальной и полуофициальной французской прессы, не предъявлявшей участникам восстания 12—13 мая такого рода обвинения.

⁵¹ *Vaudrey* Клод-Никола (1784—1857)—французский офицер; участник страсбургского путча Луи-Наполеона (1836). Уволенный за это из армии, был в те годы не у дел.

⁵² *Sabet* (1788—1856), знаменитый социалистический публицист, приговоренный в 1834 г. за статью в «*Populaire*», направленную против короля, к двум годам тюрьмы, бежал в Англию, где прожил до 1839 г., а затем вернулся на родину, в Дижон.

⁵³ Б л а н к и и Б а р б е с были приговорены в 1836 г. к тюремному заключению по делу о фабрикации пороха в улице Лурсин, но освобождены по амнистии 1837 г. После восстания 12 мая Бланки успешно скрывался в течение 5 месяцев и был арестован лишь 14 октября, когда сажился в дилижанс, направляясь в Швейцарию. В дальнейших донесениях Толстой сообщает о суде над участниками восстания 12—13 мая, о борьбе, которая велась за сохранение жизни Барбеса, об отмене королем смертного приговора, вынесенного судом, об аресте и суде над Бланки (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 217—218, 224—226 об., 230, 333).

⁵⁴ P a s q u i e r Этьен, барон, затем герцог (1767—1862)—префект полиции при Наполеоне I, хранитель печати и глава нескольких министерств при Людовике XVIII; пэр Франции (1811), председатель палаты пэров (1830); канцлер Франции (1837).

⁵⁵ G é r a r d Этьен-Морис, граф де (1791—1855)—маршал Франции (1831), командующий парижской Национальной гвардией (1838—1842).

⁵⁶ «Journal des Débats» в восторженных выражениях описывала расправу, будто бы, учиненную учениками Политехнической школы над «смутьянами», и призывала воздать «хвалу молодежи». В письме учеников подчеркивалась полная непричастность их к расстрелам и выражался протест против приписывания им такого «подлого поступка», как убийство безоружных людей.—«Journal des Débats», 14, 15 mai 1839.

⁵⁷ D e s a z e s Эли, герцог (1780—1860)—один из главарей партии доктринеров, игравший крупную политическую роль в первые годы царствования Людовика XVIII. Пэр Франции (1818) Деказ исполнял в палате пэров (1834—1848) обязанность хранителя печати и архивов палаты (grand référendaire).

⁵⁸ A n g o u l è m e Луи-Антуан, герцог де (1785—1844)—старший сын Карла X (1757—1836), вместе с ним отрекся 2 августа 1830 г. от прав на престол.

⁵⁹ B l a s a s d'A u l p s Пьер-Луи, герцог де (1771—1839)—в течение многих лет ближайшее доверенное лицо и советчик Людовика XVIII. После революции 1830 г. последовал за Карлом X в изгнание.

⁶⁰ Более подробно планы и претензии «France» изложены в докладной записке Жайи Николаю I (см. прим. 11-е). В Россию Жайи не поехал, и субсидия, которую получала «France» от русского правительства, ограничивалась до конца существования газеты годовой подпиской на 30 экземпляров ее (см. Дело III отделения 1 эксп. № 191, ч. 3, лл. 119—119 об., а также прим. 71-е).

⁶¹ «Le Capitole» (1839—1840)—бонапартистский орган, стремившийся популяризировать бонапартизм в массах и прикрывавшийся демократическими лозунгами. Основатели газеты маркиз де К р у а, или Круи-Шанель (Crou ou Crouy-Chanel Клод-Огюст, 1795—1873), и редактор Шарль Д ю р а н (см. выше, прим. 5-е) пытались связаться с царским правительством. Дюран обратился с письмом к Бенкендорфу, развизав перед ним программу газеты и прося денежной поддержки. Бенкендорф ответил вежливым отказом. Тем не менее, Дюран заявлял, что получает субсидию от русских. Переписка III отделения с Дюраном причинила царскому правительству впоследствии, после ареста Шанеля, замешанного в бонапартистском заговоре и аресте в связи с этим Дюрана, много беспокойств и служила предметом специальных переговоров с французским правительством. (Фонд М.И.Д., Канц. réception, Дело № 150, л. 93; Фонд М.И.Д., Канц. expédition, 1839, Дело № 151, лл. 366—369—Архив внешней политики, Москва). Особенно взволновало Петербург появление брошюры о Шанеле («Notice sur M. A. de Crouy-Chanel, extrait de la Biographie des hommes du jour» par M. M. Germain Sarrut et B. Saint-Edme, P., 1841), где переписка Дюрана с Бенкендорфом была частично опубликована. Палену удалось добиться обещания Гизо, что брошюра не будет допущена к распространению (см. Фонд М.И.Д., Канц. réception, 1841, Дело № 150, лл. 46—48—Архив внешней политики, Москва). Когда в Петербурге стали известны похвалы Дюрана о его связи с царским правительством, Бенкендорф распорядился вернуть Дюрану аккурато доставлявшиеся им в III отделение номера «Capitole». Русские книгохранилища лишились, таким образом, этого, по указанию французской библиографии, чрезвычайно редкого издания.

⁶² В донесении Толстого от 4/16 февраля 1840 г. приводится любопытный случай, характеризующий, какими неожиданностями грозили сделки с Жирарденом. В момент ареста Дюрана (см. прим. 5-е и 61-е), когда в Париже открыто обвиняли петербургское правительство в поддержке бонапартистских попыток переворота, Толстому удалось получить согласие Жирардена на помещение в «Presse» его (Толстого) заметки-опровержения, согласованного, в тайне от Жирардена, с русским посольством. Заметка, действительно, появилась, однако, с небольшим редакционным добавлением,—перед текстом ее стояло: «как нам сообщают». Статья Толстого была превращена, таким образом, в официальный документ русского посольства. В итоге—новый шум в прессе, новые хлопоты посольству, опровержение через французский официоз «Moniteur» и т. д.

(Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 350—354 об., а также фонд М. И. Д., Канц. réception, 1841, дело № 137, лл. 132—134—Архив внешней политики, Москва).

⁶³ Gay de Girardin Дельфина (1804—1855)—дочь писательницы Софи Гэ; поэт, драматург, беллетрист. Пользовалась также известностью, как блестящий журналист (под псевдонимом Виконт де Лоне). В ее салоне, одном из самых популярных парижских салонов 1830—1840 гг., собирался не только весь цвет французской литературы, но и видные политические деятели, дипломаты и пр. Толстой следил за литературной карьерой Дельфины с первых же ее шагов. В «Письме из Парижа к А. А. Бестужеву от 25 апреля 1824 г.» («Сын Отечества», ч. 94, № XXIV, 166—167) он оповещал русских читателей о появлении во Франции нового поэта—«девицы Дельфины Гэй». В корреспонденции, помещенной в «Московском Телеграфе» в 1828 г. (№ 5, 113—114), он называет Дельфину Гэ в числе лучших поэтов Франции.

⁶⁴ Bequet Этьен (1800—1833)—писатель, журналист, сотрудник «Journal des Débats». Упоминаемая статья была написана Беке в августе 1829 г. в ответ на ордер-наказ от 8 августа, назначивший новое ультрареакционное министерство, во главе с князем Полиньяком. Она характеризовала тогдашнее политическое положение Франции и указывала на опасности, грозившие монархии Бурбонов. Статья получила громадный резонанс в стране и сыграла свою роль в борьбе, приведшей к низвержению Карла X. Беке, действительно, отличался неумеренным образом жизни, рано сведшим его в могилу.

⁶⁵ Gros Антуан-Жан, барон (1771—1835)—знаменитый французский художник, окончил жизнь самоубийством, причиной которого явилось ослабление творческого таланта, пошатнувшееся общественное положение, семейные неурядицы. Художественная деятельность Гро в последние годы его жизни подвергалась резкой критике, которая нашла свое отражение в печати.

⁶⁶ Пьеса г-жи Жиарден заинтересовала Бенкендорфа. У него явилась даже мысль поставить эту запрещенную в Париже вещь на сцене французского театра в Петербурге. Толстому было предложено выслать экземпляр пьесы, что он, разумеется, исполнил (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 304, 311, 345 об. и 354). Пьеса, однако, не была поставлена, и г-жа Жиарден не получила даже никакой благодарности от царя за поднесенный ему экземпляр пьесы. Объяснения этого факта в переписке Толстого с III отделением мы не нашли. Такое невнимание к г-же Жиарден особенно непонятно, если вспомнить, что она принадлежала к числу любимых при русском дворе писательниц. Кюстин, описывая свой разговор с царицей, передает следующие ее слова: «Мы любим за их произведения ряд лиц, с которыми вы постоянно видите, особенно г-жу Гэ и ее дочь, г-жу Жиарден... Было бы жаль, если г-жа Жиарден с ее прекрасным поэтическим талантом ограничилась бы созданием небольших вещей...»—C u s t i n e (marquis de), La Russie en 1839, P., 1843, II, 89—90.

⁶⁷ Письмо Жанена было вскоре опубликовано в качестве приложения к вышедшему в Брюсселе изданию «L'Ecole des Journalistes». Жанен дает в нем апологию журнализма, его общественной роли, беспощадно вскрывает сценические недостатки пьесы г-жи Жиарден.

⁶⁸ «La Presse» в номере от 30 сентября 1839 г. (в статье Эмиля Жиардена) назвала редактора «Courrier» уголовным преступником, осужденным, будто бы, в свое время судом за воровство, что, в действительности, оказалось грубой клеветой.—«Journal des Débats», 10 novembre 1839.

⁶⁹ «Biographie des hommes du jour» en douze volumes in 4° rédigée par Germain Sarrut et B. Saint-Edme (1835—1842). Оба редактора—и С а р р ю (Жермен-Мари), бывший главный редактор «La Tribune», и С е н т - Э д м —принадлежали к республиканцам. О взаимоотношениях Толстого с этим изданием см., в частности, Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 340, 342—342 об., 345; Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. С, лл. 42—43.

⁷⁰ Norvins Жак-Марке, барон де Монбертон (1769—1854)—историк, писатель, автор апологетического жизнеописания Наполеона I («Histoire de Napoléon» 1827 et suiv.), истории Французской революции («Essais sur la Révolution Française», 1832) и др. Норвен вынуждался написать историю царствования Петра I и просил Толстого помочь ему в подборе необходимых материалов. Толстой списался по этому поводу с Бенкендорфом и получил его апробацию. Норвен представлял Бенкендорфу план своей книги, впоследствии (по просьбе Норвена) ему возвращенный. Среди прочих исторических документов Толстой предполагал предоставить в распоряжение Норвена документы, собранные Пушкиным. Это желание Толстого не было удовлетворено, ибо Пушкин, как писал Сагынский Толстому, посылая ему книги для Норвена, «повидимому, не оставил материалов, касающихся царствования Петра, во всяком случае, до сих пор ничего не нашли» (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 129 об. и 149 об.).

⁷¹ Толстому ежегодно (1838—1862) высылались «на подписку заграничных журналов и поддержку французских издателей» 1142 руб. 85 коп. серебром, что составляло, в зависимости от колебания курса, примерно 4571—4573 франка. Эти деньги распределялись между «La France», «La France et l'Europe», «La Revue du Nord», а позднее, когда эти органы прекратили свое существование, между «La Patrie», «L'Assemblée Nationale» и «Constitutionnel» (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 3, в частности, лл. 88, 120, 126—130 об.). В эту сумму не входили эпизодические расходы по отдельным заказам, как и оплата различных секретных сведений о французской армии, о финансовом положении Франции и т. п., добыванием которых также занимался Толстой, особенно в предвоенные годы и в годы крымской войны.

⁷² «Le Journal Gèneva» (1836—1840)—ежедневная газета консервативного направления, редактировавшаяся Грюном (Grün Альфонс, 1801—1866) и Лавернем (Lavergne Леонс, 1808—1809). В письме виконта де л'Эспина, пересланном Толстым в III отделение, сообщалось, что, ввиду предстоящего назначения Грюна редактором официоза «Moniteur», предполагается продажа газеты. Эспин с группой друзей намеревался забрать газету полностью в свои руки и сделать ее программой—сближение Франции с Россией и борьбу против Англии. Толстой должен был поставлять газете материал о России. Было ли Толстому разрешено войти в сношения с газетой, о чем он запрашивал далее в своем донесении,—неизвестно. В мае 1840 г. Толстой был вызван для свидания с Бенкендорфом в Варшаву, где и должен был получить непосредственно от последнего распоряжения по всем текущим вопросам, (См. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 360—360 об.; отпуск письма Бенкендорфа к Толстому от 9 апреля ст. ст. 1840 г.). В архивных материалах варшавские распоряжения Бенкендорфа не отражены.

⁷³ «Le Globe» (1837—1845)—газета, несколько раз менявшая название и периодичность. С 1841 г. приняла окончательно название «Globe» и начала выходить ежедневно; орган правительственной ориентации. Ближайшее участие в газете принимал Гранье де Кассаньяк (Granier de Cassagnac Адольф-Бернар, 1860—1880), будущий апологет Наполеона III, в эти годы продававший свое перо Гизо. Маркс в «18 брюмера Луи-Наполеона» так характеризует и «Globe» и Кассаньяка: «Гизо, во время своего министерства, пользуясь в одной темной газетке этим Гранье, как орудием против династической оппозиции, обыкновенно давал о нем следующий лестный отзыв: „C'est le roi des drôles“—это король дураков» (Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, ИМЭЛ, 1931, VIII, 415). В «Globe» сотрудничал также журналист Солар (Solar Феликс, 1805—1870). Солар и Кассаньяк после закрытия «Globe» получили печальную известность созданием основанной на дутой рекламе газеты «Ероуке» (1845—1847). Толстому удалось завязать связи с Гранье и с «Globe».

⁷⁴ «Le 19-me Siècle» (1841)—ежедневная политическая газета либерального направления, основанная писателем левого лагеря Пелетаном (Pelletan Эжен, 1813—1884). Просуществовала из-за отсутствия средств, очень недолго (ср. Hatin Eugène, цит. соч.). У Толстого, видимо, описка, и его характеристика издания, как консервативного, относится, по всей вероятности, к «Globe», т. е. к первой, а не к последней из перечисляемых им газет.

⁷⁵ «La Revue Indépendante» (1841—1848)—ежемесячный журнал, издававшийся Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо. Вскоре же по основании журнал завоевал широкое признание и популярность, в особенности своими антикатолическими выступлениями и статьями по социальным вопросам (ср. Avenel H., Histoire de la presse française depuis 1789, P., 1900, 382). Социалист Пьер Леру печатал в «Revue» свои «Sept discours sur la situation actuelle de la société et de l'esprit humain». В первой книжке (от 1 ноября 1841 г.) помещены обращение к философам («Aux philosophes») и начало обращения к политикам («Aux politiques»).

⁷⁶ «Le Bon Sens» (1832—1841?)—воскресная газета для рабочих. Издавалась республиканцами совместно с представителями династической оппозиции. Руководили газетой Кошюа-Лемер (Cauchois-Lemaire), Луи Блан и Роде-старший. Указания о времени прекращения газеты в французской библиографии разноречивы и колеблются между 1837—1839 гг. Толстой устанавливает новую дату—1841 г. «Le Sens Commun» (1832—1844)—до 1840 г. воскресное приложение к газете «Le Bonhomme Rochard» (орган правительственной ориентации), позднее самостоятельное издание, так же как и «Le Bon Sens», предназначавшееся для рабочих и не прекращавшее попыток подорвать авторитет последней.

⁷⁷ «Le Monde» (1836—1841?)—газета, посвященная религиозным вопросам, выходившая при сотрудничестве Ламенэ (Lamennais, 1782—1854). По сведениям французской библиографии, расходящимся в данном случае, как и в ряде других, с указаниями Толстого, газета прекратилась еще в 1837 г.

⁷⁸ «L'Е u г о р е М о n а r c h i q u e» (1837—1841?), до 1838 г. выходившая под заглавием «L'Е u г о р е»,—газета легитимистской группировки, защищавшей парламентские методы борьбы с династией Луи-Филиппа. Руководили газетой Антуан Беррье и Жак Кретиню-Жоли (Cretineau-Joly, 1805—1875). Французская библиография не дает точных сведений о дате прекращения газеты. Natin (см. по указателю) высказывает предположение, что газета прекратилась в 1839 г. Равным образом, не отмечается причастие к газете видного легитимиста маркиза де Ла Рошжаклена (La Rochejacquelein Анри-Огюст, 1805—1857). Сообщение Толстого вносит, таким образом, некоторые библиографические уточнения.

⁷⁹ Любопытным дополнением к сообщаемому здесь Толстым служит депеша Н. Д. Киселева к Нессельроде от 18/6 ноября 1843 г. Приводим в переводе выдержки из этой депеши: «Как я уже имел честь сообщать в. с., г. Гизо проникся с некоторых пор убеждением, что мы широко субсидируем газету «La Presse» с тем, чтобы возбудить ненависть и антипатию Франции к Англии. Ныне он заявляет, что субсидия эта еще увеличена с целью направить нападки лично против него и «свалить» министерство, наиболее влиятельным членом которого он является. Действительно ли таково убеждение г. Гизо или нет, но, как мне передавали, на этом основании он говорит, что мы не должны удивляться, если впредь он не всегда окажется расположенным идти нам навстречу и проявлять уступчивость при сношениях с императорским правительством. На все мои попытки, сделанные через третьих лиц, отрицать утверждения г. Гизо, он отвечает, что допускает, что я, действительно, могу быть непричастным к сговору с газетой, но, тем не менее, он уверен в существовании наших сношений с «Presse». Он добавляет, что, быть может, связь эта поддерживается без моего ведома г. Яковом Толстым, которого вообще возложена обязанность сноситься с французской прессой» (см. фонд М.И.Д., Канц. réception, 1843, дело № 137, лл. 176—177).

Никаких данных о получении Жирарденом средств от русского правительства в переписке парижского посольства с Нессельроде за 1837—1847 гг. мы не нашли. Единственная льгота, предоставленная Жирардену и упоминаемая в документах, указана нами выше (см. прим. 37-е).

⁸⁰ T o w i a n s k i Андрей (1799—1878)—польский мистик, игравший в 40—50-х годах роль пророка и апостола среди польской эмиграции. Факты, рассказанные Толстым, о взаимоотношениях Товянского с Мицкевичем, подтверждаются и другими источниками (ср. М а к у ш е в Викентий, Андрей Товянский, его жизнь, учение и последователи.—«Русский Вестник», 1879, кн. II, 473—513; кн. V, 215—259; кн. X, 453—493).

⁸¹ С к ж и н е ц к и й или Скржинецкий (Skrzynecki) Ян-Сигизмунд (1787—1870)—генерал, главнокомандующий польской повстанческой армии (1831). После подавления восстания жил за границей, в частности, в Брюсселе (1838—1854), приглашенный королем Леопольдом I на пост командующего бельгийской армией (1838—1839). Отличался исключительной религиозностью еще в бытность в Польше. Товянский не имел, однако, успеха у Сюкинецкого (ср. М а к у ш е в В., цит. соч., кн. II, 486—491).

⁸² В конце 1843 г. группа из пяти легитимистских депутатов, во главе с Беррье, совершила паломничество в Лондон к герцогу Бордосскому (внуку Карла X)—претенденту на французский престол, что вызвало крайнее недовольство Луи-Филиппа. Под давлением правительства палата вынесла порицание этим депутатам. Последние, в знак протеста, сложили депутатские полномочия, но были вновь избраны своими избирателями (март 1844 г.).

Конфликт в городе Анжере, о котором говорит далее Толстой, разыгрался по следующему поводу. Мэр города, Огюстен Жиро, просил муниципальный совет санкционировать выдачу 3 тыс. франков из муниципальных средств в пользу пострадавших от наводнения жителей. Совет отказал, предложив открыть подписку для помощи пострадавшим. Обсуждение сопровождалось весьма резкими выступлениями членов муниципального совета против правительства Гизо.

⁸³ Сентябрьские законы (так назывались три закона от 10 сентября 1835 г.), изданные после покушения Фиески (28 июля), вводили изменения в порядок судопроизводства по политическим делам, судопроизводства суда присяжных и в законодательство о печати и носили репрессивный характер. В отношении прессы сентябрьские законы увеличивали размер залогов, устанавливали очень высокие штрафы и карали тюремным заключением за оскорбление монарха и нападки на основы государственного строя; прессы запрещалось касаться имени и власти короля, называть себя республиканской, говорить о восстановлении легитимной монархии, оспаривать принципы власти, собственности, семьи.

⁸⁴ Книге К ю с т и н а «La Russie en 1839», Р., 1843, в донесениях Толстого уделено большое внимание. От Толстого русское правительство, повидимому, впервые узнало

о грозящих ему со стороны Кюстина неприятностях. 13/25 апреля 1840 г. Толстой уже предупреждал о том, что Кюстин работает над описанием своего путешествия в Россию (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В, лл. 393 об., 394). Тотчас же по появлении сочинения Кюстина в свет Толстой предлагает Бенкендорфу план защитной кампании в иностранной печати (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 4, лл. 62, об., 79, 81, 83—85 об., 86, 89—91, 95—96 об.) и сам выступает с опровержением Кюстина в книге, озаглавленной: «La Russie en 1839 rêvée par M. de Custine, ou lettres sur cet ouvrage écrites de Francfort», par J. Jakovleff, P., 1844, IV+112. (Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. Е, лл. 124—127). Французские читатели были оповещены о появлении этой книги следующим объявлением в «Journal des Débats» (6 mars 1844): «Из всех появившихся одно за другим в Париже опровержений книги г. Кюстина, бесспорно, наиболее остроумным является опровержение г. Яковлева, опубликованное под названием «Россия в 1839 г., какой она приснилась г. Кюстину». Сарказм не покидает пера автора с первой до последних строк этой тонкой брошюры, и если иногда русский критик и допускает кое-какие чрезмерно патриотические фразы, которым мы отнюдь не склонны придавать веры, читатель, разумеется, простит ему это во внимание к той элегантной легкости, с какой он владеет нашим языком». Толстой высказывал удивление по поводу того, что «Journal des Débats» сочувственно отзывалась о его брошюре (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 4, лл. 95, 98—98 об.).

Библиография отмечает еще одно издание, выпущенное Толстым против Кюстина,— брошюру: «Lettre d'un russe à un journaliste français sur les diatribes de la presse antirusse», P., 1844. Однако, в переписке Толстого, обычно оповещавшего начальство о всех своих выступлениях в печати, никаких сообщений об этой брошюре нет.

Упомянутая Толстым книга «Russie, Allemagne et France, révélations sur la politique russe d'après les notes d'un vieux diplomate», par Marc Fournier, P., 1844, принадлежала драматургу, критику и журналисту Марку Фурнье (1818—1879). Делая краткий экскурс в историю России, автор самым резким образом критикует как политический режим, установленный Николаем I, так и его личную жизнь.

Что касается брошюры Витте, то никаких дальнейших указаний в переписке Толстого о ней нет, равным образом, не упоминается она и в имеющихся в нашем распоряжении библиографических указателях. Объявление о предстоящем выходе брошюры в свет появилось в «Journal des Débats», 13 février 1844.

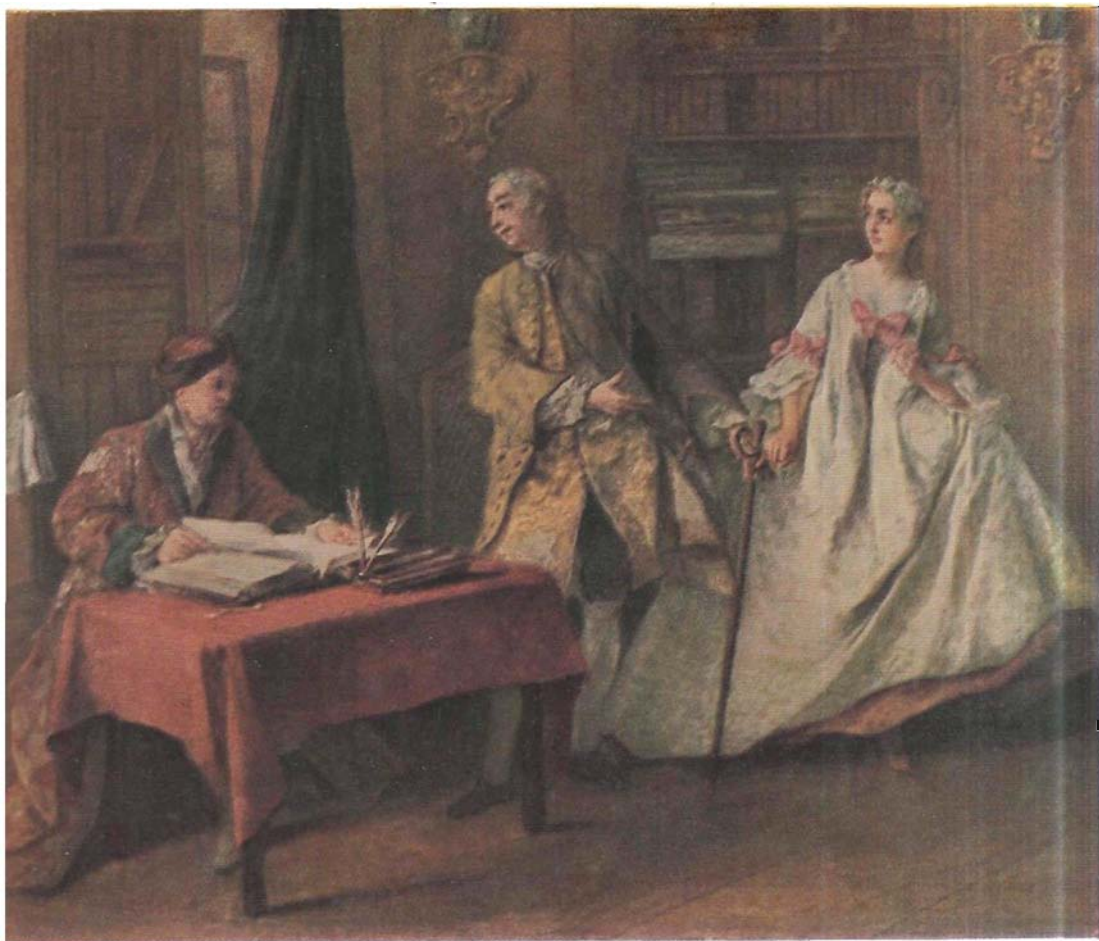
⁸⁵ Указания Толстого расходятся с фактами биографии Маркса. «Немецко-французский ежегодник» «прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге» (Ленин, Сочинения, 3-е изд. XVIII, 6), а не под влиянием угроз Гизо, как пишет Толстой.

Рассказ о вызове Маркса и Руге к Гизо также противоречит действительности. В воспоминаниях о Париже Руге пишет: «Еще в ожидании появления в свет „Немецко-французского ежегодника“ прусский посланник пытался склонить г. Гизо к репрессиям против редакции. Однако, успеха не имел» (Rouge A., Zwei Jahre in Paris, 1846, I, 398). На самом деле Маркс, по требованию прусского посольства, был выслан из Парижа лишь в феврале 1845 г. и переехал в Брюссель. Имя Маркса встречается в донесениях Толстого вторично в любопытной докладной записке 1846 г. «О положении дел в Швейцарии» (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. G, лл. 21—34 об.).

⁸⁶ «Le Siècle» (1836—1932?)—ежедневная газета, основанная Арманом Дютаском (Dutacq). Появилась в один день с «Presse» и заимствовала у последней принципы ее организации—снижение вдвое против существовавшей подписной платы, широкое использование объявлений и пр. «Siècle» занимала в 40-х годах первое место по числу подписчиков среди парижских газет (имела 30.000 подписчиков). Сумма доходов с подписной платы, получаемой газетой (по данным на 1840 г.), достигала 170.000 франков в год, объявления давали ей свыше 100.000 франков (см. Weill G., Le journal. Origines, évolution et rôle de la presse périodique, P., 1934, 206—207). Своей популярностью газета была в значительной степени обязана блестяще поставленной литературной части (печатали Бальзака, Александра Дюма, Сулье и др.). Политические симпатии газеты склонялись к династической оппозиции.

⁸⁷ Материальное благосостояние «Presse» с 1839 по 1844 гг. непрерывно возрастало. Доходы газеты за 1844 г. равнялись 187.603 фр., при 105.325 фр. в 1841 г., 168.716 фр. в 1842 г. и 184.287 фр. в 1843 г.—Brissou (Jules) et Ribeyre (Felix), Les grands journaux de France, P., 1863, 125—126, ср. также Goltier-Boissière (Jean) et Lefébvre (René), Histoire de la Presse—«Crapouillot», juin 1934, 24.

⁸⁸ Речь идет о брошюре: «Récit de Makrena Mieczyslawska, abbesse des basiliennes de Minsk, ou Histoire d'une persécution de sept ans, soufferte pour la foi par elle et ses religieuses, écrite sous sa dictée, par le R. P. Maximilian Ryllow, recteur de la Propagande

„ПЛУТ-ЛЮБОВНИК ИЛИ УРОК СКУПОЙ ЖЕНЩИНЕ“

Картина маслом Никола Ланкре из серии иллюстраций к Лафонтену, 1738 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

à Rome; l'abbé Alexandre Jelowski, recteur de l'église Saint-Claude à Rome; l'abbé Aloys Leitner, théologien de la Propagande à Rome. Commencé le 6 novembre et terminé le 6 décembre 1845. Dans le couvent de la Trinité du Mont à Rome», P., 1846, 1—84 («Рассказ Макрены Мечиславской, настоятельницы Базилианского монастыря в Минске, или история семилетних преследований за веру, претерпленных ею и монахинями ее монастыря»). Брошюра сохранилась в переписке Толстого (см. Дело III отд. I эксп. № 191, лит. G, лл. 59 и сл.). Она содержит описание многочисленных истязаний, которым подвергались монахини, и, действительно, малоправдоподобна.

⁸⁹ В письме от 2 января 1846 г. Гоголь писал к жившему в то время в Париже А. П. Толстому: «О чем был разговор [находившегося тогда в Риме Николая I] с папой, это разумеется неизвестно, хотя впрочем следствия вероятно будут те, каких и ждали, т. е. умягчение мер к католикам. Донесения [в печатном тексте письма здесь пропущено остававшееся неразобранным имя, которое мы смело можем теперь восстановить] Макрены Мечиславской оказались ложью, и она созналась, что была уже научена потом вне России польской партией...» («Письма Н. В. Гоголя», ред. В. И. Шенрока, III, 129—130). Якову Толстому это письмо Гоголя, очевидно, стало известно. Характерно, что Толстой пытается воспользоваться именем Гоголя, незадолго перед тем впервые привлечшим к себе внимание французов. В конце 1845 г. появился первый перевод Гоголя на французский язык (повести в переводе Виардо). Выходу в свет этой книги предшествовала публикация из нее в «Journal des Débats» от 16, 17, 18 декабря 1845 г. перевода «Вия» и краткой характеристики творчества Гоголя. Сборник переводов был встречен очень сочувственно Сент-Бёвом в декабрьской книге «Revue des Deux Mondes» за 1845 г.

⁹⁰ «L'Univers» (1833—1860)—влиятельная в те годы газета французских католиков, орган крайней католической реакции.

⁹¹ Sigourt Адольф, граф де (1801—1879),—журналист, сотрудник ряда легитимистских органов. Был женат (с 1830 г.) на русской—Анастасии Семеновне Хлюстиной (1814—1863).

⁹² «Semain» (1831—1850)—консервативное издание (еженедельник), посвященное вопросам религии, политики, философии, литературы.

⁹³ Lherbette Арман-Жак (1791—1864)—депутат палаты (1831—1843); был известен своими оппозиционными выступлениями при обсуждении вопросов о наследственном престоле, о секретных фондах, об укреплении Парижа, гражданском листе и пр.

⁹⁴ В ответном письме от 12/24 апреля 1846 г. Сагынский рекомендовал Толстому передать Тьеру, «что в России незлопамятны, и хотя у нас часто имелись основания быть недовольными путешественниками, посещавшими нашу страну, мы умеем отличать таких людей, как он. Тьер может, следовательно, быть уверенным, что встретит у нас не только хороший прием, но что ему будет предоставлена возможность осмотреть и ознакомиться со всем, что его интересует» (см. Дело III отд. I эксп. № 191, ч. 4, л. 124 об.). В том же году Тьер еще раз служил предметом переписки Толстого с III отделением, в связи с предстоящим выходом в свет VI тома книги Тьера «Le Consulat et l'Empire». Книга эта попала к Толстому еще в верстке от английского переводчика Тьера Кемпбела (Campbel)—сотрудника «Times» и приятеля Толстого. Оскорбившись за честь русской армии, будто бы, опороченную Тьером, Толстой просил разрешения выступить против него в печати (см. Дело III отд. I эксп. № 191, ч. 4, л. 138 об.). Это не встретило сочувствия Орлова. Толстому было указано, что поскольку Тьер не является добросовестным историком, а книга его «представляет собою роман», отвечать на нее не следует (см. Дело III отд. I эксп. № 191, ч. 4, лл. 137—138 об.).

⁹⁵ Дюма был привлечен к судебной ответственности (январь—февраль 1847 г.) редакторами-издателями газет «La Presse» и «Le Constitutionnel», Эмилем Жирарденом и Вероном, за непредставление к сроку романов, которые он обязался написать для этих газет. Процесс дает интересный материал, характеризующий приемы, темпы, размах писательской работы Дюма. Решением суда Дюма был приговорен к уплате небольшой, по сравнению с предъявленным к нему иском, суммы.

Для пояснения дальнейшего рассказа Толстого напомним, что в защитительной речи на суде Дюма остановился на своем путешествии «с правительственным» поручением в Испанию и Африку и указал, что для поездки в Алжир в его распоряжение было предоставлено военное судно. Следствием речи явился запрос правительству в палате, а либеральный депутат Мальвиль усмотрел в предоставлении военного судна «первому встречному» оскорбление морского флага Франции.

⁹⁶ Monpensier Антуан-Мари-Филипп, герцог д'Орлеан (1822—1860)—пятый и самый младший сын Луи-Филиппа. Был дружен с Дюма, служившим одно время в личном секретариате Луи-Филиппа. На суде Дюма рассказывал о своей поездке в Мадрид на свадьбу герцога (1846).

⁹⁷ Caussidière Марк (1809—1861)—активный участник восстания в Сент-Этьенне в апреле 1834 г.; член редакции республиканской газеты «La Réforme» (1843—1850). В 1848 г. сражался на баррикадах. Решением собрания в редакции газеты «Réforme» (24 февраля 1848 г.) ему был предоставлен пост префекта полиции. Для охраны префектуры Коссидьер организовал отряд монтажеров.

⁹⁸ В течение ряда лет Толстой жил на Rue des Trois frères, 11 (этот адрес встречается в документах 1837—1843 гг.), в доме своего друга, писателя-академика Жуи (Jouy, 1764—1846)—см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, лит. В., л. 24; Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 4, л. 50, а также Montorgueil (Georges), Henry Murger, romancier de la Bohème, 1928, 1—3, 35. Второй адрес Толстого (в 40-е годы)—27, Rue de Montaigne, faubourg St. Нопогé—см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 6, л. 39. Наконец, сохранившаяся в частном собрании в Париже визитная карточка Толстого содержит указание еще на одно место жительства Толстого в Париже (в 50—60-е годы): 34, Rue de Penthière.

⁹⁹ Отпуск письма Сагтынского к Толстому от 4/16 марта 1848 г. в переписке не сохранился. Судя по другим имеющимся документам, письмо извещало Толстого о регулировании его денежных дел, в ответ на жалобы на крайне тяжелое материальное положение, в какое он попал после революции. Несколько позднее Толстой сообщил также, что едва не был разоблачен и что лишь «рассудительность» (bon sens) французского министра внутренних дел спасла его от скандала. Толстой указывал, что было бы рискованно рассчитывать и впредь на французское министерство, при наблюдающейся во Франции «непрерывной смене людей, когда во главе министерства может оказаться человек типа Флокана» (член временного правительства 1848 г., левый республиканец, редактор газеты «Réforme»). Эти доводы, повидимому, были учтены в Петербурге, и в итоге состоялось назначение Толстого советником русского посольства в Париже (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 4, лл. 173 об., 176 об.; Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 1, л. 75).

¹⁰⁰ Сведения о Герцене, по всей вероятности, должны быть в позднейших, оставшихся нам неизвестными, донесениях Толстого. Во всяком случае, последний был очень хорошо осведомлен о Герцене. Ему было поручено доставлять в III отделение «Колокол» и другие заграничные издания Герцена (Герцен, Сочинения, ред. Лемке, X, 446—450, а также Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 6). В январе 1858 г. Толстой получил специальную командировку в Лондон в связи с предложением некоего Альберта Чернецкого уничтожить шрифт типографии «Колокола» и открыть пути доставки в Россию литературы Герцена (см. Дело III отд. 1 эксп. № 255, 1857, частично опубликовано в Собрании сочинений Герцена, ред. М. Лемке, XXII, 72—74). Т. Пассек по приезду в Париж (1861) обратился к Толстому, как к лицу, хорошо осведомленному, за советом, можно ли ей встретиться с Герценом (там же XI, 147—148).

¹⁰¹ № 89 от 10/22 ноября 1851 г. (К Делу № 191, пак. 10 (2), лл. 107 и сл.).

¹⁰² Все 16 арестованных—депутаты Собрания. Среди них, помимо названных Толстым, еще несколько видных военных и представителей левой. Арестованные были отправлены в тюрьму Мазас. Шангарнье, Кавеньяк, Ламорисьер препровождены затем в крепость Гамм.

¹⁰³ Dupin Анри-Мари, так называемый Дюпен-старший (1783—1865)—адвокат и политический деятель; прокурор кассационного суда (1830—1851), председатель палаты депутатов (1832—1840) и Законодательного собрания (1849—1851). Отказался, как известно, поддержать попытку депутатов Собрания организовать противодействие Луи-Наполеону, проявив при этом крайнюю трусость и страх. Дюпен, поговору со сторонниками переворота, был подвергнут, для вида, домашнему аресту (ср. Hubner, Neuf ans de souvenirs d'un ambassadeur d'Autriche à Paris» P., 1905, I, 36; Hugo Victor, Histoire d'un crime, P., 1877, I, 62). Слухи об аресте Дюпена были так настоячивы, что «Constitutionnel» в номере от 3 декабря опровергала их. Толстой повторяет сообщение об аресте Дюпена в донесении от 3 декабря. Бывший ярый орлеанист, Дюпен окончил свою жизнь сенатором Второй империи.

¹⁰⁴ Baudin Баптист-Виктор (1811—1851)—врач. С 1848 г.—депутат Собрания, представитель крайней левой. Убит на баррикаде в Сент-Антуанском предместье 3 декабря 1851 г. Сообщение Толстого об убийстве Madier de Montjou (Нюэл-Франсуа-Альфред, 1814—1892) и тяжелом ранении Schoelcher (Виктор, 1804—1893) неверны. Мадье не был ни ранен, ни убит. У Шельше оказалась лишь прорванной штывком одежда (ср. Hugo, op. cit., I, 227). Слухи о несчастии с депутатами, находившимися вместе с Боденом на баррикаде, упорно распространялись в городе (ср. Hubner, цит. соч., I, 38; Schoelcher, Histoire des crimes du 2 décembre, Londres, 1852, 136).

¹⁰⁵ Несмотря на установленную во время переворота вооруженную охрану типографий, по городу было разбросано множество прокламаций, призывавших к борьбе с

Луи-Наполеоном. В частности, в большом количестве были распространены постановления народных представителей, принятые на заседании 2 декабря в мэрии 10-го округа.

¹⁰⁶ Joinville Франсуа-Фердинанд-Филипп, герцог д'Орлеан (1818—1900)—третий сын Луи-Филиппа. Моряк, в начале 1848 г. находился в Алжире. Сложил командование и уехал в Англию. А т т а л е Эжен-Филипп-Луи, герцог д'Орлеан (1822—1857)—четвертый сын Луи-Филиппа, генерал-губернатор Алжира (1847); после революции 1848 г. поселился в Англии.

¹⁰⁷ Имеется в виду конституция VIII года (1799), утвердившая Наполеона первым консулом и установившая основы консульского режима, а также сенатский указ от 18 мая 1804 г., которым во Франции была установлена империя и Наполеон получил титул императора.

¹⁰⁸ Тьер не был под домашним арестом, а вместе с несколькими другими арестованными депутатами содержался в тюрьме Мазас. Впрочем, Толстой сам исправляет свою неточность в донесении от 7 декабря. Факт угроз Тьеру расстрелом со стороны Луи-Наполеона литературой о Тьере не отмечается.

¹⁰⁹ Воззвание было напечатано, в частности в «Times», от 5 декабря 1851 г.

¹¹⁰ Carlier Пьер (1792—1858) занимал должность префекта полиции с 1849 г. Усердный сторонник Луи-Наполеона. Однако, подал в отставку за несколько дней до переворота 2 декабря 1851 г. Его сменил М о п а (Maupas Шарлемань 1818—1888), вскоре после переворота назначенный министром полиции.

¹¹¹ Mont Valérien—форт в 11 километрах от Парижа, на месте бывшего монастыря иезуитов. Факт, рассказанный Толстым, об отказе депутатов покинуть крепость, отмечается и современной прессой (ср., напр., «Constitutionnel» от 5 декабря 1851 г.).

¹¹² Т. е. до дня плебисцита.

¹¹³ См. донесение от 10 декабря и прим. 115-е.

¹¹⁴ Статьи в «Times» против Луи-Наполеона были помещены в №№ от 3, 5 и 9 декабря 1851 г. Газета обвиняла Наполеона в установлении деспотии. С резкой критикой переворота выступали также «Globe», «Morning Chronicle», «Express» и др.

¹¹⁵ Тьер был освобожден вечером 6 декабря. Сообщение Толстого о том, что Тьер выхлопотал себе разрешение ехать в Италию основано, видимо, лишь на газетных слухах. В действительности Тьер был вновь арестован 8 декабря и в сопровождении полицейского чиновника, как тогда практиковалось, доставлен на германскую границу, в Кель (Hübner, op. cit. I, 44—45). Следует отметить, что в литературе о Тьере сведения о его судьбе в декабрьские дни разноречивы.

¹¹⁶ С и б у р (Sibour) Марк-Доминик-Огюст (1792—1857) стяжал себе известность республиканскими взглядами, благодаря которым и получил при Кавеньяке (июль 1848 г.) назначение на должность парижского архиепископа. Это не помешало ему примкнуть к Луи Бонапарту и, если, как пишет Толстой, 10 декабря 1851 г. Сибур еще не появлялся в Елисейском дворце, то 1 января 1851 г. он уже служил в Notre-Dame торжественную мессу с пением после «Salvum fac Rempublicam»—«Salvum fac Napoleonem». Виктор Гюго заклимил подлое ренегатство Сибура стихотворением «Le Te Deum du 1 janvier 1852» («Châtiments»).

¹¹⁷ A n g o u l è m e Мария-Тереза-Шарлотта, герцогиня (р. 1778)—дочь Людовика XVI и жена герцога Ангулемского, умерла в октябре 1851 г.

¹¹⁸ Конституция 15 января 1852 г. требовала от депутатов присяги на верность новому режиму. Кавеньяк и Карно (Ипполит), избранные в Законодательный корпус, отказались принести присягу и были объявлены самоустранившимися от депутатства.

¹¹⁹ Откуда почерпнул Толстой сведения о похоронах Н. А. Герцен—неизвестно, но его указание на выступление Герцена с речью на могиле жены не находит подтверждения ни у самого Герцена (ср. «Былое и думы», ч. V, гл. 50.—Собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, XIII, 560), ни в описании похорон в местной газете, ни в свидетельствах очевидцев, ни, наконец, в рапорте посланном в министерство иностранных дел, русским консулом в Ницце (см. Герцен, Собр. соч., XIV, 106—112). Равным образом, нет упоминаний в литературе о присутствии на похоронах И. Головина, с которым Герцен в те годы, действительно, поддерживал отношения.

¹²⁰ «Napoléon le Petit». Par Victor Hugo. Bruxelles, 1852.—Первый памфлет, о котором пишет Толстой, «Les nuits de St. Cloud»—анонимная брошюра, собрание, по его словам, грязных анекдотов и описаний романтических приключений Луи-Наполеона.

¹²¹ См. «Moniteur» от 26 августа 1852 г. 28 августа «Times» поместила новую статью против установившегося во Франции режима, с перечислением количества жертв переворота 2 декабря. Против этой статьи «Moniteur» выступил с опровержением 30 августа, противопоставляя цифрам «Times» свои, значительно по сравнению с последними, уменьшенные.

¹²² Имеются в виду слова Людовика XIV, сказанные им, по преданию, в связи с переходом испанского трона по наследству к его внуку Филиппу V Анжуйскому (1700): «Il n'y a plus de Pyrénées» («Нет больше Пиренеев»), т. е. Испания, отделявшаяся от Франции Пиренеями, становится французской.

¹²³ S o u l o u q u e Фаустин (1789—1867)—негр с острова Гаити, в 1847 г. был избран президентом республики Гаити, а в 1849 г. провозгласил себя императором Гаити под именем Фаустина I (свергнут 15/I 1859 г.). Прозвище Сулука прочно укрепилось за Луи-Наполеоном. Маркс в «Классовой борьбе во Франции» называет Луи-Наполеона «французским Сулуком» (М а р к с и Э н г е л ь с, Сочинения, изд. ИМЭЛ, 1931, VIII, 82). В «18-м брюмера Луи Бонапарта», характеристизу окружение Луи-Наполеона, Маркс пишет: «Ко двору, в министерства, на вершину администрации протискивается толпа молодцов, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно откуда он явился—шумная, подозрительная хищническая бегема, влезающая в обшительные галунными сютки со смешной важностью сановников Сулука» (ibid., 414—415).

¹²⁴ А б д - э л ь - К а д е р (1807—1883)—арабский эмир, прославившийся своими войнами с французами в Алжире (1832—1847). Потерпев окончательное поражение, сдался генералу Ламорисьеру и был отправлен во Францию (1847), где содержался под стражей. Луи-Наполеон во время своей поездки по Франции, в октябре 1852 г., лично объявил Абд-эль-Кадеру о возвращении ему свободы.

¹²⁵ Имеется в виду врученное 4 ноября 1852 г. сенату послание Луи-Наполеона, в котором последний предлагал восстановить во Франции империю.

¹²⁶ T r o p l o n g Раймон-Теодор (1795—1869)—французский юрист, пэр Франции (1846). После революции 1848 г.—бонапартист. В январе 1852 г. назначен вице-президентом сената, а в ноябре того же года, после ухода с поста президента Иеронима Бонапарта—президентом сената.

¹²⁷ L o u i s B o n a p a r t e (1778—1846)—голландский король, отец Луи-Наполеона, был моложе своего брата L u c i e n ' a B o n a p a r t e ' a (1775—1840), князя Канино, а J é r ô m e B o n a p a r t e (1784—1860), бывш. вестфальский король, моложе их обоих и самый младший из братьев Наполеона.

¹²⁸ М е н ш и к о в Александр Сергеевич (1787—1869)—адмирал, ген.-адъютант, светл. князь. Был послан в феврале 1853 г. во главе чрезвычайной миссии в Константинополь для переговоров, предшествовавших крымской войне. После отказа Турции заключить с Россией договор, обещающий ей протекторат над всем православным населением Турции, выехал 21 мая 1853 г. из Константинополя. Перипетии переговоров привлекали всеобщее внимание Европы, а поведение Меншикова дало повод к распространению многочисленных и в ряде случаев преувеличенных слухов о его грубости по отношению к султану и турецким министрам (С р. S c h i e m a n n Th., Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, В.-Lpz., 1904—1919, IV, 283, 286).

¹²⁹ В пространной передовой, подписанной Арманом Бертенем (редактором-издателем газеты), «Journal des Débats» давала анализ нот, врученных Меншиковым турецкому правительству, и брала их под свою защиту. По мнению «Journal des Débats», требования России не содержали ничего невыполнимого и отнюдь не должны были привести к конфликту. Статья заканчивалась успокоительными заверениями, что ничто не угрожает европейскому миру. «Débats»—орган орлеанистской оппозиции, одна из немногих уцелевших при второй империи газет не-бонапартистского толка. Оставалась попрежнему влиятельнейшей и осведомленнейшей французской газетой своего времени.

«Le Constitutionnel» (см. прим. 40-е и 71-е), после революции 1848 г. примкнувшая к временному правительству, очень скоро переменяла ориентацию и стала в ряды сторонников бонапартизма. В 1852 г. газета была продана доктором Вероном банкиру М и р е с у (Mirès Жюль-Исаак, 1800—1871) и превратилась окончательно в официальный. Миресу принадлежала в то время и основанная Ламартином (ранее республиканская) газета «L e P a u s» (была основана в 1849 г.), выходявшая с подзаголовком «Journal de l'E m p i r e». Редактором обеих газет состоял назначенный Миресом де Ла Героньер (de La Guéronnière Артур, 1806—1875). Что касается «La Presse» (см. прим. 10-е), то Эмиль Жирарден, позицией которого определялась позиция газеты, вначале выступал против Луи-Наполеона и был даже по декрету от 9 января 1852 г. временно выслан из Франции. Вернувшись через 2 месяца, он повел газету без определенной политической программы, отказываясь, по возможности, от обсуждения политических вопросов и, таким образом, удерживаясь в узких рамках наполеоновских законов о печати.

¹³⁰ Смысл слов Шельбёрна (Shelburn) становится понятным, если вспомнить, что 31 мая 1853 г. английская эскадра вице-адмирала Дендаса, стоявшая у берегов Мальты, получила распоряжение итти к входу в Дарданеллы. Весть об этом, повидимому, тотчас достигла Парижа. Ответ Толстого содержит напоминание об англо-греческом

инциденте 1850 г., т. н. деле Пачифико. Английская эскадра появилась тогда неожиданно у берегов Греции, требуя вознаграждения английского подданного, ростовщика-еврея Пачифико, за разграбление толпой его дома в Афинах. Правительство короля Оттона (Оттон I—греческий король, 1832—1862), чтобы освободиться от блокады, вынуждено было удовлетворить претензии Англии.

¹³¹ *La Valette* Шарль-Жан-Мари-Феликс, маркиз де (1806—1881)—французский посол в Константинополе (1851—1853).

¹³² *Джерси*—английский остров в Ламанше, искони дававший приют французским политическим эмигрантам. После переворота 1851 г. на Джерси поселилась довольно многочисленная группа изгнанников-республиканцев (среди них В. Гюго).

¹³³ *Принц Наполеон Бонапарт* (1822—1891)—младший сын вестфальского короля Иеронима Бонапарта от второго брака. Был назначен (1853) Луи-Наполеоном дивизионным генералом, хотя никогда до этого в армии не служил. Играл довольно значительную роль во внешней и внутренней политике Второй империи.

¹³⁴ *Панин Виктор Никитич, граф* (1801—1874)—министр юстиции (1839—1860); приехал в Париж 12 июня 1853 г. (См. «*Journal des Débats*» от 13/VI 1853 г.). Великая княгиня *Мария Николаевна* (1818—1876)—дочь Николая I, вдова герц. Лейхтенбергского; газеты сообщали о предстоящей ее поездке в Англию, через Бельгию и Францию.

¹³⁵ Толстой передает, видимо, какие-то непроверенные слухи.

¹³⁶ *Ратапуали (gataroil)*—прозвище сторонников военщины и, в частности, бонапартистской военщины.

¹³⁷ *Принцесса Матильда (Mathilde-Laetitia-Wilhelmine Bonaparte, 1820—1894)*—дочь вестфальского короля Иеронима Бонапарта от второго его брака с принцессой Екатериной Вюртембергской. В 1840 г. вышла замуж за Анатолия Демидова, с которым развелась в 1845 г. Была очень дружна со своим двоюродным братом Наполеоном III.

¹³⁸ *Вели-Эдди-Нифаат-паша*—оттоманский чрезвычайный посланник и полномочный министр во Франции (1853—1854).

¹³⁹ 30 ноября н. ст. 1853 г. начальник русской эскадры адмирал Нахимов настиг турецкую эскадру, укrywшуюся от бури в Синопском порту, на Анатолийском берегу Черного моря, и уничтожил ее там после трехчасового боя (война еще не была официально объявлена).

¹⁴⁰ «*L'Assemblée Nationale*» (1848—1857)—орган объединенных орлеанистов и легитимистов, ведший, и не без успеха, ожесточенную борьбу с республиканским правительством. После переворота 2 декабря газета была сохранена наравне с другими легитимистскими газетами, так как Луи-Наполеон рассчитывал найти с легитимистской прессой общий язык. Во главе газеты стоял *Ла Валетт (La Valette Адриен граф де, 1814—1886)*. Ближайшее участие в газете принимали Гизо, Моле, Сальванди, Беррье, Ларошфуко и др. В первые годы существования газеты деятельным ее сотрудником состоял Гранье де Кассаньяк (см. прим. 73-е). Толстой был связан с газетой в течение ряда лет и снабжал ее деньгами (см. прим. 71-е, а также К Делу № 191, 1836, пак. 10 (1), лл. 25 об., 74 К Делу № 191, пак. 10 (4), лл. 79, 188 об.—189).

¹⁴¹ *Сельфисей (Сефельс)*—атташе турецкого посольства в Париже (1851—1854).

¹⁴² Когда после объявления войны Толстой был вынужден переселиться в Брюссель, этот самый Вольферс стал одним из его «корреспондентов», информировавшим его обо всем происходившем в Париже (см. К Делу № 191, 1836, пак. 10 (4), лл. 204 и сл.).

¹⁴³ Отставка Пальмерстона—15 декабря 1853 г., после пребывания с 1852 г. во главе министерства внутренних дел. Будучи министром внутренних дел, Пальмерстон оказывал влияние и на иностранную политику Англии, высказываясь решительным образом за войну с Россией, в союзе с Францией.

¹⁴⁴ *Saint-Arnaud Жак-Ахилл* (1798—1854)—французский генерал; принимал деятельное участие в подготовке переворота 2 декабря 1851 г. За «заслуги» во время переворота получил звание маршала (2 декабря 1852 г.), военный министр (октябрь 1851 г.—март 1854 г.), главнокомандующий французской армией в Крыму, скоропостижно умерший в начале кампании (20 сентября 1854 г.); совершенно бездарный вояка. См. его яркие характеристики у Маркса.—Маркс и Энгельс, Сочинения, ИМЭЛ, 1933, X, 64—67, 145, 170, 421, 524, 617.

¹⁴⁵ *Fould Ахилл* (1800—1867)—французский банкир, министр финансов (1849—1851), после переворота 2 декабря—сенатор и государственный министр (*ministre d'Etat, 1852—1860*). По словам Маркса «один из самых опороченных членов финансовой аристократии».—Маркс и Энгельс, Сочинения, ИМЭЛ, 1931, VIII, 359).

Вагосхе Пьер-Жюль (1802—1870)—адвокат, член палаты депутатов и Национального собрания; генеральный прокурор (1849), министр внутренних дел (1850)

и иностранных дел (1851), после переворота 2 декабря, по выражению Маркса, на «очень доходной должности вице-президента сената», а затем председателя Государственного совета.—*Ibid.*, 363.

¹⁴⁶ *Persigny* Жан-Жильбер-Виктор (1808—1872)—деятельный участник переворота 2 декабря 1851 г., министр внутренних дел (2 января 1852 г.—23 июня 1854 г.).

¹⁴⁷ *Drouyn de Lhuys* Эдмон (1805—1881)—французский дипломат, министр иностранных дел (1852—1855), сторонник союза Франции с Англией.

¹⁴⁸ *Hugo (V.) Les Châtiments, Bruxelles, 1853.*

¹⁴⁹ Одним из информаторов Толстого был в те годы некий Паскаль, которого он именует личным секретарем (*secrétaire intime*) Луи-Наполеона. Как указывает Толстой, Паскаль служил ранее секретарем у генерала Жомини и сотрудничал в «*Spectateur militaire*» (журнал, посвященный вопросам военной науки, военного искусства и военной истории, 1826). За сведения, доставляемые Паскалем, в Петербурге платили охотно, и по отношению к нему проявляли большую щедрость, чем по отношению к журналистам (см. Дело III отд. 1 эксп. № 191, ч. 5, лл. 49—50; ч. 6, лл. 40—41, и К Делу III отд. 1 эксп. № 191, пак. 10 (2), лл. 37 об.—40, 49).